

Ариэль Файнерман

Взгляд

Рассказы

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф12

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Файнерман Ариэль
Ф12   Взгляд : Рассказы / Ариэль Файнерман. — [б. м.] : Издательские
решения, 2017. — 168 с. — ISBN 978-5-4483-9325-9

С первых страниц вы погружаетесь в удивительную атмосферу сюрреалистической новеллы, действие которой происходит в США в начале восьмидесятых годов. Главный герой, Стив, живёт в Бостоне и работает в юридической фирме. Проснувшись утром, он обнаруживает в своей квартире необычное существо. Оно предлагает Стиву бессмертие, но при определённом условии. После недолгих колебаний Стив соглашается, однако вскоре границы реальности и иллюзии размываются, и он уже не может отличить одно от другого.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4483-9325-9

© Ариэль Файнерман, 2017

*Выражаю благодарность моей маме, тёте
и бабушке за чтение черновиков и моральную
поддержку.*

*Посвящается Крису, яркому лучу света
в царстве серой реальности.
Ты всегда будешь жить в моём сердце,
младший братик.*

Взгляд

*И закипает в крови женьшеневый сок.
И чей-то пристальный взгляд нацелен прямо
в висок.*

Эдмунд Шклярский, «Смутные дни»

1

Стив проснулся оттого, что на него кто-то смотрел. Раньше он никогда не испытывал подобного, и с недоверием относился к рассказам о том, будто кто-то «затылком» чувствовал чей-то взгляд. Он остался лежать с закрытыми глазами, пытаясь осознать новое чувство. Это было похоже на прикосновение, лёгкое, но в то же время настойчивое. С каждой секундой его наполнял ужас: чужие глаза — глаза *нечеловека* — смотрели сквозь его веки; неподвижно, спокойно; они видели всё, а Стив их не видел, он просто знал, что они есть. От этого можно было сойти с ума.

«Может это всё кошмар, — подумал Стив, — но если я не посмотрю, я потеряю рассудок», — волна страха окатила его с новой силой, он не выдержал и открыл глаза. Ужас исчез, однако было бы неправдой сказать, что Стив не испугался.

На него смотрело существо.

Оно сидело за его столом, небрежно опустив руки, на нём был его костюм и дорогая белая рубашка, купленная Стивом несколько лет назад, но надетая всего пару раз. Его лицо, похожее на морду летучей мыши, со сплюснутым, немного вздёрнутым носом и перепончатыми треугольными ушами не двигалось. Только ноздри слегка раздувались и сжимались в такт дыханию. Кожа светло-голубого оттенка, вместо волос — длинные жёсткие как у дикобраза иглы, пальцы на руках заканчивались серо-голубыми когтями. Но больше всего Стива изумили его глаза: большие с фиолетовой радужкой и вертикальными деформированными зрачками, изогнутыми волной. Весь облик этого необычного существа говорил о его внеземном происхождении.

Стив встал и, не спуская глаз с существа, накинул рубашку, он пытался сохранить связь с реальностью, однако заметил, что не очень удивлён пришельцу, что само по себе было странно.

— Кто ты? — спросил он, даже не подумав, что там, откуда

оно пришло, могли и не знать английский. Звук своего голоса, прозвучавший в полной тишине, показался ему чужим. Однако, существо поняло его.

— Айг, — ответило оно. — Сразу скажу, чтобы ты знал: я смотрю из твоих глаз, с самого твоего рождения.

Казалось, оно пробовало на вкус человеческие слова, и они ему определённо нравились.

— Не знаю, стоило ли тебе говорить, но иначе ты ничего не поймёшь. — Айг облизнулся длинным синим языком, обнажив несколько рядов игольчатых зубов.

Однако Стив уже ничего не понимал. Он готов был поверить, что это существо *действительно* с ним говорит, но не *о чём* оно говорит.

— В смысле? Что значит смотрел из моих глаз?

— В общем, ваши глаза — это окна, через которые мы, айги, смотрим на ваш мир. Как телевизор или перископ. Весьма упрощённая аналогия, но главное, надеюсь, ты уловил.

У Стива в голове что-то щёлкнуло.

— Я не верю тебе! — выкрикнул он и сразу же замолчал, испугавшись своей дерзости.

— Ты можешь не верить мне, но ты же веришь своим глазам, они ведь ещё тебя не обманывали, не так ли? Раз уж ты видишь меня, почему бы заодно не поверить моим словам? Согласен: трудно смириться с мыслью, что кто-то знает о тебе всё. Даже то, что ты сам забыл. Даже то, о чём ты бы не признался никому.

Айг размял пальцы и сложил их веером перед своим лицом.

— Тебе должно быть интересно, откуда я? — его мягкий бархатный голос с удивительно правильным произношением, резко контрастировал с отталкивающей внешностью и лишь усиливал неприятное впечатление.

Стив кивнул.

«Лучше не спорить с ним, кем бы оно ни было», — подумал он.

— Под вашим миром есть Нижний Мир, — начал айг, — там есть *река Боли*, вместо воды в ней человеческая кровь, стекаю-

щая из вашего мира. Ваша кровь смертельна для нас, поэтому айги живут лишь по одну сторону. Но по другую тоже есть жизнь, хотя, если честно, лучше бы её не было. И ещё там есть *двери*.

— Двери? — переспросил Стив.

— Двери, — сказал айг и резко потянул носом воздух. Только сейчас Стив заметил, что в его движениях было нечто животное. Иногда они были неестественно резкие, словно человеческие движения давались ему с трудом.

«Он просто пытается быть похожим на человека, он смотрит на меня и пытается повторить!» — догадка пронзила сознание Стива, осветив что-то ещё, но что именно, он не заметил.

— И что же ты обо мне знаешь? — внезапно спросил он.

— Например, я знаю, что ты не общался с родителями с тех пор, как уехал из своего маленького города. Когда твоя мать умерла от рака, она очень хотела услышать твой голос перед смертью. И твоя сестра несколько раз звонила тебе и просила сказать матери лишь несколько слов. Но ты не захотел и сразу же положил трубку. Ты испугался. Испугался встретиться со смертью!

— Пожалуйста, прекрати! — сказал Стив.

— Конечно, ты скажешь, что она сама виновата, и, возможно, будешь прав. Ты же так считаешь?

— В некотором смысле.

— Скажи, а ты боишься смерти? — его вертикальные зрачки сузились ещё сильнее, и Стиву издалека показалось, что они распались на фрагменты. Чёрные острова в фиолетовом океане.

Стив не выдержал, если до этого он просто стоял и смотрел на айга, воспринимая события лишь последовательностью кадров, в которые он не мог вмешаться, то сейчас от него требовали участия; и он перестал осознавать происходящее, оно стало игрой. А чтобы играть в игру вовсе не обязательно понимать правила, нужно просто следовать им.

Айг больше не казался ему чем-то странным, он стал самым обычным явлением, вроде менеджера по рекламе.

— Очень, — Стив, наконец, направил свои мысли в нужное русло, — но разве ты своим появлением не доказываешь жизнь

после смерти? Разве ты не...

Айг издал лающий звук, похожий на смешок.

— Нет, прошу прощения, если разочаровал. Мы смертны, вместе с вами, — ответил он. — Наш мир — параллельная вашему физическая реальность. Многие из вас считают, что за смертью что-то есть, но это не так, я убедился в этом — там, за чертой, ничего нет. Там — пустота, серая полупрозрачная глухая пустота. А может, она похожа на туман, где в *абсолютной пустоте* лежат истлевшие останки некогда живых существ. Но они сами не знают об этом, они уже *ничего* не знают и не узнают *никогда*. Там нет даже мыслей — единственное, что невозможно отнять у нас, — там не будет даже их.

Айг вскочил, обошёл Стива и заглянул ему в глаза. Айг был прав, и в его глазах словно в зеркале Стив увидел своё искажённое ужасом лицо. Воспоминания нахлынули на него: страх перед временем, конечностью жизни и бесконечным небытием. Ему почти удалось забыть его, заглушить жизненными проблемами ужасные мысли, лишь изредка посещавшие его в последнее время. Но сейчас он словно оказался выброшен из тёплого уютного убежища, которое создавал всю жизнь, под обжигающе холодный проливной дождь.

— Скажи, как ты представляешь смерть, — голос айга вывел его из оцепенения.

Стив шумно вздохнул и стал глотать воздух, словно вынырнул из глубины.

— Я не знаю... я не могу... — он всхлипывал через каждое слово, — когда я был ребёнком, мысли о смерти... ввергали меня в ужас, это было похоже на приступы, когда я не мог уснуть, я лежал и думал о космосе, о бесконечности. Я пытался представить небытие, что это значит — не существовать? И каждый раз у меня не получалось — мысль о том, что когда-нибудь я забуду о том, что жил — это было ужасно... — он закрыл глаза руками и заплакал ещё сильнее. — Зачем ты меня мучаешь? — застонал он. — Ты же сам всё про меня знаешь!

Стив сполз со стула и уселся на полу, рубашка прилипла

к телу, липкому от холодного пота.

— Прости, — айг погладил его по голове, — я всего лишь напомнил тебе, чтобы ты не забыл.

— Зачем? — Стив всё ещё дрожал.

— Ты боишься смерти, и это прекрасно! Значит, я смогу рассчитывать на твою помощь.

— Помощь в чём? — он сидел, смотря перед собой и всхлипывая.

«Неужели это будет преследовать меня всю жизнь, отравляя её?»

— Мы сможем избавиться от смерти, — серьёзно сказал айг.

— И как? — с сомнением спросил Стив, но в душе у него появилась надежда. Он был готов цепляться за любую мысль, какой бы абсурдной она не казалась.

— *Река Боли* низвергается водопадом или, скорее, *кровепадом Вечности* в *Пропасть Забвения*, если хотя бы по одной капле крови айга и человека достигнет дна пропасти — мир перестанет существовать. Но этого никогда не случится — пропасть бесконечна, как и падение капли, в течение которого смерть исчезнет.

— Так просто?

— Я не уверен, но попытаться стоит, во всяком случае, ты ничего не теряешь.

— Хорошо, — ответил Стив, — и что мне нужно сделать?

Айг изобразил подобие улыбки — мимических мышц у него не было, и это придавало его лицу особое отрешённое выражение.

— Для начала тебе нужно успокоиться, а затем спуститься в Нижний Мир и пройти к кровепаду.

Стив выглядел растеряно: ему совсем не нравилась идея спускаться неизвестно куда с этим странным существом.

— Может лучше ты просто возьмишь у меня кровь и сам отнесёшь её к водопаду? — осторожно спросил он.

— Стив, — айг первый раз назвал его по имени, — проблема в том, что нужна *свежая* человеческая кровь, так что тебе *придётся* отправиться в Нижний Мир, но поверь, оно того стоит.

Да и вообще... — айг окинул взглядом комнату и провёл рукой вокруг, — много ли где ты был? По-моему, это прекрасный шанс немного разнообразить свою унылую жизнь увлекательным путешествием в неизведанный мир. Ах да, чуть не забыл! У нас прохладно и сыро, поэтому тебе стоит побеспокоиться об одежде.

— Айг — твоё имя? — зачем-то спросил Стив.

— Нет, айг — название моей расы.

— А как тебя зовут?

Айг замолчал, и стал осматривать комнату. Его взгляд перепрыгивал с предмета на предмет, пытаясь зацепиться.

— Энжел... — сказал он, как-то неуверенно. — Энжел, — повторил он чуть увереннее. — Энжел, — наконец сказал он так, как обычно и произносят своё имя.

— Ясно, — сказал Стив, чувствуя себя несколько глупо.

Айг ещё раз огляделся, плавно водя головой. На секунду замер, словно вспоминая что-то важное, внезапно вырвал у себя волос, проткнул им левую щёку и стал действовать им как зубочисткой, а затем резким движением вынул его. По щеке стекла капля прозрачной жидкости. Айг бросил волос под стол и облизал языком место прокола.

— Иногда, короткий путь больше, — сказал он, — помни об этом.

Слова эхом отозвались в сознании Стива.

— А сейчас мне пора, — он резко потянул носом воздух, — встретимся завтра.

Айг посмотрел на стену, и словно невидимое лезвие вырезало в ней прямоугольник, открывшийся дверью внутрь стены. Не было ни звука лопающихся кирпичей ни самих кирпичей — за тонкими краями проёма начинался чужой мир. Айг вошёл в проём, и, как только он оказался на зелёном лугу, покрытом туманом, дверь закрылась. Стив лишь успел подумать, что костюм совсем не смотрится на нём.

Когда айг исчез, Стив ещё долго стоял в недоумении и смотрел на стену, безуспешно гадая, что же это было. Затем он взглянул на книжную полку, туда, где остановились глаза айга. Прямо

на него смотрела книга «Ангелы и демоны» немецкого мифолога Конрада Цвейга, оставшаяся ещё от прежних жильцов.

Стив провёл пальцем по её пыльному корешку.

— Значит, Энжел... — задумчиво произнёс он. — Что же, Энжел, приятно познакомиться.

2

Он позвонил в офис и сказал, что ему нужно срочно уехать на неделю в Канаду. Он купил рюкзак, десять банок консервов и пакет с сухарями. Он сходил в оружейный магазин и купил патроны к пистолету. Весь вечер он пытался заставить себя уснуть, но из-за сильного волнения ему это удалось лишь к середине ночи.

Проснувшись утром, Стив ожидал увидеть айга у себя в комнате, ведь новый день уже наступил, зачем медлить?

Но айга не было.

Он недоверчиво посмотрел на стоящий возле стены рюкзак: «Неужели я и в правду собрался в путешествие?»

«Боже, какой же я идиот! — Стив рассмеялся, — это был всего лишь сон!»

На всякий случай он заглянул в шкаф: костюма и пары туфель не было. Стив задумался.

«Скорее всего они в ремонте или в химчистке.»

Он вернулся к кровати и упал на неё.

— Всего лишь сон... — произнёс Стив, и по его спине пробежал холодок.

«Наверное, со стороны это может показаться полным бредом...» — подумал он, ощущая себя совершенно разбитым. Он отчаянно хотел найти объяснение всему, что здесь происходит, но не знал с какой стороны начинать. Айг, Нижний Мир, Кровепад Вечности, Река Боли — просто слова, такие же, как Канада или Нью-Мексико, но Стив не задумывался об их смысле, что они означают *на самом деле*, почему же сейчас это стало важно? В его голове всё перемешалось. Мысли жили своей собственной жизнью.

Он посмотрел на часы. Время. Чем бы его не измеряли: секундной стрелкой, фазами луны, или переходами между кван-

товыми состояниями возбуждённого атома цезия — оно всё также продолжает свой непринуждённый бег, подбирая по пути вещи, мысли и человеческие жизни.

«Схожу прогуляюсь в центр, — решил он, — а завтра как обычно выйду на работу.»

Через час Стив сидел на двадцать первом этаже бизнес центра в кафе за столиком у стеклянной стены. Отсюда открывался великолепный вид на город, на реку и на мост имени Лонгфелло. Внизу потоки автомобилей и людей, разделённые тонкими линиями, пересекались в местах, отмеченных переходами.

«Какие же мы маленькие и жалкие, похожие на насекомых, а ведь глядя на себя в зеркало и не скажешь».

Он ковырял вилкой нечто, похожее на яичницу.

Перекусив и расплатившись, Стив вышел из кафе и спустился вниз, на улицу. Было всего лишь одиннадцать часов утра, и Стив решил прогуляться пешком.

На улице было пасмурно, но светло. Сквозь мятые облака, наброшенные на небо словно вуаль, пробивался тусклый солнечный свет. Лёгкий ветер нежно касался его лица.

«Какое странное ощущение», — подумал Стив.

Он всматривался в лица прохожих, словно надеялся найти в них ответ на вопрос, который ещё не был озвучен.

Вдруг ему стало страшно. Он чувствовал себя совершенно беспомощным перед временем и смертью.

«Мы все уже умерли, заранее, до своего рождения.»

Ещё будучи ребёнком он сделал очень важное наблюдение: время неумолимо течёт в одну сторону, и любое событие в будущем когда-нибудь наступит. Как бы далеко оно не было.

Эта идея пришла ему в голову примерно в одиннадцать лет, когда он гостил у бабушки с дедушкой в Гринвилле — небольшом провинциальном городке на границе Пенсильвании и Огайо. Маленький Стив лежал на необъятной кровати, убранной зелёным покрывалом с узором из белых цветов, под которым была мягкая перина. Сквозь открытую дверь было слышно, как на кухне бабушка готовила варенье из свежих яблок. Стив закрыл

глаза, он только что прибежал из сада, в котором играл, и растянулся на кровати, уставший, но довольный. А впереди у него была ещё целая жизнь, полная приключений. Во всяком случае, так ему казалось.

И он решил запомнить этот момент, чтобы отсчитывать от него время. Ему было интересно: действительно ли будущее *всегда* наступает, превращаясь в прошлое? Что будет через год, через два, через три? Тогда эти сроки казались ему вечностью. С тех пор незаметно прошло много лет, в течение которых Стив часто вспоминал тот момент, уплывающий всё дальше и дальше в прошлое. Вернее, он как раз стоял на месте, вмёрзший в пространство и время, это Стив уплывал от него в будущее, всё дальше и дальше.

Вечности не существует. Вечность — это всего лишь очень много лет, но как бы много их не было, они когда-нибудь закончатся. Если что-то *непременно* произойдёт в будущем, можно считать, что оно *уже* произошло, как бы далеко оно не было.

«Если я когда-нибудь умру, можно считать, что я *уже* умер, и ничего сделать нельзя. Почему?! Зачем я вообще родился? Неужели, чтобы всю жизнь жить в страхе?»

Мысль не была нова, впервые Стив осознал её в тринадцать. Сейчас ему было бы стыдно признаться, но до этого возраста он верил в загробную жизнь. Пока всё резко не встало на свои места. Это стало для него шоком, открытием перевернувшим всю его жизнь, разделившуюся на «до» и «после». Со временем она потускнела и выцвела, превратившись в хроническую болезненную тоску. Однако всякий раз, когда Стив вспоминал о неизбежности смерти, у него начиналась паника.

«Ну почему единственная надежда была всего лишь сном? — подумал он с обидой, — почему не может быть наоборот: почему смерть не может оказаться сном?»

У него замёрзли руки. Стив пошёл быстрее и начал их растирать на ходу. Ему казалось, что если он остановится хоть на секунду, смерть настигнет его. Она была рядом, смотрела на него лицами стариков и тёмными провалами подъездов. Мир

стремительно сжимался вокруг него, ещё немного, и он схлопнется в сферу, маленькую светло-голубую точку, из которой ему никогда не выбраться. Стив напрягся в ожидании прикосновения к своему плечу чего-то холодного и острого, но в последний момент бросился бежать и успел запрыгнуть в уходящий автобус.

«Ничего, — подумал Стив, держась за поручни, — я ещё живой, а когда исчезну, страх исчезнет вместе со мной. Нужно меньше думать о нём, тем более, если всё равно ничего не изменишь.»

Когда Стив вернулся, айг сидел в комнате за столом, в той же позе, что и в прошлый раз. Стив улыбнулся. Он вдруг с удивлением обнаружил, что очень рад снова видеть это существо. Ощущение было похоже на радость от встречи с приятелем, которого много лет не видел, но Стив почувствовал разницу; для него это означало несколько иное: надежду.

— Ты испугался, что я мог оказаться всего лишь галлюцинацией, и все твои кошмары вновь вернуться к тебе. — В его голосе не было вопроса, всего лишь констатация факта. — Но сейчас, надеюсь, у тебя нет сомнений? — Айг бросил взгляд на рюкзак. — Я смотрю, ты хорошо подготовился, что же, мы можем идти прямо сейчас.

— Э... можно я переоденусь и перекушу? — спросил Стив. За время прогулки он снова проголодался.

— Конечно, — кивнул айг.

Стив пошёл на кухню и поставил в микроволновую печь вчерашнюю еду. Время от времени он заглядывал в комнату, чтобы убедиться, что айг не исчез. Поев, Стив переоделся в тёплую походную одежду, нацепил рюкзак и застегнул ремни на груди.

— Я готов, — сказал он.

— Отлично.

Айг направился к входной двери.

— Но это же просто дверь... — вырвалось у Стива.

— *Дверь-из* может быть и *дверью-в*, — сказал айг, распахивая её.

Стив вышел вслед за ним. На площадке царил полумрак, под

ногами — вековая пыль, откуда-то сверху, с лестничных пролётов падали несколько одиноких лучей — всё выглядело так, словно людей здесь нет уже давно.

— Всё знакомое, но какое-то *другое*... — удивился Стив.

— Именно. Лучше и не скажешь.

Наружной двери в подъезде не было, и они сразу вышли на улицу. Стив огляделся: низкое серое небо, сумерки, знакомые здания были покрыты слоем полупрозрачного желе, похожего на снег; с неба падали белые хлопья; но самое главное, не было горизонта — попытки разглядеть что-либо исчезали в тумане.

Вид безлюдного города произвёл на Стива жуткое впечатление. Ему стало страшно, как когда-то в детстве, когда он впервые в своей жизни задумался: что же там за чертой?

— Сюда заглянула смерть, — сказал он и осёкся.

Его скулы свело, тело била мелкая дрожь. Он схватил айга за руку.

— Вернёмся, Энжел, там дверь...

— Там ничего нет, — спокойно сказал айг, — и на твоём месте я бы не стал заглядывать в здание. У нас теперь только один путь — вперёд.

Ладонь айга, тёплая, покрытая мягкой едва заметной шерстью, Стив медленно разжал пальцы, выпустив её из своей руки.

— Здесь абсолютно безопасно, если ты будешь следовать за мной, — добавил он.

Стиву показалось, что за ним рухнул мост из человеческой кожи, он шагнул вперёд, вслед за айгом, и чувство улетучилось, оставив лишь неприятное воспоминание, словно укол иглой.

Они шли по улице, вокруг высились строения, в которых никогда не было людей. Когда здание, из которого они вышли, исчезло в тумане, далёкий звук рухнувшего моста эхом отозвался в сознании Стива, как будто кто-то с запозданием включил аудио канал.

Айг шёл несколько впереди, и Стив не выпускал его из виду, когда заметил, что его движения стали почти человеческими: он перестал сутулиться, его спина стала прямой, в тумане его можно

спутать с человеком на расстоянии нескольких шагов. Этот факт изумил его сильнее, чем атмосфера пустого города.

«Чёрт! — подумал Стив, — он ведёт себя как человек...»

Почему-то это его беспокоило, это было неправильно, неестественно, но он в очередной раз предпочёл не думать об этом.

Пустые серые здания сменяли одно другое, появляясь и исчезая в тумане, и Стив уже хотел спросить у айга когда же они, наконец, выйдут из этого, действующего на нервы места, но его вопрос опередили стремительно происходящие изменения.

Полупрозрачное желе, покрывавшее всё вокруг, дёрнулось и задрожало, Стив услышал далёкий гул и в ужасе пригнулся, ожидая, что сейчас всё рухнет прямо на них. Затем здания, распадаясь на тонкие длинные фрагменты, взмыли вверх с нечеловеческим воем, который, казалось, скрёб по костям, а Стив с айгом провалились вниз, впрочем, никак этого не почувствовав. Они остались там, где и были, с той лишь разницей, что вокруг было зелёное поле, и никакого тумана не было.

— Добро пожаловать в Нижний Мир, — сказал айг.

— То есть ты хочешь сказать, что *это* не было Нижним Миром, тогда где же мы были? — на лице Стива отразился испуг.

— Не знаю, — ответил айг, ты первый человек, попавший в Нижний Мир, возможно, твоё присутствие создаёт неизвестные эффекты.

— Весёлое начало.

— Ты сам согласился, — ответил айг, — не забывай, зачем мы здесь.

— Я об этом помню.

— Вот и прекрасно.

Они направились по зелёной холмистой равнине, на первый взгляд, однородной во всех направлениях. Стив молча шёл вслед за айгом, целиком доверившись ему.

Уже с первых минут пребывания в Нижнем Мире он сделал важное открытие: в нём не было Солнца. Серое небо светилось равномерно, как в ясный, но облачный день. Стив долго всматри-

вался в него, пытаюсь найти источник света, но так и не обнаружил его. Свет шёл отовсюду.

— Он проходит через ваш мир, прежде чем попадает сюда, много раз отражённый, преломлённый и рассеянный, — видя замешательство Стива, пояснил айг.

Он подождал, пока Стив проведёт несложный эксперимент: поставив ладонь параллельно земле, он заглянул снизу — она была освещена точно так же.

Внезапно их накрыли несколько теней, с человеческий рост, и быстро уплыли по траве, исчезнув за холмом.

— Тени вашего мира, — не дожидаясь вопроса, сказал айг.

Они оставили за собой уже не одну милю, когда местность стала меняться. Трава сменилась папоротниками. Стив никогда не видел папоротникового луга, и полагал, что такое вообще невозможно, однако природа Нижнего Мира в очередной раз изменила его мнение.

— Что-то не так? — айг вопросительно посмотрел на него.

Стив опустил на колени, раздвинул листья и увидел, как между побегами текут струйки тумана. Они разбивались на мелкие потоки, вновь сливались, и вновь разбивались, встречая препятствие; заполняли следы его ботинок, оставленные во влажной болотистой почве, и текли дальше, исчезая в густых листьях папоротников.

— Туман, — прошептал Стив. Он опустил кончики пальцев в один из ручейков и почувствовал тепло, как если бы это была вода температуры человеческого тела, поднёс руку к лицу — пальцы были влажные.

— Как красиво! — он заворожено смотрел на текущий туман, затем перевёл взгляд на айга, но никаких комментариев не последовало, тот просто подождал, пока Стив не встанет, и они смогут продолжить свой путь.

Тем временем туман всё прибывал и прибывал, он уже покрывал всю поверхность почвы тонким слоем, и был виден даже сквозь густые заросли папоротника. Затем его уровень повысился, и ботинки Стива скрылись в нём, наконец, он достиг

колен, укрыв папоротники. Айг не обращал никакого внимания на туман, и Стив последовал его примеру, сосредоточившись на своих ощущениях.

Сверху туман казался густым киселём, по цвету похожим на концертный дым, но он не рассеивался в воздухе, словно какая-то сила прижимала его к земле. Казалось, в нём невозможно было передвигаться, но он никак не ощущался, Стив чувствовал тепло и лёгкое *течение*, ощущавшееся, впрочем, скорее интуитивно.

— Прилив, — сказал айг, — красиво, не правда ли?

Середина реки, по обе стороны — белая клубящаяся поверхность тумана, исчезающая вдаль, до берега полмили.

Над поверхностью реки Стив заметил висящие полупрозрачные столбы, иногда они медленно перемещались.

Насекомые. Каждый столб состоял из тысяч мелких насекомых, в их движении по спирали, было что-то бесконечное.

— Энжел, — сказал он айгу, — не спеши, я хочу посмотреть на них. Он остановился возле одной из спиралей и любовался их целенаправленными точными движениями, наполненными какой-то логикой.

— Я не понимаю, — Стив посмотрел на айга.

— Что именно?

— Как они это делают, эти фигуры?

Айг посмотрел вдаль, затем снова перевёл взгляд на Стива:

— Если бросить камень, он упадёт вниз. Ему сообщили энергию, и он тратит её, пока она не закончится, чтобы перейти в состояние с наименьшей энергией. Таковы законы вашего мира. Это же, — он указал на рои насекомых, — их состояние с наименьшей энергией. Таковы законы Нижнего Мира.

— Ясно, — сказал Стив, и они продолжили путь. Ясного, впрочем, было мало.

Через некоторое время Стив снова остановился.

— Сейчас, — сказал он и улыбнулся, — проверю одну интересную мысль.

Он резко поднял ботинок вверх, взметнув фонтанчик тумана,

фонтан поднялся до уровня его груди, выворачиваясь изнутри как газопылевое облако из вулкана, а затем медленно опустился вниз, слившись с поверхностью реки.

— Здорово, правда? — он испытал детский восторг, словно снова стал ребёнком, первый раз играющим в реке.

Внезапно он заметил какие-то мелькнувшие блики.

— Энжел! — он предпочёл переместиться поближе к айгу. — Кажется, я кого-то видел. Здесь живут какие-нибудь существа?

— Здесь живёт много разных существ, — айг потянул шею, — какие именно ты имеешь в виду? — Он показал пальцем. — Вот эти?

Стив не поверил своим глазам: там, куда указывал айг, из тумана выпрыгнули несколько маленьких рыбок. Да. Именно. Это были рыбки, маленькие, размером с гуппи, серебристые рыбки. Они выпрыгивали из тумана, трепеща маленькими плавниками, как веерами, и падали обратно, поднимая молочно-белые клубы.

— Посмотри, Стив, ради этого стоит перейти реку.

Стив наблюдал за ними, за их акробатическими трюками в воздухе, и в глазах его читались изумление и восторг.

Берег встретил их мягкой зелёной травой с поля для гольфа, она началась также незаметно, как река: уровень тумана становился всё ниже и ниже, пока последние его остатки не иссякли. Стив пошёл увереннее — не смотря на то, что туман не задерживал движений, обладая плотностью, лишь немного выше воздуха, идти, когда земля видна, было как-то спокойнее.

И ничто не смогло его отвлечь от внезапно вынырнувшей мысли, когда он взглянул на айга.

— Энжел, как всё-таки красиво в этой долине... — сказал он, ещё не осознав своей догадки.

— И?

— В смысле?

— В твоей фразе слышна незаконченность. Тебе кажется, что я не вписываюсь в неё. Ведь так?

Стив смутился. Айг замедлил шаг, и когда Стив поравнялся

с ним, пристально посмотрел на него своими большими фиолетовыми глазами.

— А знаешь почему? Ты слышал о законе сохранения энергии? Так вот красота — это тоже энергия, и её запасы в мире ограничены. На всех не хватит. И если ты красив, то как-нибудь, подойдя к зеркалу, задайся вопросом: *за счёт кого* ты красив? Если у кого-то много денег, значит у кого-то их мало, ведь так? Почему же с красотой должно быть иначе?

— Но ведь она субъективна — возразил Стив.

— О нет, она объективна и реальна. Не веришь?

Стив промолчал.

— Почему цветы красивые? — спросил айг. — Чтобы привлекать насекомых. Да, но почему они привлекают ещё и людей? Почему я считаю их красивыми?

— Ты хочешь сказать, что у людей и насекомых одинаковое ощущение красоты? — Стив ощутил волнение, словно перед ним приоткрыли завесу великой тайны.

— Более того, оно у всех одинаковое, так как подчиняется вполне реальным и объективным законам природы.

Настолько глубокая, насколько и необычная идея, высказанная айгом ошеломила Стива.

— Я никогда не размышлял над этим вопросом, — признался он, — неужели всё и правда так связано?

— Более чем. Ты думаешь, весь Нижний Мир так красив? Нет, даже на *этой стороне* у вас есть у кого просить прощения.

Стемнело быстро. Но это не было ночью в привычном понимании, просто небо стало тёмно-серым. Они устроили привал у основания холма. Только сейчас Стив понял, как же он устал, всё его тело ныло, особенно ноги, непривычные к длительным переходам. В этот момент он пожалел, что не взял с собой обезболивающее.

Стив лежал на мягкой траве и смотрел на тусклые звезды — единственное, что было неизменным. Их свет пробивался через два мира, прежде чем коснуться глаз местных обитателей и его, Стива. Он представил, что сотни миллионов лет назад первые

земноводные и ящеры смотрели на эти же самые звёзды, и ему стало грустно и безумно жалко себя от мысли, что через много лет, новые существа при свете этих же звёзд найдут его окаменелый череп.

«Энжел, ты сказал что это возможно, я верю тебе, очень хочу верить...»

3

Ночью Стив проснулся и обнаружил, что айг исчез.

— Энжел, — шёпотом позвал он, но никто не откликнулся, а позвать громче он не решился.

По неясной причине Стив был уверен, что айг где-то неподалёку, к тому же он был очень уставшим и так хотел спать, что снова лёг на траву, с головой укрылся плащом и мгновенно уснул.

Второй раз Стив проснулся, когда уже рассвело, и небо приобрело свой привычный светло-серый цвет. Скинув плащ, он увидел айга, сидящего в позе лотоса на прежнем месте, где он был вчера вечером, словно айг никуда и не уходил. Казалось, даже травинки под ним были примяты так же.

— Ты уже проснулся? Прекрасно. Перекуси, и мы пойдём, — сказал айг, поднимаясь.

Стив хотел спросить айга, уходил ли тот ночью, но быстро передумал. Размявшись, он вытащил из рюкзака первую консерву и съел её с сухарями. Вода в бутылке была холодной, Стив сделал несколько глотков.

— Было бы неплохо развести костёр и подогреть еду, заварить чай, — сказал он.

— Увы, — айг пожал плечами, — здесь, как видишь, ни деревьев, ни кустарников, но, — добавил он, — когда мы перейдём за Стену, нам будет из чего развести костёр.

— За какую ещё стену? — спросил Стив.

— Скоро увидишь.

Поведение айга иногда казалось странным и нелогичным — на одни вопросы он отвечал легко и непринуждённо, в то время как другие игнорировал или ограничивался несколькими сухими словами.

— Что делать с мусором? — Стив указал на консервную банку.

— Оставь её на траве, — меланхолично ответил айг.

Серое небо, туман и зелёная мягкая трава. Они шли уже три часа, и Стиву начало казаться, что равнина никогда не закончится. Наконец, к полудню из тумана проступили далёкие очертания чего-то невероятно огромного. Вскоре, когда они подошли ближе, Стив увидел огромную стену. В просветах тумана было видно, как она тянется в обе стороны до самого горизонта.

— Ничего себе...

Стив запрокинул голову, пытаясь разглядеть верх стены, но она словно пронзала небо насквозь, исчезая в сером безмолвии. Если бы не особенность освещения Нижнего Мира, эта чудовищная стена должна была бы отбрасывать тень сотни миль. Но теней, во всяком случае местного происхождения, в Нижнем Море не было, и таким простым способом определить её высоту хотя бы приблизительно было нельзя.

Трава перед стеной была непривычно жёсткой и росла кустами, так что идти было не очень удобно, приходилось всё время смотреть под ноги. У самой стены Стив едва не наступил на лягушку, которая внезапно выпрыгнула у него из под ног и застыла, закрыв глаза.

— Не знал, что здесь есть лягушки!

Айг обеспокоено оглянулся.

— Осторожно...

— Это просто озёрная лягушка! — Стив наклонился, взял её поперёк тела и посадил на руку, чтобы лучше рассмотреть. Лягушка раскрыла веки и взглянула на него *человеческими* глазами, из которых текли слёзы.

— Вот дерьмо! — вскрикнул он и выпустил её из рук. Упав на землю, лягушка перевернулась, помогая себе лапами, хищно взглянула на него, словно собиралась напасть, но вместо этого, издала громкий звук, похожий на плач ребёнка и скрылась в траве.

— Что это за мутант, Энжел? Она испачкала меня слюзью! Мать твою! — Стив тщательно вытер руку салфеткой. — Ты видел её глаза? Как такое возможно?

— Она не опасна, ты не заразишься и не отравишься, — успо-

коил его айг.

— Но что с ней?

— Дыхание Реки Боли.

— Значит эта стена защищает от Реки, но лягушка каким-то образом пробралась за неё?

— Нет, она родилась здесь.

— Почему ты так считаешь?

— Дыхание Реки лишь слегка обожгло её. Родись она за стеной, ты не узнал бы в ней лягушку. — Не беспокойся, — видя замешательство Стива, сказал он, — никто в Нижнем Мире не причинит тебе вред.

Вблизи было видно, что каменные блоки сплошь покрыты глубокими трещинами, а серо-зелёные пятна оказались обычным плеском, цепляющимся за них своими воздушными корнями.

Айг провёл рукой по трещинам, затем прижал ладонь к камню и закрыл глаза, будто слушал чьё-то сердцебиение.

— Стена разрушается, — сказал айг.

Обычно равнодушного Стива до глубины души потрясло то, как айг прикасался к стене — словно к израненному живому существу.

— Это из-за крови? — спросил Стив.

Айг кивнул.

— Её слишком много, и если стена рухнет, то Нижний Мир изменится, можешь считать это экологической катастрофой.

— А как мы перейдём за неё?

— Мы пройдем под ней, — сказал айг, — здесь есть проход, — он пошёл вдоль стены. — А вот и он!

Айг остановился напротив стены и начал срывать с неё ковёр из плеска. Когда проход был расчищен, айг жестом пригласил Стива к нему.

Стив заглянул в проход, узкий — так что в него можно было зайти лишь по одному и тёмный — из него тянуло сыростью и гнилью.

Стив поморщился:

— А нет иного пути?

— Это самый безопасный, — сказал айг.

«Надеюсь...» — Стиву ничего не оставалось, как поверить ему на слово.

Они спустились глубоко по каменной лестнице, когда ступени закончились комнатой, так же вырубленной в скале. Стив перевёл дыхание от напряжённого спуска и полез в рюкзак за фонарём. Яркое пятно света распласталось на неровном, усыпанном известняковой крошкой полу, застыло на несколько мгновений, и начало перемещаться по комнате. Стив ожидал увидеть затянутый паутиной потолок и множество голодных пауков, хотя и неопасных, но от этого не менее пугающих. Как в обычных старых подвалах и чердаках, куда он забирался когда был подростком. Но ни пауков, ни насекомых, ни крыс, ни, даже, следов их жизнедеятельности не было.

Внезапный лязг металла заставил его вздрогнуть. Метнувшийся свет фонаря осветил открывающуюся ржавую металлическую дверь и отразился в глазах айга фиолетовыми огнями.

— Энжел, — выдохнул Стив.

— Её не открывали сотни лет, — пояснил он, — а, может быть, вообще никогда не открывали.

Первым вышел айг, видимо он отлично видел в темноте, за ним Стив, освещая себе путь фонариком. За дверью по обе стороны был коридор или, скорее, туннель с полукруглым потолком, отвесными стенами и плоским полом.

— Ну и в какую сторону нам идти? — спросил Стив.

— Налево, — сказал айг, и на всякий случай кивнул головой в нужную сторону. — Вон туда.

Стив улыбнулся.

Здесь, в туннеле, чувствовалось слабое движение воздуха, кроме того сам воздух казался чище, не было этого отвратительного запаха плесени и сырости. Словно гигантские вентиляционные системы нагнетали свежий воздух с поверхности. Через некоторое время он заметил, что гладкие стены туннеля кое-где покрывали надписи на неизвестном языке и барельефы с изображением странных существ, напоминавших разных животных,

но составленных из фрагментов изуродованных человеческих тел.

На одном из них была изображена тварь, похожая на гигантского полипа с ногами насекомого и несколькими хищными ртами, окружёнными венцами щупалец. Её длинное тело усыпали огромные человеческие глаза, расположенные так, что под каким бы углом не стоял зритель, один из них обязательно смотрел на него.

Вокруг этого исчадия водили хоровод полуобнажённые люди с поднятыми вверх руками. Одно из щупалец монстра держало обезглавленное тело человека, а другое оторванную голову. Сцена напоминала странный ритуал или жертвоприношение. Рисунки были выполнены примитивно, но очень подробно.

Оглянувшись, Стив увидел целую серию искажённых человеческих лиц, выполненных с гораздо большим реализмом. В свете карманного фонаря каждая царапина на камне превращалась в уродливый шрам.

— Идёшь? — раздался из туннеля голос айга.

Стив ещё раз окинул взглядом барельефы и поспешил вслед за айгом.

Казалось, они шли целую вечность по бесконечным туннелям, то прямым, то причудливо изогнутым. Тем не менее путаница каменных коридоров не смущала айга. Он уверенно шёл, не сомневаясь в какую сторону нужно свернуть, если туннели в очередной раз пересекались. Или может всё проще и здесь как и в Стране Чудес все пути ведут в один пункт? В том, что это будет дворец Королевы, Стив не был уверен.

«Скорее всего это будет нечто мало его напоминающее».

Обратив внимание, что тьма перестала быть крошечной, он выключил фонарь и заметил далёкие отсветы пламени. С каждым шагом становилось светлее, и Стив уже различал выход из лабиринта, но коридор внезапно изогнулся влево и немного расширился, образуя маленькую прямоугольную комнату. В этом месте стены туннеля пересекали трещины, потолок обвалился. Но не это привлекло внимание Стива.

Из расщелины в потолке, словно сталактиты, свешивались на мышечных стебельках глаза, подсвечиваемые красноватыми отблесками. Молодые на тонких розовых стебельках, и старые нездорового цвета глаза на толстых жёлтых стеблях со вздувшимися синими венами. Часто несколько стебельков крепились к одному основанию. Встречались и целые кусты с ветвящимися стебельками, усыпанными бисером глаз. При малейшем шуме стебельки сокращались, их обладатели зажмуривались и прижимались друг к другу как инфузории сувойки, но через несколько мгновений они вновь распахивали веки и осторожно опускались, озираясь по сторонам. У них не было ни рта, ни вообще каких либо органов, лишь глаза, стебельки и основания в скале.

— Чёрт возьми... — прошептал Стив, — и как нам пройти?

— Они не опасны, — сказал айг, — они сами всего боятся.

— Но чем они питаются?

— Кровью.

— Кровью?

— Из Верхнего Мира стекает кровь, они растут лишь там, где есть расщелины в скале, как эта. Они пускают отростки с ворсинками по трещинам и всасывают кровь.

— Как растения воду?

— Примерно.

Из комнаты они через прямоугольный проём вышли к подземной реке, зажатой между узкой набережной из каменных плит и отвесной стеной. Реке из крови.

Источником света оказались пульсирующие струи пламени, вырывающиеся из отверстий в стенах. Благо линия вдоль которой они тянулись была высоко, иначе между стеной и рекой невозможно было бы пройти.

— Река Боли! — вырвалось у Стива.

— Нет, — ответил айг. — Это всего лишь река, — он произнёс слово «река» так, как если бы писал его с маленькой буквы, — их много, впадающих в Реку Боли.

Кровь не разлагалась и не сворачивалась, она просто текла как обычная вода. И это было ужасно.

— Неужели всё это кровь? — изумился Стив, — откуда её *столько*?!

— Кровь, — сказал айг, — человеческая кровь, взгляни на стену.

Айг указал на трещину в каменной стене, из неё капля за каплей как из свежей раны сочилась кровь, стекала на плитку и исчезала в реке. Стив лишь сейчас заметил множество таких кровоподтёков на противоположной стене.

— Источник, их тысячи. В вашем мире каждую секунду умирают два человека, их кровь стекает в Нижний Мир, скапливается в песчаных линзах, чтобы затем, по трещинам просочиться сюда и наполнить каналы.

— У меня ощущение, что тут всё буквально пропитано смертью, — сказал Стив, — это место могло бы быть адом...

— О, ты не представляешь насколько прав! Это не просто лабиринт, это — цитадель смерти!

Они направились по течению реки, их шаги по плитам эхом отдавались от стен, смешиваясь со свистом пламени. Вскоре они прошли мимо проёма в стене, точно такого же, как тот, из которого они вышли, затем мимо третьего. С левой стороны, там где кровавые волны омывали стену, так же перпендикулярно впадали в реку каналы. Всё это напоминало огромный канализационный коллектор, только вместо воды и нечистот он собирал кровь.

«Хотя, может, наша кровь и есть нечистоты... охотно в это верю».

После увиденного эта мысль не казалась Стиву такой уж абсурдной. Понемногу, сам того не замечая он начинал ненавидеть человечество.

Стива беспокоило то, что айг не сказал ничего о том, как они выберутся на поверхность. Сначала он полагал, что они пройдут под стеной и выйдут наверх также, как и вошли, но сейчас они идут по течению реки, которая, как известно, течёт вниз, то есть они спускались всё глубже! Спустя несколько минут, словно узнав его мысли, айг решил развеять напряжённую атмосферу:

— Мы сплавимся по реке, — сказал он, — течение вынесет

нас на поверхность по ту сторону Стены, и кровь в отличие от воды может течь не только вниз, во всяком случае *эта* кровь.

Берега реки были закованы в гладкие базальтовые плиты. У самой кромки крови, лизавшей базальт, под её поверхностью копошились огромные, толщиной в дюйм и длинной в несколько футов, белые черви. Головы их заканчивались венчиком длинных вытягивающихся щупалец, окружённых кольцом чёрных точек глаз. Их тела пульсировали, то сжимаясь, то разжимаясь, а когда они случайно высывались из крови, то переливались перламутром в свете огней. Иногда они прикреплялись хвостовым концом к плите и, раскинув щупальца, парили в крови, волнообразно изгибаясь, словно плывущие угри.

У спуска была пришвартована рыбацкая дощатая лодка. В ней лежал длинный шест, одним концом выходивший за корму. Каменные ступени вели вниз, и Стива едва не стошнило, когда он увидел червей вблизи. Благо лодка стояла рядом, у нижней ступени, нужно было сделать всего один шаг. Первым в неё сел Стив, затем айг; он отвязал канат, взял в руки шест и оттолкнулся им от берега. Лодка поплыла, увлекаемая течением крови.

Стив сидел на дне лодки, облокотившись на борт, уставшие ноги ныли от ходьбы. И всё же он был доволен: они приближались к цели.

Полукруглый кирпичный свод тоннеля, по которому текла река, освещали красные сполохи пламени. Иногда свод и стены образовывали арки, размечавшие тоннель на сегменты словно исполинскую многоножку. Проёмы в стенах чередовались с каналами, впадающими в реку с обеих сторон. Сквозь некоторые из боковых тоннелей, было видно, как они соединяют такую же параллельную реку, образуя прямоугольную сеть проспектов и улиц.

«Кто же всё это сделал? Целый огромный город из тоннелей и каналов, с газовым освещением, работающим как часы.»

Он хотел спросить у айга о древних строителях, но боялся. Впрочем, будучи уверенным, что айг всё равно ничего не скажет ему.

«Возможно, они всё ещё где-то рядом. Они сами или те, в кого они превратились.»

Вдруг над поверхностью крови показалась голова твари, бледно-розовая, цвета обескровленной плоти, с желтоватым оттенком. По форме она напоминала голову гавиала, но имела две пасти. Нижняя челюсть верхней пасти и верхняя челюсть нижней срослись вместе в среднюю челюсть и были неподвижны, с обеих сторон прикрываемые подвижными верхней и нижней челюстями. У их основания находились большие рыбы глаза — по одному с каждой стороны. Маленькая третья пасть прорезалась ниже — на шее, покрытой чешуёй. Тварь поочерёдно открывала их, щёлкала, обнажая розовые глотки, и отчаянно вертела головой. От неё исходил ужасный затхлый запах падали.

Лодка закачалась. Стив резко оглянулся и отпрянул в ужасе — тварь была менее чем в десяти футах от них. Тошнотворный запах ударил в нос.

— Что за...

— На дно! — зашипел айг.

Стива не пришлось упрашивать, он бросился на дно лодки и замер, стараясь дышать как можно тише. Пожалуй, не считая Призрачного Города, ему первый раз стало по-настоящему страшно.

— Она нас не тронет, — айг встал в полный рост.

Увидев айга, тварь закрыла пасти и сжалась, ещё несколько минут она преследовала лодку, не пытаясь напасть, а затем стала отставать пока не скрылась в крови.

— Какая мерзость! — сказал Стив, сейчас он занял место в середине лодки, а на корме расположился его рюкзак.

— Меня беспокоит то как они реагируют на тебя, — после некоторого молчания произнёс айг. — Наш путь просто кишит ими...

— Прекрасно! — воскликнул Стив. — И почему я узнаю об этом именно сейчас?

— Какая разница? Разве ты бы отказался, если бы узнал сразу?

- Нет.
- Если бы я сказал заранее, ты бы нервничал, а так ты испугался ровно тогда, когда было нужно.
- Почему они боятся тебя? — Стив с любопытством взглянул на айга.
- Во мне есть *нечто*, — зрачки айга слегка сузились, — чего они боятся.
- Ты можешь сделать так, чтобы они и меня боялись? — осторожно спросил Стив.
- Конечно, — айг словно ждал этого вопроса. — Ты готов к тому что я покажу тебе?
- Что, прямо сейчас?
- Айг кивнул:
- Именно сейчас. Склонись к поверхности реки, только не касайся, и смотри.
- Просто смотреть на реку?
- Да.
- А это безопасно?
- Доверься мне.
- Стив взялся обеими руками за борт и слегка перегнулся через него. Поверхность реки, такая зловещая, от неё веяло ледяным холодом и смертью.
- Ниже, — сказал айг.
- Мне что-то не по себе, — ответил Стив, и хотел было залезть обратно, но пальцы айга вцепились ему в шею железной хваткой.
- Я знаю.
- Стив дёрнулся, но рука айга даже не дрогнула, лишь пригнула его голову к самой поверхности крови.
- Смотри.
- Стиву казалось, что слова айга эхом отражаются от внутренней поверхности черепа, огибая извилины мозга, с каждым разом искажаясь всё сильнее.
- В реке что-то было. Мгновением спустя он осознал, что это была боль. Он просто знал это, так же, как знал своё имя и много

иных мелочей. Боль струилась по дну реки — чёрная, как дёготь... но почему именно чёрная? Нет, боль не чёрная, настоящая, *чистая* боль — бесцветная, как... кровь айга.

Внезапная догадка, словно молния пронзила его сознание, взорвалась миллионом маленьких водородных бомб и сразу же исчезла, засыпанная пеплом, прежде чем Стив осознал её. Боль поднялась и заполнила его целиком. Чужая боль. Миллионы человеческих смертей, наполненных страданием и отчаянием. Он видел их, слышал их, чувствовал их. Он переживал их как свои собственные.

Стив пытался закрыть глаза, но мышцы словно заledenели. Его вырвало прямо в реку, из глаз брызнули слёзы, он чувствовал, что мозг вот-вот отключится, и его голова окажется в реке, но айг затащил теряющего сознание Стива обратно в лодку и бережно положил его.

— Боль... сколько боли! — шептал Стив. — Сколько боли!

Он ощущал стекающую с него, вытекающую через поры и со слезами боль; эти капли, похожие на мираж, он был словно опрокинутый кувшин; с каждым мгновением боль отступала и тянущееся время приносило ни с чем не сравнимое облегчение на грани эйфории.

— Прости, — сказал айг. — Я сделал это ради твоей же безопасности. Теперь ты знаешь, почему *они* избегают меня — один лишь взгляд на айга причиняет им боль в тысячу раз сильнее испытанных тобой ощущений. Теперь и ты станешь причинять им боль.

4

Стив обнаружил себя стоящим посреди пустой комнаты, перед стеной с окнами. Он не помнил ни своего имени, ни как оказался здесь, но эти обстоятельства совершенно его не беспокоили.

Стив подошёл к окну, судя по виду, комната находилась на первом этаже. За окном — яркий солнечный день, голубое небо, в саду на зелёном газоне играют дети, по дорожкам ходят влюблённые парочки. Внезапно Стиву захотелось к ним. Он раскрыл окно, но за ним была ночь, шёл ливень, вспышки молний выхватывали из темноты чёрные, обугленные деревья и развалины зданий.

Захлопнув окно, Стив увидел в стекле прежнюю манящую картину. Тогда он размахнулся и разбил стекло в призрачной надежде. Но обнаружил только чёрную ночь, а в упавших на пол осколках по-прежнему были видны ясное небо, сад, зелёные газоны и радостные гуляющие люди.

И он всё осознал: отсюда нельзя было сбежать, весь прекрасный мир в окнах был иллюзией, не предназначенной для него. Или же Стив сам был иллюзией, не предназначенной для этого радостного мира за окном. Вопреки ожиданиям у него не возникло ни удивления, ни ужаса — ничего, кроме лёгкой тоски и мысли: «а разве могло быть иначе?»

Стив не понял от чего проснулся: от холода ли или от голоса айга, хотя скорее всего сразу по обоим причинам.

— Стив, просыпайся!

Он лежал на жёсткой, словно сделанной из пластика, траве, его взгляд беспомощно барахтался в серой бездне неба, безуспешно пытаясь зацепиться за что-нибудь. Созерцание этой серой бесконечности обладало гипнотическим эффектом, она словно сама начинала изучать смотрящего миллионом невиди-

мых глаз.

— Сколько я спал? — спросил он.

— Почти сутки, — ответил айг.

Стив поднялся, во всём теле чувствовалась необычная лёгкость, словно он заново родился. Воспоминания о вчерашних событиях выглядели мутными и неясными быстро исчезающими образами.

— Что произошло вчера? — спросил он.

— Ты потерял сознание в лодке, ничего страшного, наверное из-за нервного напряжения.

Стив не удовлетворился его ответом, но предпочёл ничего не спрашивать, во всяком случае, пока айг сам не начнёт разговор, но он молчал, и Стив посчитал, что принял верное решение.

С той стороны откуда они прибыли тянулись скалы, укрытые туманом, словно облитые молоком элементы гигантского конструктора, и едва виднелась Великая Стена. Чуть ниже террасы из под скалы вытекала кровавая река, вынесшая их на поверхность. Вначале она текла спокойно, но затем начинались пороги, и река бурлила и извивалась между покрытыми запёкшейся кровью камнями.

Особый интерес представляла буйная растительность вдоль берегов реки. Необычного алого оттенка и высотой с человеческий рост, она местами почти перегораживала реку. Трава тянула свои упругие насыщенные кровью стебли к небу, словно ей чего-то не хватало. Они шевелились, несмотря на отсутствие ветра, и это особенно пугало Стива.

«Господи, что же за отравка течёт в наших венах, если даже растения она превращает в чудовищ?»

Он сделал несколько шагов и едва не потерял сознание, но айг, сидевший в позе лотоса и, казалось, ни на что не обращавший внимание, успел подхватить Стива и помог ему опуститься на колени.

— Что со мной? — внезапно он ощутил себя голодным и замёрзшим.

— Тебе нужно поесть.

Айг развёл костёр из сухого тростника, вскипятил чайник, налил горячего чая в кружку, вскрыл банку консервов и осторожно дал их в руки Стиву.

— Спасибо, — сказал Стив.

Несколько глотков горячего чая вернули ему силы. Перекусив и отдохнув, Стив почувствовал себя намного лучше.

— Как ты? — спросил айг.

— Ничего.

— Идти сможешь?

— Вполне.

— Тогда пошли, у нас впереди ещё долгий путь. Мы слегка выбились из графика, а к ночи нам нужно быть у скальных пещер.

Стив собрал вещи, сложил их в рюкзак, и они с айгом пошли по зелёной равнине.

«А ведь всё не так уж плохо, — подумал он, постепенно осознавая происходящее. — Я первый человек, оказавшийся в Нижнем Мире, передо мной удивительное существо, знающее больше, чем все люди на Земле, и мы идём избавить мир от смерти.»

Впервые за многие годы Стив ощутил нечто, похожее на радость, она озарила его изнутри, словно бенгальский огонь, оставила ощущение тепла в груди и нарисовала улыбку на обычно хмуром лице, а через мгновение исчезла, растворившись в сером бескрайнем небе.

Вскоре местность изменилась, они вошли в заброшенный английский парк: высохшие фонтаны, гипсовые статуи, мраморные беседки и арки, увитые плющом, прямые аллеи, которых никогда не касалась рука садовника, — вокруг чувствовалось запустение, казалось, воздух был пропитан тлением и каким-то смиренным ожиданием смерти. Но она никогда не наступит. Потому что все уже умерли. Тут не было ни настоящего, ни будущего, в этом парке всё было в прошлом, ничто не могло случиться и нарушить его вечное серо-зелёное безмолвие.

«Похоже на кладбище, — подумал Стив, — кладбище жела-

ний, как и вся моя жизнь».

Он словно шёл по своей собственной жизни, а обросшие мхом и лишайником гранитные плиты, удивительным образом похожие на надгробия, казалось, были могилами его упущенных возможностей. Каждый буро-зелёный камень, каждая гранитная плита, каждая мраморная статуя напоминали ему об ошибках и неудачах. Вечные, нерушимые символы, над которыми не властно время, они будут такими же и через тысячу лет.

Вот здесь он поступил в юридический колледж, вместо того, чтобы заниматься музыкой, а здесь, совсем рядом, он забросил своё увлечение фотографией, а вон там, несомненно, лежит его кругосветное путешествие.

«А это что?» Его взгляд упал на вросший в землю конический монумент, высотой с человеческий рост, с табличкой, на которой угадывались какие-то надписи. Но едва Стив наклонился к ней, чтобы счистить мох, как почувствовал страх. Волна иррационального ужаса окатила его с головы до ног, так, что у него перехватило дыхание. В голове возникла страшная мысль:

«Что если это *моя* могила?»

Стив резко отдернул руку и огляделся. Айг ушёл далеко вперёд.

— Энжел, подожди! — крикнул Стив и рванул к нему изо всех сил.

Айг остановился и обернулся. Несмотря на то, что дорожка находилась в нескольких ярдах, Стиву они показались целой милей. Казалось, парк не хотел отпускать его: каждый шаг отнимал уйму сил, воздух стал очень плотным и задерживал движения, словно превратился в воду, ноги вязли в рыхлой земле. Оказавшись на дорожке, Стив вздохнул с облегчением и быстро догнал айга.

— Будь осторожнее, это не совсем парк, — предупредил айг, — больше не сходи с дорожки и ни в коем случае не заходи вглубь, иначе рискуешь остаться в нём навсегда.

— Я уже понял, — сказал Стив — если раньше он шёл позади, то теперь держался рядом с айгом.

Сначала он хотел выбраться из пугающего мрачного парка как можно скорее, но через час его начало клонить в сон, чувства притупились, и усталость взяла верх.

— Когда же этот бесконечный парк закончится? — спросил он. — Давай устроим привал, я уже ног не чувствую.

— Здесь лучше не останавливаться, — сказал айг и добавил: — мы уже почти пришли.

И действительно, вскоре они вышли на выложенную гранитными плитами дорогу, вдоль которой выстроились можжевеловые кусты. Она упиралась в железную кованную арку, какие обычно ставили при въезде в викторианские имения, но ворот в ней не было, от них остались лишь петли, покрытые зелёной окисью.

Когда они вышли из парка, айг сказал Стиву:

— Сейчас мы могли бы пойти напрямую через равнину, но я хочу показать тебе кое-что очень важное, так что мы сделаем небольшой крюк и пройдем вдоль реки, после чего вернемся к предгорьям и устроим привал.

— Эмм... — Стив хотел было протестовать, но решил, что лучше не спорить с айгом.

Парк остался далеко позади, и Стив несколько раз оглядывался, чтобы ещё раз взглянуть на него. Издалека он не казался таким мрачным и зловещим.

Пройдя ещё около мили, они вышли к обрыву, в самом низу которого росли чахлые серые заросли, чуть дальше текла кровавая река, а за ней до самого горизонта тянулись холмы, покрытые травой, и каменистые пустоши.

— Пригнись, — сказал айг, — я не хочу, чтобы они нас увидели.

Стив лёг на траву и осторожно подполз к обрыву. Айг устроился рядом с ним и, нащупав в траве военный бинокль, передал его Стиву.

Зрелище, представшее перед его глазами, повергло Стива в шок. Внизу в кровавой грязи копошились мерзкие существа, похожие на огромных многоножек. Каждый сегмент их тел состо-

ял из сплющенного сверху и снизу туловища ребёнка, с парой маленьких ног. Лысые головы были деформированы, с каждой стороны располагались фасеточные глаза, образованные беспорядочным скоплением обычных человеческих глаз. Широкие хищные рты с костными жвалами открывались и закрывались. Прямо от основания головы росла единственная пара рук, которыми они шарили в грязи. Грудные клетки члеников поочерёдно расширялись и сжимались, прогоняя воздух по длинному телу.

На сухих участках, где растительность вновь принимала свой естественный зелёный цвет, стояли огромные тростниковые шары с отверстиями.

«Неужели хижины?»

Стив слишком изменился в лице, чтобы это было не заметно.

— Это хижины, Стив, — шепнул айг. — Эволюция смерти идёт своих ходом. Кто бы мог подумать. Они уже строят жильё и развили коллективное мышление. Они мертвы, но и смерть хочет жить.

— Лучше уж вообще не жить, чем быть ими, — тихо сказал Стив.

— Кто знает, — ответил айг. — Теперь ты понимаешь, почему мы не пошли вдоль реки? Эти многоножки — особые, они не такие как остальные дети крови, они не боятся боли, а, значит, меня и тебя. Ну, что скажешь?

— Я скажу, что нам лучше убратся отсюда как можно скорее, — медленно проговорил Стив, не отрывая глаз от бинокля, и ему показалось, что айг усмехнулся. Почти как человек.

— Когда люди перестанут умирать, — сказал айг, — реки иссякнут и ваша кровь больше не будет отравлять Нижний Мир. Все эти ужасные существа вымрут, и он снова засияет своим первозданным великолепием.

К вечеру они подошли к скальному массиву, за миллионы лет разрушенному ветрами и эрозией. Уже стемнело, и Стив, измученный дорогой, упал на траву, завернулся в плащ и сразу же уснул.

5

Утром Стив проснулся от лёгкого касания его щеки. Он открыл глаза и встретился взглядом с девушкой, чьё нежное прикосновение разбудило его. Она с интересом смотрела на Стива, словно первый раз в жизни видела человека.

— Кто ты, и где Энжел? — спросил Стив.

— Меня зовут Яна, — сказала девушка, — Энжел скоро вернётся, он просил меня присмотреть за тобой, — она слегка улыбнулась.

Стив упёрся локтями в траву и сел, все ещё не понимая, что же здесь произошло, откуда взялась симпатичная девушка, и куда, чёрт возьми, исчез айг.

Незнакомка была настолько прекрасна и именно того типа, который нравился Стиву, что он отказывался верить своим глазам. Все его фантазии о девушках воплотились в ней.

Большие голубые глаза с длинными ресницами, удивительно правильное и милое, словно нарисованное художником лицо, тёмные прямые волосы, причёска каре. На ней была блузка, кожаная миниюбка, чёрные чулки в ячейку и чёрные кожаные сапоги с металлическими пряжками. Она сидела, поджав под себя ноги, и с интересом смотрела на Стива.

— Ты человек? — наконец спросила она.

— Да, — ответил Стив, — а ты?

— А я *почти* человек, — она улыбнулась.

— Это как? — спросонья у него путались мысли.

— Я сама не очень хорошо понимаю, лучше спроси у Энжела, когда он вернётся.

Она слегка погрустнела, но тут же рассмеялась и подарила ему воздушный поцелуй.

Вскоре вернулся айг с ночной прогулки. Стив сразу же подошёл к нему:

— Энжел, что происходит? — шёпотом спросил он. — Кто эта девушка, и почему она здесь?

Айг на мгновение отвёл глаза.

— Наверное, мне нужно было тебя предупредить, — сказал он. — Впрочем, какая разница. Она похожа на человека, и всё же она не человек. Она кукла, правда, живая. Я сделал её, с анатомической точностью воспроизведя женское человеческое тело из различных материалов. Чтобы оживить её, мне нужно было залить в кровеносную систему человеческую кровь, а она, как ты знаешь, ядовита для меня. Так что пришлось быть очень аккуратным, но оно того стоило.

— А где ты взял кровь? — спросил Стив первое, что пришло ему в голову.

— Разве в Нижнем Мире мало крови? — айг развёл руками. — Здесь она не портится, не сворачивается и всегда остаётся свежей, в отличие от вашего мира. Поэтому Яна может жить лишь здесь, в Нижнем Мире, и если она окажется наверху, то умрёт.

Стив почувствовал, как к его горлу подступил комок. С первого взгляда он проникся симпатией к девушке.

— То есть она останется здесь совсем одна, когда мы закончим?

— Нет, вовсе нет! Когда мы закончим, она станет настоящим человеком и сможет жить в Верхнем Мире.

Стив оглянулся и ещё раз посмотрел на девушку, рисовавшую узоры прутиком на земле.

— Прекрасная работа, не правда ли? — вкрадчиво шепнул айг. — Надеюсь, она тебе нравится.

Стив немного смутился:

— Как мне вести себя с ней?

— Как с обычной девушкой. Сейчас она ещё ведёт себя как ребёнок, но очень быстро учится и скоро превзойдёт своими способностями обычных людей.

— Подожди, — Стив взял айга за рукав, — я не понимаю, а когда ты её *сделал*?

— До нашего знакомства.

— И где она была всё это время?
— Здесь. В скалах, в одной из пещер.
— Можно я загляну в ту пещеру? — спросил Стив и шагнул в сторону скал.

Однако айг плавно перегородил ему дорогу.

— Лучше не надо.

— Ты уверен?

— *Абсолютно.*

Внезапно у Стива закружилась голова, в глазах потемнело, и он едва не потерял сознание. Айг снова подхватил его и усадил на землю.

— Не нравится мне это всё, раньше у меня такого не было, — сказал Стив, придя в себя.

— Ты ничего не ел со вчерашнего вечера, — напомнил айг.

После завтрака к Стиву вернулись силы.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил айг.

— Лучше, — ответил Стив.

— Прекрасно! Видишь? Нужно всего лишь вовремя есть. Я ненадолго отлучусь, а когда вернусь, мы начнём спуск вниз.

— Мне казалось, что ниже уже некуда! — пошутил Стив.

— Всегда можно опуститься *ещё* ниже, — серьёзно сказал айг. — А ты, — обратился он к девушке, — позаботься о нём, пока меня не будет.

Айг ушёл, и Яна придвинулась ближе к Стиву:

— Энжел сказал, что я могу спрашивать у тебя о Верхнем Мире.

— Эмм... — замялся он, — я, конечно, родился и вырос в... Верхнем Мире, но особо нигде не был и не слежу за новостями. Вряд ли я расскажу тебе много интересного о нём. Я лишь хожу на работу и обратно. Живу в маленькой квартире на одну комнату, которую снимаю за триста долларов в месяц...

— А чем ты занимаешься?

— Я работаю в юридической фирме, помогаю своему начальнику разбираться в бумагах, консультирую людей по несложным вопросам, бегаю с разными поручениями.

— Наверное, всё это ужасно скучно и неинтересно, — сказала Яна.

— Прямо не то слово, — вздохнул Стив.

— Почему же ты не уйдёшь и не займёшься чем-нибудь иным?

Стив усмехнулся.

— Мне нужны деньги, чтобы жить, а если я уйду, мне перестанут их платить. Да и ничего другого я не умею.

— А зачем нужны «деньги»? — внезапно спросила Яна.

— Так ты не знаешь, зачем нужны деньги?

Яна отрицательно покачала головой.

— Ну, — Стив напряг лицо, — деньги, нужны, чтобы на них покупать еду, разные жизненно важные вещи, например, одежду, лекарства, оплачивать жильё. Когда ты выполняешь что-либо, нужное людям, они платят тебе деньги. Так устроен наш мир. Нет денег — нет жизни.

— Значит, деньги похожи на воздух?

— Скорее на пищу и воду, — улыбнулся Стив, — без воздуха мы сразу умрём, а без еды и воды можем прожить ещё немного. Как и без денег.

— Как жестоко, — печально сказала Яна и добавила: — но ведь скоро всё изменится. Люди не будут умирать и смогут заниматься чем угодно, не так ли? Тебе не придётся больше заниматься скучными вещами.

— Надеюсь.

Повисла неловкая пауза. Яна смотрела на Стива, словно ждала от него новых откровений.

— Слушай, я прогуляюсь немного, — сказал Стив, — пока Энжел не вернулся. Ты не против? — и, не дожидаясь ответа, поднялся.

— Хорошо... — протянула Яна, провожая его взглядом. Мягкая улыбка исчезла с её лица.

Когда-то очень давно, сотни миллионов лет назад равнина была единым целым, пока не произошла катастрофа, разломившая гранитную плиту в основании равнины, и одна её часть опу-

стилась вниз. Оставшаяся наверху плита налезла на нижнюю, вздыбив горную гряду, почти всю разрушенную к нашему времени ветрами и водной эрозией. От неё остались лишь невысокие скалы, с чернеющими кое-где круглыми провалами пещер, покрытые трещинами каменные обломки и арки.

Стив прошёл через ближайшую арку между скалами и оказался на самом краю обрыва. Линия разлома была неровной, она шла зигзагом, и ниже словно на срезе гигантского пирога были хорошо видны чередующиеся слои горных пород. Изогнутые и смятые они несли на себе следы геологических катастроф далёкого прошлого. Стив посмотрел вниз: склон разлома не был излишне крутым — он шёл вниз террасами, изрезанными руслами высохших ручьёв. Кое-где росла трава, скреплявшая своими корнями каменистую землю, и редкие кустарники.

В самом низу у подножия обрыва начинался лес. Отсюда не было видно отдельных деревьев, их зелёные кроны казались сплошным ковром, уходящим в даль и теряющимся в молочно-белом тумане. Если бы не серое небо, то открывающийся сверху вид на долину можно было бы назвать красивым, а так она выглядела зловеще.

— Не подходи слишком близко к обрыву.

Стив вздрогнул и резко обернулся: сзади него стоял айг. Он подошёл так тихо, что Стив его не заметил.

Нужно было спустаться вниз. Айг принёс длинный трос и закрепил его конец крюком в скальной трещине. Проверил его несколько раз, убедившись в надёжности крепления.

Они начали спуск по руслу высохшего ручья. Айг шёл первым, разматывая трос, за который держались Стив и Яна. Вскоре они вышли на узкую тропинку.

«Кто же её вытоптал?» — подумал Стив, и по его спине пробежал неприятный холодок.

Они прошли уже половину пути, когда во время спуска с гранитного уступа, Стив поскользнулся на его гладкой поверхности и сорвался вниз. Он не успел даже крикнуть о помощи, покотившись по склону прямо к лежавшим внизу осколкам

скальной породы с острыми углами. Когда он пролетел мимо айга, тот сделал молниеносный рывок и схватил его за руку, а затем резким движением поставил на ноги.

— Спасибо... — задыхаясь, прошептал Стив, — ты мне жизнь спас...

— Пока ещё не за что. Будь осторожен, в следующий раз я могу не успеть.

— Стив, как ты? в порядке? — взволновано спросила подошедшая Яна.

— Ничего страшного, — сказал Стив, улыбнувшись, — ногу слегка ушиб, а так всё прекрасно.

— Теперь я буду смотреть за тобой, — Яна строго взглянула на него, — и никаких возражений!

Дав Стиву передохнуть пару минут, они продолжили спуск.

— Эй, смотрите — вода! — внезапно крикнула Яна и тронула Стива за плечо.

Стив, внимательно смотревший под ноги после недавнего случая, едва не стоившего ему жизни, остановился и поднял глаза. Из трещины в скале бил ручей. Вырвавшись на свободу из каменных тисков, он ринулся вниз, прыгая с уступа на ступ маленькими водопадами.

— Ух ты! — воскликнул Стив, — у меня как раз вода закончилась. Надеюсь, она чистая?

— Подожди, сейчас проверю, — айг подошёл к ручью, сунул палец в воду и облизал его.

— Вполне, — сказал он. — Удивительно, как далеко ручей от Стены, а вода в нём всё ещё не загрязнена. Наверное, вышли водоносные пласты с той стороны.

Стив не вслушивался в размышления айга. Он снял рюкзак, подошёл к ручью и подставил потное пыльное лицо под сверкающие хрустальные струи. Умывшись и вдоволь напившись холодной родниковой воды, Стив наполнил пустые бутылки и сложил их в рюкзак.

Тропинка увела их от ручья. Вскоре спуск стал более пологим, всё чаще росли кустарники, и появились первые деревья.

Наконец, они спустились в Нижнюю Долину. Низкие кустарники перешли в девственный лес, огромные деревья с прямыми как мачты стволами вздымали свои ветви высоко к серому небу. С нижних ветвей их свисали сизые плети лишайника-бородача. Подлеска не было, и путники свободно шли по узкой тропинке.

Это был *дикий* лес, мало похожий на заброшенные, но всё ещё ухоженные парки, которые Стив видел до сих пор.

Украдкой он поглядывал на Яну, любуясь её лицом и фигурой, а она всякий раз ловила его взгляд и мило улыбалась, ещё больше смущая его.

Несомненно, она нравилась Стиву не случайно. Айг знал все его желания и вкусы и создал её именно такой. Слишком очевидно, чтобы быть случайностью, и Стив прекрасно понимал это. Не понимал он лишь, зачем айг создал её, какие цели преследовал. Ему не хотелось быть игрушкой неведомых сил, но в то же время он ужасно устал от бесконечных сомнений и вопросов, на которые никто не собирался отвечать.

«Будь, что будет».

— Эй, почему ты всё время такой печальный? — спросила Яна. — Улыбнись!

И он улыбнулся.

— Ну вот, так намного лучше! — сказала она, взяв его за руку.

Лес становился гуще и мрачнее, деревья с огромными ровными стволами, покрытыми кляксами лишайников и мхов, льнули друг к другу, загораживая и без того тусклое небо; тропинка сделалась уже и казалась едва различимой среди травы и папоротников. Яна замолчала, прижавшись к Стиву, видимо, на неё лес тоже произвёл впечатление.

Временами ему казалось, что они идут по кругу, а лес никогда не закончится, и лишь вид идущего впереди айга придавал ему уверенности.

Наступил вечер. Стемнело. Они как раз вышли на ровную сухую поляну, и айг решил устроить привал. Стив освободил спину от рюкзака, размял затёкшие плечи и лёг на траву. Он вдруг вспомнил, что у него есть часы. Порывшись в плаще, он нашёл

их во внутреннем кармане. Японские кварцевые часы «Orion» не требовалось заводить, так что они всё ещё шли, показывая правильное время. Правильное в *его* мире. На часах было девять вечера.

Айг наломал веток и развёл огонь, поставил на него чайник, сказав Яне следить за ним, а сам ушёл в лес. Вернулся он со связкой больших сучьев. Стив запил надоевшую рыбную консерву с сухарями горячим чаем и ощутил как по его телу разливается приятное тепло.

Глядя, как легко ломаются крепкие упругие сучья в руках худощавого айга, Стив невольно задумался: «Какая же неведомая сила скрыта в этом странном существе?»

Айг бросил ветки в костёр, они затрещали, языки пламени лизали их сначала осторожно, а затем, словно распробовав на вкус, всё сильнее и яростнее. Айг сразу же отошёл в сторону и замер, его глаза поблёскивали в полумраке.

У Стива возникло чувство, словно он снова обрёл семью, пусть и такую странную, которой у него не было по меньшей мере восемь лет, с тех пор как он уехал из родного города. А может быть, и никогда не было.

Внезапно Стив захотел спросить что-то у айга, но он уже ушёл, бесшумно растворился в сумраке ночного леса, и они с Яной остались одни.

Яна заворожённо смотрела на огонь, словно видела в нём диковинное животное. Всего лишь раз Стив ночевал в диком лесу, было это в раннем детстве, но он очень хорошо запомнил свои ощущения, и они совсем не походили на те, что он испытывал сейчас.

— Тебе не кажется, что этот лес какой-то неживой, ненастоящий? словно... мираж.

Слово, удивительно точно описывающее его ощущения, вырвалось само собой. И он сразу же пожалел о нём, потому что Яна печально вздохнула, а улыбка исчезла с её лица.

— Я почти ничего не знаю о Нижнем Мире, — сказала она, и натянуто улыбнулась, — лучше расскажи о себе.

— Конечно!

Стив рассказывал ей разные истории из своей жизни, а она смеялась над ними, если они были смешными, и жалела его, когда они оказывались печальными, улыбалась, глядя на него, и отблески костра отражались в её голубых, словно самое чистое небо, глазах.

Костёр догорел, и от него остались лишь тлеющие угли.

— Давай спать? — предложила Яна.

Стив кивнул:

— Наверное.

Он расстелил плащ рядом с костром, а Яна легла рядом и прижалась к нему. Не потому, что ей было холодно, а, скорее, наоборот — чтобы согреть самого Стива своим не иссякающим теплом.

Стив проснулся очень рано, когда утренний полумрак ещё не рассеялся. Айга не было. Сначала Стив никак не мог взять в толк, зачем айг уходит на ночь. Раньше он, скорее всего, уходил, когда Стив спал, а возвращался перед его пробуждением. Впрочем, Стив ни разу не видел, как он ел или пил, так что, по-видимому, он уходил принимать пищу. И, судя по его острым хищным зубам, вряд ли ею были растения. Стив так и не рискнул спросить у айга про его ночные уходы.

Яна лежала рядом, прильнув к его плечу, и как-будто спала. Её волосы приятно пахли цветочным шампунем.

Стив попробовал снова заснуть, чтобы ещё немного насладиться сладкой безмятежностью, но у него ничего не получилось. Так он и лежал, отгоняя прочь мысли, пока совсем не рассвело, и небо, просвечивающее сквозь кроны деревьев, не приобрело свой обычный светло-серый цвет скучной человеческой жизни.

Вернулся айг, развёл костёр, налил воды в чайник и поставил его на огонь. Стив с Яной встали.

Позавтракав и выпив горячего чая, Стив решил проверить запасы — в рюкзаке осталась всего одна банка консервов и несколько сухарей.

— Сколько нам ещё идти? — спросил он.

— Полагаю, завтра мы будем у цели, — ответил айг.

— Хорошо бы, — без особого энтузиазма сказал Стив.

Яна помогла ему сложить вещи в рюкзак, и они двинулись в глубь леса, ведомые айгом.

К полудню лес начал редеть, мощные деревья с прямыми стволами сменились зарослями ив, сомкнувшихся в вечной молитве над маленькими круглыми озерами, похожими на воронки от снарядов. Началось болото с мягким ковром из сфагновых мхов и редкими чахлыми деревцами. При каждом шаге хлюпала болотная жижа, и Стив мысленно порадовался, что надел в поход сапоги.

— Идите за мной, — строго сказал айг, — шаг в шаг — и никуда не сворачивайте.

Впереди по едва заметной тропке шёл айг, за ним Стив, замыкала процессию Яна. Она на удивление ловко шла на каблуках, хотя ей и приходилось сложнее.

Внезапно Стив увидел невероятной красоты бабочку. Её большие резные крылья переливались всеми цветами радуги. Пролетев мимо, она села на кочку в паре ярдах от него. Стив, повинувшись внезапному порыву, хотел шагнуть к ней, но Яна остановила его:

— Ты же слышал, Энжел сказал никуда не сворачивать!

— Здесь нет никакого упора, и везде сплошные топи, — услышал их разговор айг, — если ты провалишься, я не смогу тебя вытащить, — вполголоса проговорил он.

Их голоса показались Стиву далёкими и глухими — у него заложило уши. И без того неяркие краски болота поблёкли ещё сильнее. Он застыл, боясь сделать неверный шаг.

— Стив, с тобой всё хорошо? — обеспокоено спросила Яна.

Он тряхнул головой, и наваждение исчезло.

— Ничего, всё нормально, — ответил он, — всего лишь показалось.

«Какая же она была яркая, как цветок!» — подумал он.

— Странно, — сказал Стив, когда они уже немало прошли, — за всё время я не видел здесь ни одного цветка, неужели

в Нижнем Мире не цветут никакие растения?

— Все цветы здесь *отцвели* очень давно, — ответил айг.

Обычная казалось бы фраза пробрала Стива до самых костей. Словно её слова были всего лишь ширмой, за которой угадывались контуры чего-то ужасного.

«Что это за странный лес и болото — без зверей, без птиц, без насекомых. Как в нём поддерживается жизнь?»

Правда, Стив только что видел бабочку, но была ли она насекомым? «И вообще, *была* ли она?»

— Ну, наконец, оно закончилось! — с облегчением сказала Яна, когда они вышли на твёрдую почву. Похоже, ей, как и Стиву, надоело идти по чавкающей грязи.

— Может устроим привал? — осторожно спросил Стив.

Айг остановился и огляделся.

— Хорошо, — сказал он после недолгих размышлений.

Яна подошла к Стиву.

— Поможешь мне? — спросила она, — у меня вся обувь перепачкалась.

Стив протянул ей руку и помог сесть на траву. Яна достала из сумочки салфетки и губку для обуви и принялась протирать сапоги. Когда она закончила, Стив помог ей подняться, а сам с облегчением растянулся на жёсткой, но привычной траве.

Яна посмотрелась в маленькое зеркальце, поправила карандашом контуры глаз и убрала всё в сумочку.

— Теперь мы снова можем идти! — весело сообщила она.

Стив застонал:

— Ты разве совсем не устала? — спросил он.

Яна закачала головой:

— Не особо, а ты?

— А я всего лишь человек, — улыбнулся Стив.

Яна сняла сапоги, села у него в изголовье, запустила руки в его волосы и стала нежно гладить голову.

— Какие же вы хрупкие... — прошептала она.

Айг стоял на возвышенности и наблюдал за ними. Через полчаса, окинув равнину взглядом и облизнувшись длинным фио-

летовым языком, он спустился вниз. Постояв немного, словно не желая беспокоить их, он наконец сказал:

— Нужно идти, иначе мы не успеем пересечь равнину к ночи.

— Теперь мне нужна твоя помощь! — Стив засмеялся и протянул ей руку.

Яна, несмотря на кажущуюся хрупкость, оказалась весьма сильной девушкой — взяв за руку, она с лёгкостью подняла Стива на ноги. К своему удивлению он заметил, что стал выносливее, чем раньше: его мышцы и сухожилия уже не так болели после переходов, как в первые дни их путешествия.

Пока Стив разминался, айг уже поднимался на возвышенность.

— Ну же, пойдём! — Яна потянула его за руку.

Перед ними раскинулась холмистая равнина, покрытая жёсткой травой и кое-где изрезанная оврагами. С каждым шагом трава становилась всё жёстче и вскоре стала такой острой, что начала царапать обувь.

Однако в равнине чего-то не хватало, и Стив понял чего именно. Не хватало тумана. Но вскоре появился и он. Вначале туман виднелся лишь на дне оврагов и низин, но чем дальше они шли, тем больше он заполнял их. Проходя мимо очередного оврага, Стив заметил, что он доверху заполнен туманом. Наконец рваные слоистые языки тумана вылезли из оврагов и слились вместе.

Путники вошли в низину. На расстоянии в пятнадцать ярдов ничего не было видно. То тут, то там в тумане маячили чёрные силуэты, оказывавшиеся вершиной холма или зарослями кустарников. Расстояния исчезли — нечто, казавшиеся огромным и далёким, при приближении оказывалось маленьким одиноким кустарником.

Вдруг в сером безмолвии, нарушаемом лишь слабым шорохом их шагов, раздался протяжный трубный звук, похожий на слоновий рёв, однако он звучал иначе и, возможно, поэтому пробирал до костей.

— Что это? — спросил Стив, его сердце сжалось.

— Они, — сказал айг.
— Кто?
— Сейчас увидишь, — айг огляделся, словно пытаясь найти источник звуков в тумане. — Нам лучше спрятаться в укрытие, — сказал он и направился к зарослям жёстких кустарников.

Едва они спрятались в них и легли на траву, как из тумана показалось существо. Оно напоминало гигантского паука, высотой не менее пятнадцати футов. Как и в прочих порождениях крови в нём угадывались искажённые человеческие черты. Огромная сплюснутая голова с расположенными крестом чёрными блестящими глазами — Стив насчитал их восемь — окружёнными венчиками длинных ресниц, приросла к короткой выгнутой груди с торчащими рёбрами. Овальное мягкое брюхо, примыкавшее к ней, колыхалось в такт шагам. Кубики брюшных мышц напрягались в такт дыханию.

Длинные суставчатые ноги, начинавшиеся узкими бёдрами, словно составленные из вытянутых человеческих голеней, заканчивались пятипалыми ступнями. Ног было восемь. Ещё одна пара поменьше находилась сразу за головой, её увенчивали человеческие кисти, беспрестанно шарившие в траве и тянувшие что-то к челюстям, расположенным поперёк головы, таким образом, что у паука были правая и левая челюсти, вместо верхней и нижней. Обычные человеческие челюсти, просто развёрнутые на девяносто градусов.

Вид их вызвал у Стива омерзение, перелившееся в чувство тошноты. Даже тварь из подземной реки казалась ему менее омерзительной, хотя бы потому, что в ней ужю не было практически ничего человеческого.

«Они не имеют права жить, — подумал Стив, — есть, пить, ходить, всё вот это, даже если они и не живут, а всего лишь *изображают* жизнь».

Его скудный завтрак снова подкатил к горлу. Не сводя глаз с существа, он запустил руку за пазуху и нащупал во внутреннем кармане пистолет, но в этот момент айг схватил его за руку. Их глаза встретились, айг отрицательно покачал головой, и в его

фиолетовых глазах читалось ясное «нет». Стив кивнул в знак согласия и засунул пистолет глубже в карман.

Видимо почувствовав что-то, существо остановилось и стало приниматься. Стив так испугался, что закрыл глаза и задержал дыхание. Наконец, тварь громко фыркнула и пошла дальше, а Стив открыл глаза и с облегчением выдохнул.

В течение нескольких минут мимо них прошли ещё три таких же существа, разве что четвёртое было очень старым. Седая шерсть покрывала его сморщенную шкуру, несколько глаз были затянуты белой плёнкой, ещё оно хромало на восьмую левую ногу, так как последняя фаланга в ней отсутствовала.

— Бедный, он сломал ногу и хромает, ему больно, — с жалостью сказала Яна.

Стив словно в трансе посмотрел на неё.

— Неужели тебе его жалко? — тихо спросил он.

— Конечно, мне его жалко, — она наклонилась к самому его уху. — Мне всех жалко.

«Определённо, она не человек, — усмехнулся он про себя, — человек не стал бы жалеть такую мерзость».

Когда существа исчезли в тумане, и их рёв стих, айг сказал всем, что опасность миновала, и путники вылезли из своего укрытия.

— Сколько нам ещё идти? — спросил Стив. — У меня осталась последняя консерва.

— К вечеру мы будем у тех холмов, — айг вытянул руку и показал пальцем куда-то в туман, — за ними наша цель. А теперь вперёд, — он встряхнул головой и направился в указанном им направлении, оглянулся и добавил: — не отставайте, осталось совсем немного.

Стив пожал плечами и взглянул на Яну, она улыбнулась и взяла его за руку.

— Пошли! — сказала она.

Вскоре они выбрались из низины, и Стив действительно увидел холмы, протянувшиеся грядой через всю равнину от края неба до края.

— Энжел, мне кажется, или небо над ними слегка розовое? — спросил он.

— Тебе не кажется, — ответил айг, — но не спрашивай, что это значит — всему своё время.

К основанию холмов они пришли когда уже стемнело и сразу устроили привал. Стив съел последние запасы и лёг на траву, положив под голову опустевший рюкзак. Яна легла рядом, положив свою голову ему на грудь. После того, как она появилась, айг перестал ждать в позе лотоса, когда Стив провалится в сон, прежде чем уйти, а незаметно исчезал сразу же, как группа останавливалась на ночлег.

— Разве тебе не интересно, что там, за валом? — тихо спросил Стив.

— Интересно, — меланхолично ответила Яна.

— Тогда почему ты ничего не пытаешься выяснить?

— Энжел сказал, что всё расскажет в своё время, значит так оно и будет. Если он что-то не объясняет, значит так оно и нужно, а когда эта информация будет важна, он всё расскажет. — В её голосе чувствовались нотки раздражения, словно она объясняла ребёнку прописные истины.

— Мне кажется, он слишком многое скрывает, — сказал Стив ещё тише, опасаясь, что айг мог быть неподалёку.

Яна засмеялась, перевернулась и обхватила ладонями лицо Стива.

— Может ты просто не доверяешь ему? — она улыбнулась, её глаза были напротив его глаз, её губы — напротив его губ. — А мне? Мне ты доверяешь?

Стив смутился.

— Может он просто выглядит непривычно для вашего мира, поэтому ты ему не доверяешь? А я привычно выгляжу для вашего мира? — Яна поправила рукой волосы. — Может ты доверяешь мне просто потому, что считаешь красивой?

Стив уже начал подбирать слова в своё оправдание, но она подмигнула ему и снова улеглась у него на груди.

— Тебе нужно выспаться, — сказала она, — а я пока посмотрю

на звёзды.

— Наверное, ты права...

Спал он очень беспокойно, несколько раз за ночь просыпался, всякий раз находя Яну мирно спящей у него на груди, или, во всяком случае, умело притворяющейся. Он так и не понял, могла ли она спать по-настоящему, или же совсем обходилась без сна.

Когда Стив проснулся, айг и Яна уже ждали его. Найдя в рюкзаке завалившийся сухарь, он запихал его в рот и медленно жевал, запивая глотками холодной воды.

Стив тянул время. Ему не хотелось идти, не хотелось, чтобы их удивительное путешествие закончилось. Ещё вчера вечером он ощущал неясную тревогу, а сейчас она превратилась в осознанный страх новой жизни. Внезапно Стив понял, что ему нравилось жить ожиданием будущего, мечтать о нём, но к самому будущему он не был готов. Сердце учащённо билось.

— Стив! — позвал его айг. — Давай скорее, осталось совсем немного.

Стив закинул рюкзак за спину, нехотя поднялся и поплёлся за айгом и Яной вверх по склону. Подниматься было нелегко, ему казалось, что они идут слишком быстро. Через полчаса упорного подъёма по каменистой земле они оказались на гребне огромного земляного вала, насыпанного вокруг Реки. Внешняя его сторона была пологой и заросшей травой, а внутренняя, обращённая к Реке, крутой и обрывистой. К счастью, совсем рядом вниз вела узкая каменная лестница.

Масштабы увиденного поразили воображение Стива, никогда ещё он не видел столько крови. Он даже представить себе не мог, что крови может быть *так* много. Это была не река, это была Река, по меньшей мере в десять миль шириной. Целый океан крови. Над Рекой стоял бледно-розовый туман, и даже небо над ней казалось розовым. Стив всматривался в противоположный берег Реки Боли, но не мог разглядеть ничего кроме странных образов, которые расплывались при попытке сфокусировать на них взгляд. От напряжения у него начали слезиться глаза.

— Я ничего не вижу!

— Ты не видишь, не потому, что твои глаза не видят, ты

не видишь потому, что твой мозг, твоё сознание не знает с чем встретилось. Ты воспринимаешь мир через органы чувств, но что если я скажу, что всё вокруг — лишь иллюзия и игра воображения? Однако ты веришь своим чувствам, потому, что других у тебя нет. Человек воспринимает мир эгоистично — сравнивая ощущения с теми, что он уже испытал. Но что, если ты увидишь нечто, не имеющее ничего общего с твоим миром, и тебе просто не с чем будет сравнить? Твоё сознание, получив образ, не сможет его понять и, чтобы не сойти с ума, заменит его знакомым образом или проигнорирует.

— И что же там? — с трепетом спросил Стив.

— Иной мир, — ответил айг, — *мой* мир. На *той* стороне реки всё иначе, привычные тебе понятия не имеют смысла. Ничего, что ты знаешь, не имеет смысла.

— Значит ты не из Нижнего Мира?

— Нет. Мой мир не имеет с Нижним Миром ничего общего, кроме границы.

— Но ты же сказал в самом начале!

— Я слукавил. Впрочем, моё тело принадлежит Нижнему Миру, так что в некотором смысле, я сказал правду.

— Какой он, твой мир? Расскажи о нём.

— В вашем мире около пяти тысяч языков, я знаю их все, но ни на одном из них не смогу подобрать слова, чтобы описать мой мир, объяснить кто мы. У вас просто нет нужных понятий.

Увидев написанное на лице Стива недоумение, айг продолжил:

— Ну, хорошо, представь мир на плоскости, в нём всего два измерения, и живущие в нём существа не знают о третьем. В их мире его попросту не существует. А теперь, если ты поставишь руку над их миром, она отбросит на него тень. Она ни что иное, как *проекция* твоей трёхмерной руки на их двухмерный мир. Но самое интересное, что для его обитателей между тенью твоей руки и истинно двухмерными объектами их мира не будет никакой разницы. Если ты слегка шевельнёшь ею, тень сразу же изменит свою форму. Сама же твоя рука не изменилась, изменилась

лишь её *проекция*. В их мире это будет казаться магией с нарушением всех законов природы. В твоём привычном трёхмерном мире это могло бы выглядеть как невероятные изменения размеров и формы предметов, скажем, превращение самолёта в куриное яйцо.

Так вот, Стив, я и есть такая *проекция*.

— Проекция чего? — выдавил Стив. В горле у него пересохло, руки похолодели, он задрожал.

— Ну, наверное, проекция айга, раз я им назвался, — сказал айг и добавил: — проекция чего-то великого и настолько *иногое*, что я не смогу тебе объяснить при всём желании.

Айг облизнул губы синим языком.

— Ладно, пошли, осталось совсем немного, — сказал он и взглянул на Стива. — Эй, Стив, с тобой всё в порядке?

— Угу, — сказал Стив, — просто всё так запуталось...

— Ничего, сейчас всё это не важно.

Айг позвал Яну, которая прогуливалась по плоскому гребню вала, и начал спускаться вниз по каменным ступеням.

«Какие древние исполины насыпали этот вал и проложили русло реки?» — Стив перешагнул очередную ступень. Он не решился спросить у айга, боясь, что тот мог знать ответ на вопрос.

Когда они оказались внизу, Стив вспомнил о том, что его беспокоило последнее время.

— Энжел, — обратился он к айгу, — ты сказал, что взял кровь из реки, но от неё веет холодом, а у Яны тёплая кожа, как у живого человека...

Айг резко обернулся.

— Ты прав, — сказал он, — вся кровь в Нижнем Мире — мертвая, но чтобы оживить куклу нужна кровь живого человека.

— Сколько? — спросил Стив, пытаясь не выдать волнение, но у него ничего не вышло. Его голос задрожал, отчасти из-за страха за свою жизнь, отчасти из-за неприятия совершённого айгом.

— Четыре молодые красивые девушки, — сказал айг. — Поче-

му так много? Нужно было очистить кровь от грязи.

— Энжел, ты же сказал, что айги не участвуют в жизни, что вы — всего лишь наблюдатели! — несмотря на равнодушие к людям, ему почему-то было жалко этих конкретных девушек.

— Наблюдатели, — айг показал рукой в сторону реки, — там, в нашем многомерном мире. Но оказавшись на этом берегу, в теле из плоти и крови, я перестал быть *сущностью* и стал *существом*, способным творить.

И я создал её.

Разве она не стоила этого, и в конце концов, какая сейчас разница? Я знаю, ты любишь её — разве её можно не любить? Ты же хочешь быть с ней? Хочешь, чтобы она стала человеком? — он выжидательно смотрел на Стива. — Мы в шаге от бессмертия, сейчас не время и не место обсуждать меня, тем более с позиции человеческой морали.

— Они чем-то провинились? — почему-то ему очень хотелось, чтобы это было именно так.

— Нет, они были самыми обычными людьми, как и ты, — ответил айг. — Возможно, не лучшими, но самыми обычными, я не выбирал их специально. Просто им не повезло.

У Стива всё похолодело внутри.

«Им, значит, „просто не повезло“, а что если и мне просто не повезёт? Что если ему нужна *вся* моя кровь? Что если...»

Стив на всякий случай пощупал пистолет во внутреннем кармане.

— А Яна знает, какой ценой ей досталась жизнь?

— Нет, ей и не нужно знать.

Он хотел спросить у айга что-то ещё, но их нагнала Яна.

— Эй мальчики, вы не меня случайно обсуждали? — весело спросила она.

Айг взглянул на Стива.

— Нет, мы с Энжелом вели философские разговоры, — сказал Стив и натянуто улыбнулся.

Вскоре они подошли к гранитному основанию огромного моста. Впрочем, на мост он был мало похож. Скорее он напоми-

нал огромную трассу в полмили шириной, плавно начинавшуюся возле берега и проходившую без всяких опор над поверхностью реки. Его противоположный край, как и всё на *том* берегу, терялся в неясных образах, перемешанных с туманом.

А всего лишь в миле от него бурлил и кипел, извергаясь миллионами галлонов крови, Кровепад Вечности. Именно там было бездонное ущелье, названное Пропастью Забвения, которое пересекало весь Нижний Мир, а его противоположная сторона, если она вообще была, скрывалась в тумане.

Стив позабыл о своих мыслях и вместе с Яной восторженно смотрел на грозное величие Нижнего Мира.

— Вот мы и пришли, — сказал айг.

Стив вздрогнул, слова айга вернули его в реальный мир.

— Яна, — обратился айг к девушке, — оставайся здесь, а мы со Стивом скоро вернёмся. Пошли Стив, мы быстро справимся.

Стив словно не расслышал его слов и продолжал смотреть на реку.

— Эй, Стив, слышишь меня? — айг тронул его за руку.

— Прости, я немного задумался. Да, конечно, пошли.

Стив взглянул на Яну, словно от неё зависела его жизнь. Они встретились глазами. Яна улыбнулась и нежно укусила его за ухо:

— Не бойся, всё будет хорошо. Я верю в тебя!

— Следуй за мной, — сказал айг и шагнул на мост.

Айг шёл очень быстро, и Стив едва поспевал за ним, стараясь сохранять разумную дистанцию, не слишком приближаясь к нему, но и не теряя его из виду в розовом тумане, который окутал их, едва они оказались на мосту. Чем дальше они шли, тем насыщеннее становился туман.

Стиву не хотелось идти. Он ощущал себя так, словно его вели на казнь. С каждым шагом его наполнял страх неизвестности. Вначале главной составляющей была его жизнь. Стив боялся, что айг убьёт его. Но ведь Яна обещала ему...

«А что если Яна — всего лишь красивая приманка для меня? Что если они с айгом заодно? Что если всё...»

Страшная мысль пронзила его сознание, взорвалась фейер-

верком где-то внутри черепа. И погасла.

Но вскоре её сменила другая, менее очевидная, но намного более глубокая и опасная мысль. Ещё вечером он ощутил смутное беспокойство, но тогда не понял его причины.

Что-то не сходилось в рассказе айга. Вопросы, словно противные склизкие черви, лезли из щелей его треснувшего спокойствия. Что означало исчезновение смерти? Как это будет выглядеть? Каким будет новый мир, в котором ему предстоит жить?

Айг замедлил шаг.

— Мне кажется, тебя что-то беспокоит, — сказал он.

Стив нервно вздохнул.

— Всё нормально, — сказал он, — просто я волнуюсь. Сколько нам ещё идти?

— Немного. Нам нужно оказаться ближе к середине реки, чтобы течение сразу принесло нашу кровь к кровепяду.

Стив взглянул на свои часы: прошло не меньше меньше пятнадцати минут, как они шли быстрым шагом.

«Господи, скорее бы всё закончилось» — подумал он.

Наконец, айг остановился.

— Пожалуй, мы уже достаточно зашли.

— И что теперь? — упавшим голосом спросил Стив. Он пытался натянуть улыбку, но она сразу же слетела с его лица.

— Дело за малым, нужно смешать нашу кровь.

Айг вытащил из кармана пиджака стеклянную пробирку, нащупал острый волос у себя на голове, вырвал его и, закатав левый рукав, уколол себя волосом в вену. Все манипуляции он проделал с хирургической точностью, словно всю жизнь проработал в клинике. Потекла прозрачная струйка крови. Айг сразу же подставил пробирку и, когда в ней набралось несколько миллилитров, убрал её и провёл языком по руке.

— На самом деле хватит и одной капли, — сказал он, — но пусть будет на всякий случай. А теперь твоя очередь, Стив.

Айг вырвал новый волос и протянул его Стиву вместе с пробиркой.

— Скорее, у нас мало времени.

Стив вытянул свою руку:

— Возьми лучше сам, я боюсь крови. — Стив лгал, он лишь хотел переложить ответственность на айга.

Но айг отрицательно покачал головой:

— Ты должен сам её пролить.

— Какая разница?

— Не забывай, всё, что ты видишь — лишь образы в твоём сознании, их реальный смысл совсем иной. Представь, что ты расписываешься в банковском чеке. Никто не сможет расписаться в нём, кроме тебя.

— Как будет выглядеть новый мир? — Стив убрал руку. — Как именно произойдёт изменение?

— Хочешь знать правду? — спросил айг.

Стив кивнул.

— Я не знаю, и никто не знает.

— Мы собираемся изменить всё мироздание, а ты даже не знаешь, что нас ждёт в нём?!

— В нём нас ждёт бессмертие, и это главное, что нужно знать.

— Энжел, прости, но я не могу, я боюсь. Что если ты ошибаешься? Что если этот мир окажется совсем не таким, в каком мне хотелось бы жить?

— У тебя нет выбора, — сказал айг, — твоя жизнь уже никогда не станет прежней независимо от твоего решения. Ты никогда не забудешь то, что увидел и узнал. Сможешь ли ты жить с этим? Но что ещё важнее, частица Нижнего Мира навсегда останется в тебе.

— Что это значит? — спросил Стив.

— Принимай решение! Разве ты не мечтал о бессмертии всю свою жизнь?

— Не заставляй меня, — сказал Стив, — я же не отказываюсь, я всего лишь хочу знать правду и прошу немного времени, чтобы разобраться...

— Но у меня нет времени, — ответил айг, тяжело дыша. Каждое слово давалось ему с трудом.

Стив только сейчас обратил внимание на то, что айг выглядел

неважно.

— Энжел, что с тобой? — испугано спросил он.

— Кровь... — выдохнул айг, — её слишком много в этом тумане. Разве ты забыл, что она ядовита для меня?

Стив схватился за голову и сжал пальцами виски. Сознание его металось из одной крайности в другую: он то хотел немедленно схватить пробирку и закончить процесс, то одёргивал себя и уговаривал подумать ещё немного. Страх неизвестности оплёл его разум белой сырой паутиной.

— Если не хочешь сделать это ради себя, сделай ради неё! — айг показал пальцем в сторону берега. — Я хочу, чтобы вы с ней стали Адамом и Евой нового мира.

Стиву казалось, что ещё немного, и он потеряет сознание.

— Я не знаю... — сказал он и сделал шаг назад

— Ты разочаровываешь меня... — айг закашлялся, — ...а ведь всё так хорошо начиналось.

Внезапно он схватил Стива за грудь и крикнул:

— Сделай это сейчас!

Айг не рассчитал своих сил, его тело стало мягким, как у тряпичной куклы, а хватка слабой. Стив, испугавшись, легко оттолкнул его. Айг сделал несколько шагов назад, оказался на самом краю, оступился и несколько секунд балансировал над рекой.

— Стив, я не хочу... в иллюзии... — прошептал он и протянул руку. В его расширенных глазах Стив впервые увидел страх, сменившийся удивлением. Стив медлил всего лишь мгновение, но его оказалось достаточно, и айг рухнул вниз.

Или река в этом месте всё ещё была не глубокой, или здесь была отмель, но айг оказался всего лишь по колено в крови. Стив боялся даже предположить из чего было её дно. Он бросился к краю моста и протянул руку, но айг даже не шелохнулся. Стив и сам понял всю бессмысленность своего запоздалого поступка — их разделяло не меньше трёх ярдов.

Много раз в своей жизни он будет снова и снова прокручивать этот момент в памяти, пытаясь понять, что заставило его

медлить, почему он вовремя не протянул руку, не схватил айга, позволил ему умереть?

А сейчас он просто смотрел вниз, не имея возможности что-либо изменить, и всё ещё не веря в случившееся. Как в первую их встречу.

Вначале ничего не происходило, а затем спокойная поверхность Реки словно ожила, кровь вокруг айга стала образовывать щупальца. Потоки крови устремились вверх по телу айга. Они проникали сначала под одежду, затем под кожу, словно черви паразиты из фантастических фильмов, отслаивая и растворяя её, расщепляли его ткани на волокна.

У айга не было мимических мышц, и по его лицу не было видно, что он чувствовал, всю испытываемую им боль, если, конечно, он её ощущал. Его холодные глаза смотрели на Стива, они словно говорили, что его боль — ничто, по сравнению с тем, что ещё предстоит испытать ему. Струи крови, словно сеть кровеносных сосудов, уже обвивали голову айга; открытые участки его тела были испещрены расползающимися язвами; кожа слезила с него, обнажая мышцы и сухожилия.

— Энжел! — крикнул Стив. — Как же я вернусь? Как мне открыть дверь?

Он не особо надеялся на ответ, но айг всё же ответил:

— Ты есть дверь... — он не успел закончить, как его голос превратился в шипение, словно в магнитофоне зажевало плёнку, его голова запрокинулась, и из раскрытого рта вырвался вверх фонтанчик крови. Не его айга — прозрачной, а ярко алой — человеческой. То, что не успело раствориться, развалилось на куски и осело в бурлящую реку, окружённое клубами белого пара. За несколько минут от айга не осталось ничего, кроме одежды, которую быстро унесло течение.

Стив поднялся с колен. «Ну вот и всё», — его мечты о бессмертии растворились вместе с айгом. На мгновение ему стало страшно, но он не позволил этим мыслям захватить свой разум. Сейчас главным было сохранить ту жизнь, которая у него ещё есть.

«Нужно выбираться из этого ада.»

Стив бежал по мосту в сторону берега и просил всех святых, чтобы это был ближайший берег. Впрочем, если верить айгу, на ту сторону он бы всё равно не попал. Его уже тошнило от навязчивого привкуса крови на языке.

По его ощущениям прошла целая вечность, а берега всё не было. Напрасно он всматривался: всё вокруг выглядело одинаково в густом кровавом тумане. Холодный липкий ужас начал карабкаться по его позвоночнику.

«Неужели я бегу не в ту сторону и погибну здесь, вот так?»

Наконец, Стив разглядел неясные основания моста и берег уходящий в вал, внезапно вынырнувшие из розовой пелены. Едва не обезумев от счастья, он побежал ещё быстрее и остановился, только когда под его ногами оказалась каменистая земля.

Упав на землю и немного отдышавшись — его лёгкие болели от перенапряжения — Стив снова поднялся и увидел Яну.

— Где Энжел? — спросила она.

Стив опустил глаза, его всего трясло.

— Он... погиб... — собственный голос показался ему чужим.

— Ты убил его? — Яна сделала несколько шагов назад.

— Нет! Яна, это был несчастный случай!

«Или самоубийство», — почему-то ему хотелось думать об этом именно как о самоубийстве.

— Я не верю тебе!

Стив шагнул к ней.

— Я всё объясню!

— Не приближайся ко мне! — Яна шагнула назад, — почему вы, люди, разрушаете всё, к чему прикасаетесь?!

— Прости, я правда не хотел, чтобы всё так случилось, — Стив размазывал слёзы грязными руками. — всё было слишком неожиданно, и я испугался. А теперь я не знаю, что мне делать!

У основания ближайшего холма открылась дверь. Она стояла искажающим перспективу прямоугольником на поросшей хилой травой земле, и в её проёме Стив узнал свою комнату.

— Энжел обещал показать мне ваш мир, показать рассвет

и Солнце, я должна их увидеть! — с обречённостью сказала Яна и бросилась к двери.

— Яна! — крикнул Стив и бросился за ней. — Тебе нельзя в наш мир! Ты погибнешь!

Он бежал быстрее, но она была ближе к двери. Он не успел. Они практически вместе пересекли дверной проём и оказались в его квартире. Стив схватил её за талию и хотел уже вышвырнуть обратно, но в этот момент дверь закрылась и исчезла.

Было раннее утро, и сквозь грязные окна его единственной жилой комнаты светили первые лучи восходящего Солнца.

— Как красиво! — успела сказать Яна.

Она несколько раз глубоко вдохнула словно ей было нечем дышать, её глаза удивлённо расширились, затем её лицо исказила гримаса, взгляд застыл, латексная кожа натянулась и лопнула, она надломилась, и из неё хлынула кровь. Кукла стала разваливаться у него в руках. Стив невольно выпустил её, и груда окровавленного мусора, ещё секунды назад бывшего прекрасной девушкой, рухнула к его ногам.

Стив не смог не отметить то, с каким изяществом она была сделана: кости из легчайшего фарфора, покрытого белой глазурью, каучуковые мышцы, прозрачные сосуды из тонкого гибкого пластика, перламутровые зубы, стеклянные глаза со зрачками из лепестков слюды, сапфировыми радужками и молочно-белыми опаловыми белками. Даже внутренние органы были произведены из различных материалов с высочайшей степенью правдоподобности. Единственное, что осталось неизменным, — её волосы, они были натуральные — человеческие.

От запаха крови у Стива закружилась голова, ему стало плохо, он едва успел сделать несколько шагов в сторону кухни, как его стошнило прямо на пол. Опасаясь потерять сознание, Стив кое-как добрался до раковины и, открыв кран с холодной водой, сунул голову под струю. Холод и шум падающей воды привели его в чувства. Он прополоскал рот и стал жадно пить воду. Наконец, он почувствовал себя лучше.

Окинув взглядом останки куклы, Стив к своему удивлению

обнаружил, что не особенно сожалеет о Яне. Когда она была живой девушкой, он, возможно, был действительно влюблён в неё, но сейчас перед ним лежала всего лишь разбитая кукла, в которой не было ничего человеческого, кроме насквозь пропитавшей её крови. Сейчас она была уликой, от которой нужно избавиться как можно скорее. Вот какие мысли владели в этот момент Стивом.

Он снова ушёл на кухню и вернулся с парой латексных перчаток и несколькими мусорными пакетами. Надев перчатки, Стив принялся собирать обломки куклы и аккуратно складывал их в пакеты. Закончив с этим, он нашёл несколько старых простыней и стал собирать разлившуюся кровь. На это ушло намного больше времени и простыней, чем он изначально предполагал. Раньше он никогда бы не подумал, что убрать четыре литра крови и отмыть её следы окажется такой нелёгкой задачей.

Наконец, к вечеру всё было убрано. Стив снял с себя испачканную одежду, свернул её, сложил в пакет, туда же отправились перчатки и прочие вещи, принимавшие участие в уборке. После чего он залез в душ и долго отмывал себя от грязи и пыли Нижнего Мира. Когда стемнело, он вынес пакеты по одному и выбросил их в разные мусорные контейнеры.

8

Утром Стив проснулся в мягкой постели и сначала не понял, где находится, но когда осознал, то с облегчением упал в неё обратно, зарылся в мягкую подушку и натянул одеяло до самых глаз, вдыхая запах свежего белья. Ближе к обеду он встал и — поскольку его холодильник был пуст — прогулялся в ближайшее кафе.

Так прошёл весь день, затем ещё один и ещё. Стив наслаждался прогулками на свежем воздухе, ярким солнцем и голубым небом от которых успел отвыкнуть за неделю, проведённую в нижнем Мирае.

Иногда, впрочем, ему снилась Яна, самая прекрасная девушка, которую он когда-либо встречал. Когда он просыпался, её обворожительная, немного смущённая улыбка ещё несколько мгновений парила у него перед глазами. Но Стив сразу же напоминал себе, что она была всего лишь куклой, манящим образом, сотканным из его фантазий. Айг — это гениальное существо с безграничными способностями — знал обо всех его предпочтениях, мыслях и самых сокровенных желаниях. Что ему стоило воплотить их в Яне? Даже имя ей он выбрал не случайно — так звали девушку, в которую Стив влюбился, учась в колледже.

Казалось, его жизнь вошла в прежнее русло, и он уже планировал выйти на работу. Но внезапно, в одну ночь, всё изменилось.

Ужасные в своей антропоморфности, словно сошедшие с аэрографий Гигера существа населили его ночные кошмары. Время от времени им становилось тесно в его снах, и тогда они начинали карабкаться по зрительным нервам и утыкались в веки, казалось, ещё немного и они *заглянут* в наш мир. Но Стив всякий раз просыпался в холодном поту, его сердце учащённо билось, тело захлёстывала слабость, а перед глазами ещё несколько

мгновений стояли кошмарные образы.

Через неделю Стив понял, что дальше так продолжаться не могло: он практически не спал и в который раз ощущал, что сходит с ума.

Однажды Стив проснулся от стука: судя по всему, кто-то совсем рядом методично забивал гвозди. В воздухе пахло свежей древесиной. Вскоре звуки стихли, и Стив услышал удаляющиеся шаги.

«Кто-то у меня в квартире?»

Он решил приподняться и посмотреть, но в этот момент его руки и ноги пронзила острая боль, Стив не мог пошевелить ими. Преодолевая боль, он приподнялся ещё раз и увидел, что они были прибиты огромными гвоздями к деревянному кресту. Он был распят.

Стив закричал от ужаса, чувствуя свою полную беспомощность перед неведомым. И собственный крик показался ему слишком пронзительным и нечеловеческим, словно что-то животное внезапно проснулось в нём. Он кричал не переставая, пока не обнаружил себя лежащим на полу возле кровати, запутавшимся в простыни. Взглянув на запястья и голени, Стив увидел быстро исчезающие синяки. Его трясло так, что пришлось закусить угол одеяла, чтобы зубы не стучали. Именно тогда у него впервые промелькнула мысль, что смерть — не такой уж и ужасный выход.

Он так и не уснул, пролежав всю ночь с открытыми глазами, а лишь рассвело — оделся и ушёл. Через несколько часов он вернулся с упаковкой самого сильного снотворного, какое смог найти. Высыпав все таблетки на ладонь, Стив целую минуту смотрел на них.

— Ну уж нет! — сказал он и ссыпал их обратно в банку. Все, кроме одной. Проглотив её и запив водой, Стив лёг в постель и пытался не уснуть как можно дольше, пока биохимические процессы в его мозгу не взяли верх, и он не провалился в глубокий сон без сновидений.

Очнувшись, Стив первым делом посмотрел на часы: у него

было стойкое ощущение, будто его выключили и сразу же включили, однако оказалось, что он проспал целые сутки.

— Я же говорил, меня так просто не возьмёшь! — рассмеялся он, показав стене средний палец.

Позавтракав яичницей с беконом и морковным соком, он почувствовал долгожданный прилив сил и решил сходить на прогулку. Спускаясь по лестнице, он встретил Бенни, пожилого музыканта игравшего блюз в барах.

— Здравствуй, Бенни!

— Привет, Стив! Давно тебя не видел. Уезжал?

— Да, — сказал Стив, — в Канаду.

— И как там?

— Ничего, жить можно. Слушай, приятель, я спешу... — Стив решил прервать разговор, обещавший растянуться надолго.

— Конечно, Стив! Как будет время — забегай ко мне.

— Непременно, Бенни! — улыбнулся Стив и побежал вниз по лестнице.

Прошла ещё одна неделя. Или две — он особо не считал. Кошмары больше не мучили его. Утром он уходил на пробежку, днём гулял по городу, в парках или смотрел телевизор лёжа в постели, а вечером принимал снотворное и засыпал крепким сном.

«Если вести правильный образ жизни и вовремя пить снотворное, то всё будет в порядке, верно, Стив?»

Иногда, впрочем, на него накатывали воспоминания о Нижнем Море, но с каждым разом они размывались и выцветали, словно краски выброшенной на свалку картины. Временами ему казалось, что всё это было галлюцинацией, бредом сумасшедшего. Но если это и было иллюзией, то слишком реалистичной.

«Или не было?»

Он смотрел на стул, где сидел айг, пытаясь вспомнить, как он выглядел. Стив хотел доказать самому себе, что произошедшее — не плод его больного воображения. Впервые за последнее время у него разболелась голова.

«Схожу, прогуляюсь немного», — решил он.

Через час Стив сидел на двадцать первом этаже бизнес-центра в кафе за столиком у стеклянной стены. Отсюда открывался великолепный вид на город, на реку и на мост имени Лонгфелло. Внизу потоки автомобилей и людей, разделённые тонкими линиями, пересекались в местах, отмеченных переходами.

«Какие же мы маленькие и жалкие, похожие на насекомых, а ведь глядя на себя в зеркало и не скажешь».

Он ковырял вилкой нечто, похожее на яичницу.

«Стоп!» — внезапно сказал он. Ему показалось, что всё это уже было, было много раз: бизнес-центр, тридцатый этаж, кафе, те же взгляды, те же мысли. И было что-то ещё. Здравый смысл говорил ему, что этого не могло быть, но память настойчиво подбрасывала странные образы и слова. Нижний Мир, Река Боли, айг, Кровепад Вечности, Пропасть Забвения. Что все они значат? Что из этого правда, а что вымысел?

«Должно же было остаться хоть что-то, подтверждающее, что я не сошёл с ума?»

Время свернулось в тугую струну и стало хлестать его по щекам, словно пытаясь разбудить. Он обхватил голову руками, застонал — и окончательно проснулся.

«Ну конечно же! Волос айга, оставленный им под столом в комнате».

С этой мыслью Стив резко вскочил, сунул удивлённой официантке деньги и бросился к дверям. Коридор, лифт, судорожное ожидание, скорее вниз, снова коридор, вестибюль; наконец, он толкнул тяжёлые стеклянные двери и оказался на улице. Немного отдышавшись, Стив бросился к ближайшей станции метро.

Он не любил спускаться под землю, но сейчас это было самым быстрым способом добраться к себе домой. Отстояв очередь к эскалатору, он встал на ступени и поехал вниз. По его ощущениям прошла целая вечность, прежде чем он оказался на платформе и успел запрыгнуть в закрывающиеся двери вагона.

Оказавшись внутри и смирившись с тем, что в час пик ничто

не способно двигаться быстрее, чем поезд, он наконец немного успокоился.

Мимо него мелькали станции, открывались и закрывались двери, входили и выходили пассажиры, а он всё стоял в оцепенении и смотрел в окно.

Волос айга. Стив не мог думать ни о чём кроме него.

«Только бы он был там, только бы я его не выкинул!».

Он вцепился в эту мысль и боялся отпустить её, хоть на секунду подумать о чём-либо другом, словно она была хрустальной вазой и могла разбиться, выскользнув у него из рук.

Он вышел на своей станции и вместе с толпой направился к выходу. Снова эскалатор, и снова ему показалось, что время остановилось, а секунды блестящими ртутными каплями медленно потекли в прошлое.

Но стоило ему оказаться наверху, как время снова взяло свой привычный ритм, и понеслось с бешеной скоростью, увлекая всё вокруг в огромную воронку. Проскользнув в выход, Стив оказался на улице, солнечные лучи больно впились яркими скальпелями в его глаза. Он зажмурился и едва не потерял равновесие, даже сквозь закрытые веки чувствуя боль, словно ему в глаза вонзили иглы.

Кто-то его толкнул.

— Не стойте в проходе!

— Вам плохо, — спросил женский голос, — может вызвать скорую?

— Нет, спасибо, со мной всё в порядке.

Стив расцепил веки. Улица по-прежнему казалась ему залитой ослепительным светом, но боль уже не была такой сильной.

— Вы уверены? — озабоченно спросила женщина.

— Да, мне уже лучше.

Щурясь, благо Солнце светило ему в спину, Стив пошёл по улице, сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее, пока не перешёл на бег. Через несколько кварталов он свернул налево, на свою улицу, но остановился лишь забежав в подъезд. Мокрая от пота рубашка прилипла к спине, он готов был упасть

от нервного напряжения, однако от квартиры его отделяли ещё четыре этажа. Судорожно вздохнув, он из последних сил стал подниматься по лестнице, и лишь увидев наконец дверь своей квартиры, вздохнул с облегчением. Однако попасть внутрь оказалось не так-то просто.

Несколько раз ключи выпадали из его дрожащих рук, а вставив ключ в замочную скважину, он так резко провернул его, что замок, который и без того был не в лучшем состоянии, заело. Стив со злости ударил кулаком в дверь и чуть не расплакался, однако через несколько минут ему всё же удалось её открыть, и он ввалился в квартиру. Не раздеваясь и не снимая обуви, бросился в комнату и отшвырнув стул залез под стол, надеясь в конце концов поставить точку в этом вопросе.

Волос айга, длинный и жёсткий, всё ещё был там: лежал на полу, испачканный в прозрачной жидкости, к удивлению Стива — не высохшей, а совершенно свежей, выглядевшей так, словно айг только что его бросил. Стив протянул к нему руку и тут же отдёргнул её, он гладил воздух над волосом, боясь прикоснуться, словно это была галлюцинация, и он опасался, что она исчезнет.

Но это не было галлюцинацией. Стив несколько раз закрыл и открыл глаза: волос был настоящим, и настоящими были его воспоминания. Теперь он был в этом уверен. Стив вылез из под стола и вышел на кухню.

«Неужели оно и вправду было?»

Он хотел открыть кран, чтобы умыться холодной водой, но внезапно плитка над мойкой с треском отошла от стены, и из трещины потекла вязкая красная жижа. Ещё не осознав, что происходит, Стив коснулся плитки указательным пальцем, чтобы поставить её на место, но она отвалилась, обнажив рваную, пульсирующую кровью рану.

Несколько секунд он стоял в тишине, а затем кухня наполнилась слабым треском — плитки отставали от стен, заливаемых кровью. Стив вышел из оцепенения и заметил, что его рука всё ещё сжимает ручку крана. Кровь уже заливала пол, подбираясь

к нему всё ближе, он отпрянул на середину кухни, окружённый со всех сторон.

Вдруг за стеной раздался крик, и после — самый ужасный звук из всех, которые он когда-либо слышал — треск разрываемых сухожилий и глухие звуки падающих на пол кусков плоти. Стива охватил первобытный страх, он закрыл глаза, сжал веки так, что выступили слёзы и снова открыл их. Звуки стихли, кафельные плитки плотно прилегали к стене, крови нигде не было.

«Что это было, черт возьми?»

Он осторожно потрогал плитки, провёл по ним рукой — всё было как прежде.

«Ничего не понимаю...»

У него скрутило желудок, Стив бросился в ванную и вырвал весь скромный обед. Умывшись и приведя себя в порядок, он постарался выкинуть случившееся из головы.

Стив надеялся, что галлюцинация не повторится. Он ошибся. Кошмары вернулись к нему, но уже наяву. Они были настолько реальны, что не было ясно, где они начинались и где заканчивались. Они плавляли границы реальности, размывая и без того неясные их очертания.

В отличие от мрачных серо-зелёных ночных кошмаров эти видения были яркие и насыщенные, пожалуй, даже более яркие и насыщенные, чем сама реальность. Возможно, именно поэтому сами по себе они казались Стиву менее пугающими, и вызывали скорее болезненный интерес, чем ужас.

Самым невыносимым в них была неизвестность: когда иллюзия только начиналась, и он ещё не понимал, происходят ли события на самом деле или являются плодом его воображения. Именно их мучительное ожидание больше всего изматывало Стива, разрушало его хрупкую психику. С каждым разом они становились всё более яркими, необычными и... осязаемыми.

В один из вечеров он лежал в постели, слушая музыку. Вдруг свет лампы мигнул. Стив выключил плеер, стянул наушники и весь напрягся. Что-то было не так, не как обычно, оно ощу-

щалось в воздухе, в цветах, в звуках. Клацнула ручка наружной двери, и в прихожей послышалось шуршание, переходящее в приближающееся цоканье по полу.

«Но ведь я закрыл её на ключ!»

Стив вжался в кровать, парализованный ужасом. Мысль повернуться и посмотреть казалась ему самоубийственной. Цоканье становилось всё ближе, пока не прекратилось у кровати.

Через секунду, показавшуюся вечной, на него прыгнул огромный паук, собранный из одноразовых шприцев, стеклянных трубок, шлангов для капельниц и пакетов для переливания крови. Шприцы в основании ног — большие и широкие, на концах — маленькие и узкие. Паук расставил ноги вокруг Стива и навис над ним.

Ощупав его грудь передними ногами, паук раскрыл челюсти из двух шприцев с обнажёнными иглами и резко вонзил их в неё. Стив ощутил боль и жжение, впрочем, быстро ослабевающее, — должно быть паук ввёл ему анестетик. Стив с интересом наблюдал, как его кровь сначала заполнила шприцы, затем по трубкам пошла через грудь, в которой пульсировало что-то полупрозрачное («Наверное, сердце», — подумал он), и начала расправлять пакет в объёмном брюхе паука. Когда пакет заполнился — паук выкачал не меньше литра крови — он резко выдернул шприцы, уложил их в выемки головы, спрыгнул на пол и большими прыжками скрылся в прихожей.

Расстегнув рубашку, Стив увидел два быстро исчезающих маленьких красных пятнышка. Поднявшись с кровати, он сразу ощутил слабость, голова кружилась.

«Галлюцинация или кошмар? Но я же не спал!»

Стив подошёл к зеркалу: выглядел он бледно, словно и вправду потерял литр крови.

«Может, у меня опухоль мозга?»

Он вспомнил про свою мать и её отца, умерших от рака, и решил немедленно посетить врача. Ничего хорошего от своей наследственности он не ждал.

«Если это не прекратится, нужно срочно сходить к онколо-

гу», — решил он, и через несколько дней ещё более странных галлюцинаций так и сделал.

— Вы в полном порядке, — сказал врач, когда Стив пришёл к нему после рентгенографии, — радуйтесь жизни. Очень хорошо, что вы беспокоитесь о своём здоровье, но одного обследования в год в вашем случае более чем достаточно.

— Послушайте, — сказал Стив, — если у меня что-то серьёзное, лучше скажите сразу, не нужно меня жалеть. Я имею право знать, сколько проживу.

Врач сурово посмотрел на него:

— С вами всё в порядке, — повторил он, — не выдумывайте лишней ерунды!

— А если вы ошиблись? — не унимался Стив.

Врач встал из-за стола и жестом пригласил Стива проследовать за ним.

— Идите со мной к стенду. Это ваше имя? — он указал на приколотый снимок.

— Да, — кивнул Стив.

— Вы видите на снимке что-нибудь? Как, например, здесь.

Врач ткнул пальцем в соседний снимок с чётким овальным пятном в черепе. Стив отрицательно покачал головой:

— Нет.

— Правильно! Потому, что у вас нет ничего, так что не морочьте мне голову!

— Спасибо, — сказал Стив, — вы правда меня успокоили.

— Не за что. Впрочем, подождите, — окликнул его врач, — я знаю очень хорошего психотерапевта, секунду, я запишу вам его адрес...

Однако Стив уже закрыл дверь кабинета. Выйдя из клиники, он неторопливым шагом направился в парк.

«Возможно, всё же стоило взять адрес? — размышлял он. — Но я же не псих, я — нормален! Это и в правду было со мной!»

Оказавшись на середине моста, Стив замедлил шаг, остановился, взялся за выкрашенные зелёной краской перила и перенулся через них. Покрытая мелкой рябью, тёмная, словно масляная, поверхность воды казалась похожей на кровь. Она манила его спокойной прохладой.

Медленно сойдя с моста, он остановился на углу улицы. Что-то снова было не так. Слабый шум в ушах, ощущение чего-то огромного, нарастающего. Словно на него двигались шестерни гигантского механизма. Стив потрянул головой, и шум исчез, вместо него пришла тишина, ещё более пронзительная и пугающая.

Яркий солнечный день, безоблачное небо, и никого вокруг.

Впереди в нескольких десятках шагов Стив заметил девушку лет двадцати четырёх с длинными осветленными волосами, стоящую спиной к нему. На ней было обтягивающее серебристое платье с открытым верхом, такое короткое, что едва прикрывало бёдра. Стив засмотрелся на её спортивную фигуру, гладкую загорелую кожу, плавные линии ног.

«Она, наверное, не увидит меня, даже если посмотрит в упор», — подумал он.

В руках у девушки был поводок на котором она вела огромную серую муху с красными глазами и короткими крыльями, которую Стив принял сначала за маленькую собачку.

— Что?! — вырвалось у него.

Девушка резко обернулась, с её красивого ухоженного лица на него смотрели огромные фасеточные глаза. Она что-то сказала, но её речь больше походила на скрип. Стив начал отходить назад, не спуская с неё глаз, и едва не столкнулся с ещё одной девушкой, ей было не больше семнадцати.

— У вас всё хорошо? — спросила она. — Вы так испуганы.

Стив взглянул на её лицо и в ужасе отшатнулся. Он не понял, что именно его испугало, но оно было настолько ужасным, что он бросился бежать со всех ног и пробежал несколько кварталов, прежде чем рискнул остановиться.

Что же так испугало его? Что не так было с ней? Он пытался вспомнить её лицо, но не мог. Словно у неё вовсе его не было.

Вместо лица его память рисовала огромный зияющий провал.

«Но у неё же было лицо! Обычное человеческое лицо!»

По губе стекла капля. Стив машинально вытер её и посмотрел на руку: кровь. На всякий случай ощупал лицо — оно было на месте, шмыгнул носом — несколько капель упали на руку.

«Что со мной? Что за чертовщина?»

Никогда раньше у него не шла кровь из носа. Стив ощущал себя ужасно: его тело ныло, лёгкие болели, голова кружилась, свет казался нестерпимо ярким. Шатаясь словно пьяный, он подошёл к стене дома, сел, прислонившись к ней, закрыл глаза и ещё долго наблюдал за белыми вспышками фейерверков на внутренней поверхности век. В голову лезли навязчивые мысли, казавшиеся пульсирующими неоновыми червями.

Солнце скрылось за облаками, и ему стало легче. Поднявшись, Стив медленно побрёл по безлюдной улице. На углу он заметил парикмахерскую. Объявление на окне гласило: «Скидки парням 30%, не упустите свой шанс!»

Остановившись, он несколько секунд смотрел на вывеску. Мысль возникла сама собой. Острое желание изменить свой внешний вид. Впрочем, правильнее было бы назвать его не желанием а потребностью, своеобразным обрядом очищения от прошлого.

Помявшись немного перед входом, он вошёл в открытую дверь.

— Здравствуйте! — приветливо сказала девушка с короткими рыжими волосами, — проходите в зал, пожалуйста.

Стив уселся в кресло перед зеркалом и встретился взглядом с самим собой.

«Как ужасно я выгляжу, — подумал он, — словно загнанный зверь.»

— Как вас подстричь? — спросила девушка.

— На ваш вкус.

— Хорошо, — улыбнулась она, — сделаю как у Элвиса Пресли.

Она взяла расчёску, смочила его волосы из пульверизатора и начала расчёсывать их нежными профессиональными движе-

ниями.

Стив закрыл глаза и провалился в полудрёму, лишь изредка поворачивая голову по просьбе парикмахера.

— Готово! — сказала девушка, сметая кисточкой волосы с его плеч. — *И лишь в иллюзии ты обретёшь свободу!* — пропела она.

Стива словно ударило током, он открыл глаза, на секунду ему показалось, что мир плыл перед ним.

— Откуда эти слова? — спросил он.

— Не знаю, — девушка пожала плечами, — на улице услышала. Мне они показались очень красивыми. Взгляните в зеркало, мне кажется, вам так больше идёт!

— Спасибо, — сказал он, изучая свою причёску, впрочем, не сделавшую из него Элвиса.

— Пожалуйста!

Обернувшись, Стив пересёкся с ней взглядом. Ему показалось, или её глаза блеснули фиолетовым? Стив ошалело уставился на девушку.

— Что-то не так? — спросила она, испугано взглянув на себя в зеркало.

— Нет, нет! С вами всё в порядке! — выдавил из себя Стив.

Из глаз девушки немигающим фиолетовым взглядом смотрел айг. Стив быстро сунул ей деньги и пулей вылетел из парикмахерской на улицу. Пробежав немного, он оказался на авеню, навстречу шли люди, и из их глаз на него смотрели айги. Люди шли по улице, не обращая внимания на Стива, но глаза айгов всегда были обращены на него.

Стив бросился бежать, расталкивая прохожих, и свернул на безлюдную улицу.

— Будь ты проклят, Энжел! Будь ты проклят! Будьте вы все прокляты! — закричал он.

С этого дня его жизнь превратилась в пытку. Айги из человеческих глаз не были похожи на Энжела, в них было слишком много животного. Теперь Стив понял: всё, что ему казалось неправильным в облике Энжела, все его животные черты были представлены у них в гипертрофированном виде. Айги сильно разли-

чались. Одни обладали широкими сплюснутыми мордами пекинесов, другие — узкими, вытянутыми, как у легавых борзых, головы третьих походили на олени. Неизменными оставались лишь серо-голубая кожа, покрытая белой щетиной, и большие фиолетовые глаза с чёрными серповидными зрачками. И чем красивее был человек, тем уродливее казался айг в его глазах.

Их внешность, не будучи омерзительной в обычном смысле, тем не менее вызвала у Стива острую смесь ужаса, ненависти и отвращения. Было в их виде что-то настолько неправильное и непривычное, настолько несоответствующее окружающему миру, настолько ужасное. От их пронзительных взглядов невозможно было скрыться. Они были всюду, смотрели на него укоризненными любопытными взглядами из глаз каждого человека. Только его собственные глаза были пустыми и безжизненными.

Это было хуже, чем ночные кошмары, и хуже, чем кошмары наяву. Раньше не отличавшийся решительностью он больше не мог смотреть людям в глаза. Стив купил солнцезащитные очки и стал носить их везде, чтобы не встречаться ни с кем взглядом и не смущать никого рассматриванием пустоты. На улице ли или в помещении с людьми он всё время вынужден был смотреть вниз, чтобы не видеть их глаз.

Много раз Стив много спрашивал себя:

«Почему именно я? За что?»

И сам же отвечал:

«Ни почему. Ни за что. Нет никакого предназначения, искупления грехов и прочей чуши. Всего лишь случай. На моём месте мог оказаться каждый. Никакой я не избранный, просто мне не повезло.»

Он остановился рядом с деревом и провёл рукой по шершавой коре. На глазах навернулись слёзы.

«Мне нужно уехать из города как можно дальше.»

Почему-то ему казалось, что это сможет помочь. Уехать куда-нибудь в богом забытое место и устроиться на автозаправку. Или махнуть на юг во Флориду и жить в палатке на пляже. Не такая уж плохая перспектива, правда, Стив? Неважно куда, главное —

убраться отсюда поскорее.

«Завтра же схожу в офис, заберу заплату за прошлый месяц и уеду отсюда к чертям собачьим!»

У самых дверей своей квартиры он внезапно столкнулся с домовладелицей — женщиной лет пятидесяти пяти с резким неприятным голосом, крашеными волосами и избыточным макияжем, которым она пыталась компенсировать ушедшую молодость. Из-за склочного и скверного характера её не могли терпеть даже в налоговой инспекции.

— Здравствуйте, миссис Качински! — Стив улыбнулся и открыл дверь, собираясь проскочить, но женщина его остановила.

— Куда ты прячешься? Ты не забыл, что сегодня нужно платить за аренду?

— Простите, миссис Качински, я завтра вам обязательно заплачу.

— Что?! Никаких «простите, миссис Качински»! Я слышу это всякий раз, когда прихожу за своими деньгами, которые я честно заработала! Ты мне задолжал за три месяца, и я больше не потерплю никаких отсрочек!

У Стива от её крика разболелась голова.

— Миссис Качински, — тихо сказал он, — клянусь вам, я завтра еду за деньгами в офис. Вечером, я обязательно расплачусь. Дело в том, что я скоро уезжаю, — доверительно сообщил он.

— Ну, смотри у меня! — миссис Качински пригрозила ему пальцем. — Иду тебе на встречу в последний раз, если завтра не расплатишься, я вызову полицию.

Она говорила ещё несколько минут, обвиняя таких как Стив во всех смертных грехах, включая проверки, налоги и инфляцию, но он не слушал её, а лишь изредка кивал. Наконец, она замолчала, и Стив, воспользовавшись паузой, попрощался с ней, проскользнул в квартиру и захлопнул дверь.

«Старая облезлая шлюха, неужели и ты получила бы вечную жизнь?»

Голова у него раскалывалась. Стив зашёл в ванную, умылся

холодной водой, ему стало немного легче. Посмотрел в зеркало, выглядел он неважно: на худом лице проступили кости, вокруг глаз появились мелкие морщины, кожа приобрела нездоровую бледность.

«Нужно как следует выспаться, — напомнил он, — и уехать».

Перекусив и выпив снотворного, он поставил будильник на восемь утра, завалился на кровать и мгновенно уснул, провалившись в мир без сновидений и времени.

Очнулся Стив с ноющим ощущением тревоги и сразу же посмотрел на часы. Было четыре часа пополудни. Вне себя от злости, он вскочил с кровати, схватил будильник и что есть силы швырнул его. С жалобным звоном будильник ударился о стену, отскочил в угол, стекло разбилось, циферблат лишился цифры шесть, маленькая шестерёнка вылетела и укатилась.

Несколько секунд Стив стоял в растерянности, затем подскокил к разбитому будильнику, бережно взял его и прижал к груди.

— Прости меня пожалуйста, — шептал он, — ты не в чём не виноват, — я сам проспал и не услышал, как ты звонил. Я обязательно почию тебя, слышишь? — по его щекам текли слёзы.

Стив положил будильник на кровать и стал быстро одеваться. Заварив чашку кофе, он сделал несколько глотков и, убедившись, что миссис Качински не караулит его за дверью, пулей выскочил из квартиры. Меньше, чем через час он был у входа в бизнес-центр. Но заходить в него не стал.

Ещё в начале пути у Стива зародилось смутное беспокойство, с каждым шагом нарастающее всё сильнее, пока, наконец, оказавшись перед самыми дверьми, он не осознал, что совсем не хочет в них входить. Пройдясь в нерешительности около входа, он посмотрел на часы и медленно побрёл прочь. Сделав несколько кругов вокруг здания, он снова приблизился ко входу, снова взглянул на часы, и всё повторилось.

Так прошли полтора часа. В конце концов, в очередной раз оказавшись перед стеклянными дверьми, Стив всё же сделал над собой усилие и вошёл в них. Сразу же стало легче. Первый шаг сделан, и обратного пути уже не было. Быстро пройдя огромный

холл, он направился к лифтам, нажал на вызов, зашёл в открывшуюся кабину. На четырнадцатый этаж Стив приехал на удивление быстро.

Длинный коридор с одинаково безликими дверьми, различающимися лишь табличками с названиями фирм, принял его в свои объятия. Фирма Уэбса располагалась в следующем крыле. Стиву нужно было идти направо до конца коридора, затем свернуть налево и пройти ещё немного. Стив сделал несколько шагов и остановился. Внезапно он снова почувствовал себя стоящим на мосту через Реку Боли. Он снова слышал ужасный рёв миллионов тонн холодной крови. Ему ужасно не хотелось идти. Если бы сейчас включилась пожарная тревога, началось землетрясение или в здании объявили эвакуацию — словом, что угодно, главное, чтобы оно позволило ему бежать отсюда, он был бы безумно рад. Но ничего не нарушало вечерней тишины четырнадцатого этажа.

Резко закружилась голова, сердце бешено забилося, в глазах промелькнули яркие звёздочки. Стив лёг спиной на стену, превратившуюся в пол, словно весь мир вокруг него перевернули. Из самого низа накатила тошнота.

«Нет, не сейчас, мне нужно забрать свои чёртовы деньги!» — взмолился он.

Глубокое дыхание помогло ему прийти в себя. Стало немного легче. Он оторвал спину от стены, однако всё ещё придерживался за неё рукой.

Стив нарочно шёл очень медленно, чтобы оттянуть встречу и прийти в себя, прокручивая в голове разные схемы предстоящего разговора. И чем ближе был офис Уэбса, тем медленнее он шёл. Наконец, он увидел знакомую табличку, его сердце сжалось.

Взявшись за ручку, Стив потянул её на себя — дверь была не заперта — и без стука вошёл. Кэтти, личный секретарь мистера Уэбса, симпатичная, но не наделённая особым умом девушка, уже ушла. Всё, что она умела — это быстро печатать, приносить кофе и заигрывать с ожидающими своей очереди клиентами; впрочем, большего от неё и не требовалось. Некоторое время она нравилась Стиву, но не как человек, а скорее как красивая

кукла, с которой можно было приятно провести время. К счастью, он вовремя узнал, что Уэбс был не просто такого же мнения, но и успешно воплощал его в жизнь, и сразу же потерял к ней всякий интерес.

Стив огляделся, за месяц его отсутствия в офисе почти ничего не изменилось. Сквозь узкие щели в пыльных жалюзи пробивался тусклый свет, бросая на пол полосатые тени. Хилые вяющие растения нуждались в регулярном поливе, но о них часто забывали. На краю длинного переговорного стола из натурального дерева стояла открытая бутылка виски.

Стив взял в углу канистру с водой и обильно полил растения. Закончив, он вернулся и остановился напротив двери в кабинет Уэбса. Несколько минут он стоял в нерешительности и уже собрался уйти, но внезапно дверь открылась и из кабинета вышел Уэбс. Он был немного пьян, а на расстёгнутом воротнике его белой рубашки краснели следы помады.

— Я увольняюсь, — Стив быстро пробормотал заранее отрепетированную фразу, — и хотел бы, чтобы вы рассчитались со мной за прошлый месяц.

— Стив, — лицо Уэбса расплылось в улыбке, не предвещавшей ничего хорошего, — ты не выполнил свою работу, и я не выплачу тебе ни цента, пока ты не закончишь её.

Несколько секунд Стив пребывал в растерянности.

— Эй! Куда ты прячешься? Смотри мне в глаза, когда я с тобой разговариваю! — приказным тоном сказал начальник.

Уэбс напомнил Стиву его отца. «Такой же тщеславный, самовлюблённый, никчёмный кретин». Стив почувствовал, как в его крови закипает ярость. «По какому праву он оскорбляет меня?» Весь его страх внезапно улетучился. Стив недоумевал: как он вообще мог бояться этого мерзкого человечешку? После всего пережитого им в Нижнем Море, Уэбс казался жалким и ничего не значащим насекомым.

Стив резко посмотрел Уэбсу в глаза — и встретился взглядом с айгом. Немигающие фиолетовые глаза смотрели на него с укоризной, губы беззвучно шевелились, бесконечно повторяя

какую-то фразу. Как он мог забыть! У любого разговора всегда был безмолвный свидетель. Стив невольно отпрянул и отвёл глаза в сторону.

Уэбс, решивший, что Стив испугался его угроз, засмеялся:

— Не отворачивайся, — сказал он, — я ещё не закончил!

Это было его ошибкой. Стив резко встряхнулся, злоба перехлестнула через край и обрушилась вниз, сметая всё на своём пути. Кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. Он размахнулся и со всей силы ударил Уэбса в лицо. От удара Уэбс потерял равновесие и с глухим стуком, словно мешок с овощами, упал на пол. Беспомощно распластавшись, он испуганно смотрел на Стива, словно сброшенный с Олимпа греческий бог, ещё не забывший героического прошлого, но уже осознавший свою смертность.

— Стив, ты чего?

Но Стив не позволил ему опомниться, подскочив, он ударил его ещё раз, затем ещё и ещё. Вначале Уэбс пытался позвать на помощь, но всякий раз его крик захлёбывался от очередного удара. Стив бил его руками, пока они не начали ныть, а затем ещё пару раз ударил ногами.

Стив ещё никого не бил в своей жизни, и сейчас от изнеможения и нервного напряжения был готов упасть рядом с Уэбсом. Однако он нашёл в себе силы устоять на ногах и даже заглянул Уэбсу в глаза. Айг всё ещё смотрел из них, а увидев Стива, оживился, словно ожидая продолжения.

— Ну и сука же ты! — прошипел Стив. Трясущейся рукой он взял со стола бутылку и плеснул виски в разбитое лицо начальника.

— Хлебни, легче станет, — он не знал к кому обращался, к айгу ли, к Уэбсу или к ним обоим, но ему было всё равно.

Сил кричать у Уэбса уже не было, и он еле слышно захныкал от боли.

Ярость прошла, и Стив остался один на один со страхом. «Нужно как можно скорее убираться отсюда!»

Поставив бутылку на стол, он подошёл к двери. Осторожно

открыл её, выглянул в коридор и огляделся: к счастью, все служащие уже ушли, и на этаже было пусто. Быстро выскочив, Стив закрыл дверь, перевернул табличку с надписью «Не беспокоить» и со всех ног рванул к лестнице.

Он бежал до тех пор, пока тяжёлые стеклянные двери бизнес-центра не захлопнулись за ним, и, лишь оказавшись на улице, остановился, пытаясь отдышаться. Шедшие мимо люди взглянули на его измученный вид, но тут же отвернулись, спеша по своим делам. Он стоял, уставившись на асфальт, не в силах поднять глаза, пока не осознал, что бесконечно тянуть он не сможет. Он знал, что увидит, но не думал, что это настолько сведёт его с ума. Из глаз толпы на него смотрели айги, отрешённо-равнодушные их лица, тем не менее, излучали интерес: исследователи Нижнего Мира изучали его.

С самого верха небоскрёба сорвалась капля, она проделала немалый путь, увлекаемая вниз силой земного притяжения, прежде чем упасть в лужу перед Стивом.

Последняя капля.

— Эй вы! — крикнул Стив полным отчаяния голосом, — оставьте меня в покое! Что вам нужно?! Хватит меня изучать, я не лабораторная крыса!

Айги не обратили никакого внимания на его крик, но люди начали оглядываться, некоторые крутили пальцем у виска, кто-то остановился, чтобы поглазеть на психа. Что было дальше он помнил смутно, словно отдельные снимки: айги, его рука, сжимающая пистолет, выстрелы, крики. Он стрелял пока не выпустил весь магазин, но и после этого продолжал рефлекторно нажимать на пусковой крючок. Айги падали, но снова вставали, а люди оставались лежать, и возле их тел на мокром асфальте расплывались красные пятна. В глазах у Стива стемнело, и он потерял сознание.

Над головой — ржавое солнце, под ногами — сухой колючий песок. Стив идёт по бескрайней пустыне, раскинувшейся от края неба до края. Его ноги увязают в песке, но он продолжает идти к бесконечно далёкой линии горизонта. Он не помнит, сколько времени прошло: день, месяц, год — если время вообще существует здесь. Он вообще ничего не помнит. Его мучает жажда, глаза воспалены. Наконец, силы оставили его, и он падает. Сначала на колени.

Первое правило пустыни: никогда не останавливайся, и ни в коем случае не падай. Иначе уже никогда не встанешь. Где-то в глубине своих воспоминаний Стив знает это, мысль, такая же далёкая, как линия горизонта, и такая же бесполезная.

Но ему всё равно. Между одним шагом и тысячей шагов нет никакой разницы, если знаешь, что не сможешь сделать тысячу первый.

Кто-то загораживает солнце. Стив поднимает глаза, перед ним стоит человек в плаще и шляпе, лицо его закрыто. Наверное, он стоит спиной. Контуры фигуры размазываются и снова становятся резкими.

— Кто ты? — спрашивает Стив, его язык сухой как песок.

— Я? Я это ты, разве не узнал? — голос был хриплый, но живой и уверенный. — Почему ты не слушал айга? Неужели тебе не жаль Яну? Она ведь так хотела стать человеком. Ты разочаровал меня, Стив. А ведь я так рассчитывал на тебя. Мы все на тебя рассчитывали, но ты всё испортил. И теперь сам умираешь.

— Я не знаю о чём ты, — прошептал Стив, — я ничего не помню... И что же мне делать?

— Если бы я знал, то не был бы здесь, — усмехнулся человек. — Следуй своим желаниям.

— Но я ничего не желаю, — Стив заплакал, но слёзы высохали у него на лице, — я лишь хочу пить!

Он упал на спину и... открыл глаза. Солнце превратилось в тусклую лампу под потолком, Стив лежал на жёсткой кушетке, его руки и ноги были пристёгнуты ремнями.

— Воды, — прошептал он еле слышно.

Чьи-то руки приподняли его голову и поднесли стакан с водой ко рту. Стив начал жадно глотать воду, захлёбываясь и кашляя. Когда стакан отняли от его губ, он, наконец, осмотрелся. Его кушетка стояла у самой стены, в противоположной стене была железная дверь. В комнате были двое полицейских и человек в белом халате и маске, закрывающей лицо, — врач.

— Что со мной? — спросил Стив, — где я?

Полицейские переглянулись.

— А ты разве ничего не помнишь? — первый полицейский посмотрел на него с недоверием.

— Не всё, — сознание Стива было чистым и ясным как безоблачное небо, и лишь несколько странных теней играли бесконечно далеко у самого горизонта.

— Вчера ты застрелил десять человек, — сказал его коллега. — Десять выстрелов — десять трупов. Да ты, мать твою, снайпер!

Небесный купол рухнул на Стива, рассекая его память острыми осколками. События прошлого дня замелькали перед глазами чёрно-белыми кадрами киноплёнки. Плёнка почему-то казалась пожелтевшей у краёв, словно много лет пролежала в сыром хранилище. Лишь человеческая кровь была цветной — красной. Стив зажмурил глаза и стиснул зубы от внезапной судороги.

Один из полицейских подошёл к нему:

— Итак, парень, ты обвиняешься в убийстве десяти человек и жестоком избиении своего начальника. Ты имеешь право на адвоката, на суд, имеешь право хранить молчание, иначе всё, что ты скажешь, может быть использовано против тебя в суде.

— Он жив? — спросил Стив.

— К твоему счастью, жив, — ответил полицейский, — отделал-

ся шоком, переломами рёбер и ушибами.

— Развяжите меня, — попросил Стив, обращаясь скорее к врачу, чем к полицейским. По неясной причине Стив сразу проникся к нему доверием, хотя и не видел его лица.

Полицейский шепнул врачу:

— Он не опасен?

— Нисколько, — сказал тот, — я вколол ему такую дозу успокоительного, что он и мухи не обидит. При всём желании.

— Эй, Билли, иди развяжи его, — сказал полицейский своего напарнику.

— Ну, смотри у меня, сукин сын! — Билли пригрозил Стиву кулаком, прежде чем направиться к нему. — Только попробуй что-нибудь выкинуть!

— Пожалуйста, закройте ваши глаза! — взмолился Стив и зажмурился, боясь встретиться взглядом с нависшим над ним полицейским. — Я вам всё объясню!

Полицейские недоумённо переглянулись, а врач резко ско-сил глаза:

— Сделайте как он просит, — сказал он, — иначе у него снова начнётся истерика. Мне лишние проблемы не нужны.

— Хорошо... — протянул Билли, надевая тёмные очки.

Развязанный Стив уселся на кровати в позе лотоса, прислонился спиной к стене, его голова кружилась. Он принялся растирать занемевшие руки и ноги, изредка поглядывая на полицейских.

— Надеюсь, я вам больше не нужен, — врач посмотрел на полицейских, мельком взглянул на Стива и быстро вышел из камеры.

— Рассказывай, меткий стрелок, — полицейский взял стул и сел прямо перед Стивом.

— Вы мне всё равно не поверите, — Стив опустил глаза и сжался, — вы решите, что я псих. Я бы и сам не поверил, если бы мне рассказали. Но, клянусь вам, я говорю правду.

— Ты рассказывай, а верить тебе или не верить — не твоя забота, и даже не наша, пусть этим суд занимается.

— Всё началось примерно месяц назад, — начал Стив, — меня разбудило своим взглядом странное существо...

Полицейские переглянулись. Билли хмыкнул. Вскоре на их лицах заиграли улыбки. Когда Стив начал рассказывать про реку крови и кровавые заросли у её берегов, полицейский прервал его.

— А в глаза ты почему не смотришь?

— Потому, что *они* смотрят из человеческих глаз на меня. И из ваших глаз они смотрят, а я не выношу их взглядов.

— Кто они? — спросил полицейский.

— Айги, существа из Нижнего Мира. На самом деле они не из Нижнего Мира, но...

— Лучше расскажи, зачем в людей стрелял.

Стив замолчал, задумался на минуту.

— Я в айгов стрелял, — сказал он наконец, вперив глаза в стену.

— Ясно. Ты записал, Билли?

— Да, — отозвался его напарник.

Полицейский сунул Стиву бумагу:

— Распишись здесь.

Стив послушно расписался и продолжил разглядывать стену мутным взглядом. Полицейские вышли из камеры, охранник закрыл за ними дверь.

— Похоже, он конченный псих, — сказал первый полицейский, так и не назвавший своё имя.

— Ну да, или псих, или прикидывается. А может, всё сразу, — засмеялся Билли, — представляешь заголовки в газетах: «Псих прикидывался психом и оказался им»!

Они пошли прочь, их голоса и шаги становились всё тише, пока не умолкли. Стив остался один. Несколько минут он смотрел перед собой пустым взглядом куклы, затем кое-как встал, подошёл к умывальнику и, открыв кран трясущимися руками, начал жадно пить холодную воду. Напившись, он несколько раз умыл лицо, смочил руки и ноги, после чего сходил в туалет и залез обратно на кушетку.

Его сознание пульсировало, то проясняясь, то вновь погружаясь в серый туман.

«Что они мне вкололи?»

Рано утром Стива разбудил охранник, принёсший кашу в алюминиевой миске. Она была пресной и хрустела на зубах. Ещё недавно Стив не взглянул бы на неё, но сейчас он был слишком голоден, чтобы привередничать.

После завтрака его сразу же забрали двое охранников и увели в соседнее здание, в комнату для допросов. Тело ныло и плохо слушалось его, а мысли напоминали клубок ниток. Охранникам пришлось придерживать Стива, пока он шёл.

Через десять минут дверь открылась и в комнату вошёл молодой человек в чёрном костюме, его глаза были надёжно скрыты зеркальными очками.

— Добрый день, мистер Уэлш, — сказал он, — я агент Хэйлис, теперь ваше дело будет вести ФБР. В моём лице.

Агент придвинул стул к столу и сел на него.

— Мне сказали, ты не можешь смотреть в глаза, поэтому просишь носить солнечные очки. — он указал пальцем на оправу.

— Спасибо, я правда не могу смотреть в глаза.

— Не расскажешь, почему?

— А вам разве не сказали?

— Я хочу услышать лично от вас, мистер Уэлш.

Стив украдкой взглянул на агента и отвёл глаза. Хэйлис был не старше Стива, а, возможно, и младше. У него были изящные черты лица, высокие скулы, густые чёрные волосы, светлая немного бледная кожа. Гладкая и чистая она выглядела естественной и здоровой, в отличие от болезненной бледности Стива. А мягкий голос агента был так же красив, как и его внешность. Сдержанно вежливый образ и немного надменные манеры резко отличали его от местных полицейских и охранников. Глядя на него, Стив ощутил острую зависть.

«Вот каким я должен был быть, и каким уже никогда не стану!», — подумал он, и сердце его сжалось от боли и обиды.

— Ну так что? — Хэйлис постучал пальцами по столу.

— Это очень длинная история, — сказал Стив.

— А мы никуда не спешим, — агент положил на стол маленький диктофон, нажал на кнопку записи и откинулся на спинку стула. — Итак, мистер Уэлш, я вас внимательно слушаю.

За несколько часов Стив рассказал агенту всю необычную историю, начиная с появления айга и заканчивая расстрелом людей на улице. Умолчал он лишь о человеческой крови в Яне. Когда Хэйлис заменил последнюю кассету, Стив был выжат как лимон и еле шевелил языком.

— Вы можете чем-либо подтвердить ваши слова? — спросил агент.

Стив покачал головой.

— Ясно, — Хэйлис кивнул, — значит вы рассказываете совершенно неправдоподобные вещи и хотите, чтобы мы поверили вам на слово?

— Ну...

— Ни фотографий, ни предметов — ничего. Неужели у вас не возникло желания запечатлеть их на плёнку или взять с собой на память?

— Я как-то не подумал, — Стив сам удивился, почему эта идея не пришла ему в голову. — Всё произошло так внезапно...

— Зря, мистер Уэлш, — сейчас они бы вам оченьгодились.

— У меня была грязная одежда и останки куклы, — вспомнил Стив, — но я их сразу выкинул. Хотел поскорее забыть обо всём и вернуться к нормальной жизни.

Хэйлис взглянул на часы.

— Хорошо, на сегодня мы закончили, — он выключил и убрал диктофон. — Боюсь, вам понадобится очень хороший адвокат.

— Что вы обо мне думаете? — вдруг спросил Стив, когда агент уже подошёл к двери.

— Что я думаю? — Хэйлис оглянулся на него. — Я думаю, что вы или псих, или прикидываетесь, чтобы избежать наказания. Но в любом случае с головой у вас явно не в порядке.

Едва он вышел из комнаты, как в неё сразу же вошла молодая женщина. На вид ей было около двадцати четырёх.

— Меня зовут Кэролайн, я ваш адвокат, — сказала она запыхавшимся голосом и вывалила на стол папку с бумагами. Резкие движения и нервный голос выдавали её волнение.

— Ой, простите, я забыла надеть очки! — она полезла в сумочку. — Где же они? А, нашла!

Стив взглянул на неё с жалостью. Наконец, Кэролайн закончила приготовления и села напротив.

— Стивен, должна вам сказать, что прогноз по вашему делу очень неутешительный, но я попробую сделать всё возможное...

— Я знаю, я сам юрист, в некотором смысле, — перебил её Стив, — и прошу вас, не называйте меня Стивеном.

— Ой, прошу прощения, а как мне к вам обращаться?

— Стив, ну или мистер Уэлш.

Подумав немного, он добавил:

— Вы смогли бы прийти завтра? У меня был допрос, и голова ужасно разболелась.

— Конечно, эээ... Стив, — сказала она, — я как раз лучше ознакомлюсь с вашим делом.

Собрав вещи, Кэролайн вышла из комнаты, после чего охранники увели Стива в камеру.

Оказалось, адвокатом ему назначили молодую выпускницу после практики, а Стив был её первым клиентом. Однако, несмотря на неопытность, она со всем усердием взялась за его дело. Кэролайн планировала строить защиту на невеняемости своего клиента и уговаривала Стива помочь ей. Но он не соглашался. «Я же нормален! — твердил он. — И хочу, чтобы мне верили!» В конце концов он сказал ей: «Делайте как считаете нужным, только оставьте меня в покое».

Несколько раз его вызывал Хэйлис, он выяснял подробности и задавал разные вопросы, часто одни и те же, но в разных формах, пытаясь запутать Стива и поймать его на лжи.

В свободное время, коего у него теперь было в избытке, Стив лежал в своей камере и рисовал. В один из таких дней, когда он пытался, правда, не очень успешно изобразить одного из монстров, встреченных им в Нижнем Мире, внезапно лязгнул

замок, и железная дверь в камеру открылась.

— Заключённый Уэлш, к вам посетитель, — сказал охранник.
«Кто бы это мог быть?» — подумал Стив.

Он нехотя слез с кровати, натянул серую куртку и последовал за охранником. Второй охранник шёл сзади него, позвякивая ключами.

Длинные узкие коридоры без окон, по которым его вели, напомнили Стиву бесконечные подземные лабиринты Нижнего Мира, созданные неизвестно кем и неизвестно когда.

Комната для переговоров распахнула перед ним свои двери. Серые облупившиеся стены нагоняли тоску и уныние, совершенно не располагая к общению.

— У тебя пять минут, — сказал охранник и вышел.

Стив подошёл к стеклу и встретился глазами с Кэтти, они одновременно сняли телефонные трубки, холодный металл обжог его лицо.

— Стиви! — услышал он знакомый голос, искажённый треском и хрипами электронных нервов. — Как ты? Все только о тебе и говорят! Здорово ты отделал нашего шефа, знаешь, мне его совсем не жалко, ну... разве что самую капельку. Он слишком нагло приставал ко мне последнее время. В газетах пишут, что ты убил десять человек, неужели это правда? Я не могу поверить...

— Спасибо, что пришла, — тихо сказал Стив, — я не ожидал, правда. — Он взглянул на неё в последний раз, повесил трубку, резко встал и, не оглядываясь, направился к выходу

— Ну как, поговорили? — спросил один из охранников.

Стив кивнул.

— Какая красotka! Я бы на твоём месте использовал всё время.

Придя в камеру, Стив лёг на кровать и как обычно уставился в потолок. Несмотря на отсутствие физических нагрузок, чувствовал он себя ужасно уставшим.

11

Кэролайн настаивала на невменяемости своего клиента и скорейшей психологической экспертизе, впрочем, Хэйлис и так планировал её провести в ближайшее время.

Через несколько дней, в одиннадцать часов утра за Стивом пришли. Но повели его не в комнату для допросов, а в противоположное крыло. Они остановились возле двери с номером 127, постучали и, открыв дверь, завели в неё Стива. В кабинете за полированным деревянным столом сидел невысокий коренастый человек лет пятидесяти в белом халате. У него было круглое лицо и короткие зализанные волосы цвета соломы. Он разбирал лежащие на столе медицинские бумаги.

— Наручники? — спросил один из охранников.

Человек на мгновение прекратил изучение журнала.

— Оставьте, пожалуй, — сказал он и снова нырнул в журнал.

Охранники вышли, оставив Стива наедине с врачом.

— Садитесь, — сказал он, не отрывая взгляда от бумаг. — Меня зовут доктор Циммерман, судебный психиатр. У нас с вами будет долгий разговор.

Стив подвинул стул и сел напротив врача.

— Ну, рассказывайте с самого начала, — он посмотрел на Стива, и тот встретился со своим отражением в зеркальных очках.

— Понимаете, — замялся Стив, — я уже третий раз рассказываю свою историю разным людям. Может вы просто зададите мне вопросы?

Врач улыбнулся:

— Обязательно задам, но сначала я хочу услышать вашу историю лично от вас. Таковы правила, мистер Уэлш. Так я смогу лучше разобраться в вашей проблеме и вынести правильное решение.

Стив вздохнул и начал рассказывать. Доктор Циммерман внимательно слушал его, время от времени делая пометки в журнале.

В отличие от полицейских, не скрывавших своих насмешек, доктор Циммерман вёл себя совершенно иначе. Он спокойно слушал Стива, изредка задавая ему вопросы. Конечно, Стив не надеялся, что психиатр поверил его рассказу, но ему казалось, что он по крайней мере серьёзно относится к его словам.

Когда Стив дошёл до встречи со своим начальником, психиатр оживился:

— Значит, он напомнил вам вашего отца?

— Немного.

— И поэтому вы его избили?

Стив нервно вздохнул и сжал пальцы.

— Нет, не поэтому! А потому, что он кусок дерьма, который позволял себе слишком много. — Он выдохнул и продолжил уже спокойно: — В его глазах я увидел айга. Не выношу, когда встречаюсь с ними взглядом. Я хотел, чтобы ему тоже было больно, конечно, глупая мысль, айг всё равно бы ничего не почувствовал, но я тогда об этом не думал.

— А что было дальше?

— Я испугался и побежал вниз, мне хотелось как можно скорее уйти... как можно дальше... — Стив говорил всё медленнее, — но оказавшись на улице, я посмотрел людям в глаза... Я знал, что не нужно было так делать...

Он замолчал, задумался на мгновение и резко сказал:

— Я не хотел их убивать, я стрелял в айгов!

Врач взглянул на часы.

— Спасибо, мистер Уэлш, пожалуй, на сегодня мы закончили. — Он снял трубку с телефона, набрал внутренний номер:

— Это Циммерман, можете его забрать, — сказал он. — Нет, ещё не ознакомился. Да, хорошо, я сейчас приду.

Когда Стива увели, психиатр собрал бумаги и вышел вслед за охранниками. Выругался, вернулся обратно и взял из ящика стола коробку с аудиокассетами.

— Чёрт бы вас побрал со своими маньяками, — сквозь зубы проговорил он, направляясь к агенту.

— Ну, что скажете, док? — спросил Хэйлис. — И снимите эти чёртовы очки, они вам совсем не идут, — он отхлебнул кофе. — Парень скоро заставит нас танцевать в индейской одежде.

Психиатр рассмеялся и снял очки:

— Интересный случай, — сказал он, и его лицо внезапно стало серьёзным. — Его поведение в точности соответствует такому, которое следовало бы ожидать от человека, попавшего в необычайно странную ситуацию. Я не нашёл у него никаких признаков шизофрении или других аналогичных психических расстройств. Если бы он рассказывал менее фантастические вещи, я бы сказал, что он говорит правду.

— Уж не хотите ли вы сказать, что он в самом деле был в своём параллельном мире? — усмехнулся агент.

— Поймите меня правильно, Хэйлис, я ни в коем случае не хочу сказать, что он говорит правду, я лишь обращаю ваше внимание, что он *ведёт себя* так, словно говорит правду.

— Ведёт себя? Интересно... Вы записали вашу беседу?

— Да, конечно, я всегда их записываю. Если хотите, я могу сделать вам копию.

— Было бы неплохо.

— Только она вряд ли вам пригодится.

— Почему?

— Я ещё не слушал записи вашего первого допроса, но держал перед глазами его расшифровку. Он повторил их слово в слово, ни разу не запутавшись в показаниях.

— Час от часу не легче, — агент размял пальцы. — Ну, и что вы намерены предпринять дальше? Что-нибудь уже можно сказать?

— У меня есть кое-какие мысли, но я не хочу озвучивать их, пока не проверю. Мне нужно встретиться с ним ещё пару раз.

— Хорошо, — сказал агент, — я обо всём договарюсь.

На следующий день Стива вновь привели в знакомый кабинет.

— Снимите с него наручники, — сказал психиатр охране. — Вы же будете себя хорошо вести, мистер Уэлш?

Стив кивнул.

— Спасибо, — сказал он, когда с него сняли наручники.

— Итак, вчера вы рассказали увлекательную историю из недавнего прошлого, а теперь давайте вернёмся на много лет назад, в ваше детство. Расскажите мне о вашей семье.

— Я мало что помню, — сказал Стив, вопрос застал его врасплох. — И вообще, почему вы спрашиваете об этом? Какая разница, что было много лет назад?

— Видите ли, мистер Уэлш, — врач поправил очки, — здесь я задаю вопросы, а вы на них отвечаете. Если хотите, конечно. Я вас не заставляю.

Стив взглянул на врача, облизнул сухие губы и кивнул.

— Очень давно, мне казалось, у нас обычная семья, — начал он, — но когда мне исполнилось тринадцать, что-то произошло.

— Что именно произошло?

— Отец начал много зарабатывать, у него был свой бизнес — строительная фирма.

— Он стал иначе к вам относиться?

— Да. Наверное, он и раньше был обо мне не лучшего мнения, но, видимо, именно тогда он решил, что я уже достаточно взрослый, чтобы знать правду. Он ужасно ко мне относился.

— Он бил вас?

— Нет, как ни странно. Но он унижал меня психологически.

— Например.

Стив тяжело вздохнул:

— Мне стыдно об этом вспоминать.

— Стыдно? — врач приподнял брови из под зеркальных линз. — Но ведь это не вы унижали, а вас, это с вами несправедливо обошлись, почему же вам стыдно?

— Мне стыдно, потому что я терпел все его унижения, боялся его... А что я мог сделать? Ведь я был всего лишь подростком. — он растеряно посмотрел на врача, собрался с мыслями и продолжил:

— Как он унижал меня? По-разному. Я хотел носить длинные волосы, как музыканты из моих любимых рок-групп, а он взял и побрил меня на лысо, так что я стал похож на больного после химиотерапии. Целый месяц я носил кепку. Он всё время говорил, какое я ничтожество, и ничего не добьюсь в жизни без него. Если у него было плохое настроение, он часто давал мне лёгкие подзатыльники. Они были не большими, но ужасно обидными.

Когда он напивался, то мог подойти и ударить ногой под зад, а на вопрос: «За что?» спокойно отвечал: «Просто так».

Стив рассказывал взахлёб, его глаза блестели, казалось, он получал мазохистское удовольствие, рассказывая о подробностях своей жизни. Сам того не ведая он оказался на минном поле, где каждый взрыв вызывал новую цепную реакцию. Нарастающая лавина воспоминаний грозила поглотить его целиком.

— Как-то я чистил свою расчёску и выкинул волосы в туалет, но забыл смыть. Так он позвал меня и едва не окунул головой в унитаз. А ведь мне шёл двадцать первый год! Ещё он послал меня ночью в магазин за водкой...

— Мистер Уэлш, — прервал его психиатр, но Стив продолжал говорить, не обращая внимание на врача.

— Ещё...

— Мистер Уэлш! Вы меня слышите? — Циммерман хлопнул ладонями.

Стив замолчал, ошарашено уставившись на врача.

— А ваша мать знала, вы говорили ей? — продолжил психиатр.

— Мало, мне было стыдно, и я опасался мести отца, но в целом она представляла, что происходило. Она не относилась серьёзно к моим словам, не считала подобные вещи проблемой. По её мнению, если он не бил меня, значит всё было нормально. «Не обращай внимание», — говорила она.

— Он объяснял своё поведение?

— Один раз. Он сказал, что хотел вырастить из меня «мужчину», а не «бабу». Мразь! Мне нужно было взять у знакомого биты и отделать его как...

— Как вашего начальника, Уэбса? — подсказал врач.

Стив замер на секунду с раскрытым ртом, словно ища в его словах скрытый смысл.

— Да, — кивнул он, — как Уэбса. Но я был слишком труслив и слаб.

— Хорошо, — Циммерман сделал запись в журнале. — Что было дальше?

— После колледжа он взял меня в свою фирму и платил сущие центы. Сам он зарабатывал очень много, но мне не давал ничего. Не знаю, куда он тратил такие огромные деньги. Он пил всё больше, и вскоре в его фирме начались проблемы. Клиенты не хотели с ним работать, компаньоны обманули его. Через несколько лет компанию признали банкротом. Всё имущество было арестовано.

Самое обидное, что родители очень боялись, как бы я не потратил лишнего, а в итоге все их деньги исчезли в никуда.

Знаете, в двадцать три года у меня возникла мысль, что было бы неплохо, если бы мои родители погибли. Тогда я бы распродал всё имущество, оплатил бы учёбу, смог бы начать нормальную жизнь. Столько всего хорошего мог бы сделать. Наверное, ужасная мысль, но мне совсем не стыдно за неё.

Я бы меньше переживал из-за унижений, если бы они оплачивались деньгами, если бы он оказывал мне финансовую помощь. А получается, что я унижался просто так. Более того, когда он оказался без денег, он требовал, что бы я работал на него бесплатно! У него была одна фраза: «Мне надо!» Этот мудака мог поднять меня в три часа ночи и пьяным голосом требовать срочно напечатать письмо кредиторам, про которое он внезапно вспомнил. Сам он не умел пользоваться пишущей машинкой. В конце концов я собрал вещи и уехал Бостон, не сказав ему ни слова.

После банкротства его подлая сущность проявилась во всей красе. Оказалось, он подделал подпись моей матери, записав на её имя около миллиона долларов своих долгов. Когда она узнала, у неё случился шок, от которого она так и не оправилась.

Через пару лет у неё обнаружили рак лёгкого. Она очень хотела поговорить со мной перед смертью, звонила несколько раз, но я бросил трубку, услышав её голос.

— Вы жалеете об этом?

Стив глубоко вздохнул.

— Не знаю. Мне её жаль, но она сама выбрала свою судьбу. Я много раз просил её развестись с отцом и разделить имущество, но она меня не слушала. Говорила, чтобы я не лез не в своё дело.

— А что стало с вашим отцом?

— Понятия не имею. Надеюсь, эта скотина окончательно спилась и сдохла в приюте для бездомных.

— Я смотрю, вы очень обижены на своих родителей, — сказал врач, делая пометку в журнале.

— Ещё бы! — Стив нервно усмехнулся. — Они могли оплатить мне учёбу в любом университете, в любом городе страны. Могли купить мне что угодно. Но они ничем мне не помогли. Я был очень *удобным* ребёнком: не пил, не курил, не воровал, не имел проблем с полицией, не приводил к себе девчонок, никогда не убегал из дома... Я знал одного парня, мы вместе учились, его родители жили скромнее, чем мои, но они купили своему сыну машину на восемнадцатилетие, много лет оплачивали ему вокальные курсы, хотя он так и не научился петь.

— А как вы объясняли себе их поведение? — спросил Циммерман. — Ведь не могли не задумываться.

Стив кивнул.

— Я много думал об этом. Сначала, мне казалось, что они переживали за меня, затем — что им просто было жалко денег. Но в конце концов я решил, что это было не беспокойство и не жадность, а зависть. Моим родителям в молодости пришлось несладко. Мне кажется, они завидовали мне и не могли допустить, чтобы юность их ребёнка была лучше, чем их собственная.

— Bravo, мистер Уэлш, — сказал врач, — продолжайте. — Он сделал запись в журнале.

Стива не пришлось упрашивать. Перед ним лежал разделанный труп его прошлого, а в руке был острый скальпель.

— Они всё время обвиняли меня в том, что я слишком много трачу, слишком много требую, хотя я вообще ничего не просил! Я всего лишь хотел, чтобы мне позволили быть собой. Я мечтал учиться в хорошем университете и жить в большом городе, но отец сказал: «Мне нечем платить за твою учёбу», — а через месяц купил себе новую машину, заказал из Европы «БМВ» ручной сборки. С тех пор я ненавижу немецкие машины. А у меня даже самого обычного велосипеда не было, представляете!

— Неужели у вас в жизни было только плохое? — врач поправил очки и убрал ручку.

Стив замолчал.

— Наверное, было и хорошее, — сказал он после недолгих размышлений, — но я его не помню. Моим родителям было плевать на меня, на мою жизнь, на моё будущее, словно, я вообще не их сын. Вся их любовь и забота была только на словах. Они меня *продали*.

Стив повторил эту фразу несколько раз.

— Вы говорите так, словно вам все должны, — не выдержал психиатр, — но мир устроен иначе, независимо от ваших желаний. В реальном мире вам никто ничего не должен. — Его пальцы плавными круговыми движениями гладили тревожную кнопку под столом. — Я не оправдываю ваших родителей, но у многих жизнь была ещё хуже. Прошло по меньшей мере пять лет, как вы живёте один. Вы могли бы много раз осуществить свои желания.

Стив со злостью взглянул на психиатра, словно собирался прожечь в нём дыру.

— Разве вы не понимаете? Я уже был сломан и больше ни чем не мог заниматься! Слишком поздно. И да, по крайней мере мои родители мне должны! Потому что рождение в вашем ублюдочном мире — не чудо, а *проклятие*! — крикнул он. — И я их об этом не просил! У них был выбор, а у меня его не было! Они высмеивали мои мечты. Они сломали мне жизнь!

— И о чём же вы мечтали? — поинтересовался врач. — Скажите, я не буду над вами смеяться.

— Я? — искренне спросил Стив, словно рядом был ещё кто-

то.

— Вы. Именно вы.

Стив вздрогнул, упёрся локтями в холодную поверхность стола, уронил между ними голову, обхватил её руками, резко поднял её и посмотрел прямо перед собой, широко раскрыв испуганные глаза.

— Я... не помню... — по его щекам текли слёзы.

Внезапно Стив начал бить себя кулаками по голове.

— Я так больше не могу! — закричал он. — Смотрите, что они со мной сделали! Мне больно, очень больно!

— Прекратите! — крикнул психиатр и резко утопил пальцами тревожную кнопку. В кабинет ворвались охранники, дежурившие за дверью.

— Держите его, — сказал Циммерман, — у него истерика.

Несколько крепких чернокожих мужчин скрутили Стива, один обхватил его за шею и грудь, так что у него потемнело в глазах и перехватило дыхание, а другой заломил ему руки.

— Эй, вы меня слышите? — врач щёлкнув пальцами у Стива перед лицом. Стив кивнул и промычал нечто нечленораздельное.

— Хорошо, дайте руку, я сделаю укол, и вам станет легче.

Санитар освободил левую руку Стива, и тот сразу же протянул её вперёд. Врач взял шприц, набрал прозрачной жидкости из ампулы, сделал ему укол.

Стив ощутил, как боль, сковавшая его разум колючей проволокой, рассыпалась белыми лепестками. Медленно кружась, они падали вниз, в бесконечную пропасть. По телу разлилось приятное спокойствие, на лице проступила равнодушная улыбка, взгляд затуманился, чувства притупились, тело обмякло.

— Спасибо... — заплетающимся языком прошептал он.

Санитары взяли Стива под руки и отвели в камеру, где он, лёжа на кровати, смотрел в потолок и зевал. Прошрое, настоящее и будущее переплелись в наркотическом экстазе. Его сознание рассыпалось на части, словно разбитый витраж в заброшенном храме.

«Музыка! — вдруг вспомнил он. — Я увлекался музыкой.»

Стив обрадовался, словно ребёнок, нашедший пыльный, потускневший со временем, но всё ещё целый фрагмент мозаики, который он считал давно утерянным, — и вставил его на место. Он осторожно прошёлся пальцами по невидимым клавишам и услышал музыку.

Стив хотел сыграть что-нибудь знакомое, но «До» первой октавы всё время западало. Он нажал сильнее, и клавиша провалилась вниз. Внезапно другие клавиши с лёгким дребезжанием начали проваливаться в корпус пианино сами по себе, словно неведомая сила тянула их вниз. Стив резко отпрянул, а пианино начало рассыпаться в пыль. Он оглянулся и увидел, что стены комнаты увешаны часами. Все они показывали разное время, но их секундные стрелки двигались синхронно. Вдруг часы стали плавиться и стекать вниз, слово ожившие картины Сальвадора Дали. Пол провалился и исчез. Капли часов вытягивались в длинные гибкие струны, они закручивались огромной спиралью в чёрной глубине Космоса. Стив падал вниз вслед за ними, всё быстрее и быстрее, пока бездна не поглотила его.

Проснулся он с туманом в голове и ноющей болью в теле. Воспоминания вчерашнего дня напоминали рваное лоскутное одеяло. Он кое-как сполз с кровати, доковылял до раковины, подставил лицо под холодную воду. Лишь тогда его сознание прояснилось.

После завтрака его вновь повели к психиатру. Оказавшись в знакомом кабинете, Стив не стал ждать приглашения, а сразу сел напротив врача. На этот раз с него не стали снимать наручники.

— Продолжим, — сказал врач, когда охранники ушли. — Как вы себя чувствуете?

— Лучше, правда, голова немного мутная, наверное, из-за уколов.

— Хорошо, расскажите мне наиболее запомнившийся случай из вашей жизни за последнее время. До событий в нижнем мире. Что вам врезалось в память? О чём вы вспоминаете чаще всего?

Стив закрыл глаза и задумался.

— Это было несколько лет назад. Вечером после работы я поехал в магазин музыкальных инструментов. Я был очень голоден, а магазин находился в другом районе, так что когда я приехал, у меня сильно разболелась голова. Конечно, у меня не было свободных денег, мне нужно было оплатить съёмное жильё и ещё кучу всяких счетов. И всё же я приехал. В магазине мне показали инструмент — последняя модель, не самая лучшая, но меня вполне устраивала. И в этот момент в магазин зашёл мужчина со своим сыном, которому было лет семнадцать. Они, наверное, целый час выбирали электрогитару, а я стоял в стороне и смотрел на них. Наконец, они выбрали и ушли.

Я ехал через весь город к себе домой, и, знаете, о чем я думал? Мой отец никогда не ходил со мной в магазины. Черт, я и представить себе не мог, что можно вот так придти в магазин с отцом в семнадцать лет и купить электрогитару!

— Видите, — удовлетворённо сказал психиатр, — вы сами пришли к ответу! Конфликт с родителями, их безразличие к вашим проблемам, а после несоответствие реальной жизни вашим ожиданиям — всё это и стало главной причиной ваших галлюцинаций. Спасаясь от переживаний вы ушли в выдуманный мир. Теперь вы понимаете, что ничего этого не было?

Стив посмотрел на его умиротворённое немного полное лицо, от врача пахло кофе и лосьоном после бритья. Широкие зеркальные очки совсем не шли ему. Скорее всего за ними был айг, который прекрасно видел Стива. Но Стив не видел его, а если он его не видел, то можно было сделать вид, что его там и не было.

Мысли, высказанные психиатром, были очень здравыми и заманчивыми. Что, если он прав и ничего этого не было? Стиву казалось, что ещё немного, и он согласится с ним.

Внезапно он осознал, что если признает все свои рассказы выдумкой и игрой воображения, то потеряет последнюю связь с реальностью. И тогда, он впрямь сойдёт с ума.

«Нет, всё это было реально», — повторил он про себя несколько раз, словно мантру.

— Мне бы очень хотелось, — медленно начал Стив, — чтобы всё, что со мной случилось, оказалось галлюцинацией, сном, ночным кошмаром, чем угодно, лишь бы не правдой...

— Это и не было правдой, неужели вам ещё не ясно?

— Но я же видел, своими глазами! — закричал Стив.

— Иногда наши глаза, вернее наш мозг, обманывает нас, и нам кажется, что мы видим невозможное.

— Почему вы считаете, вправе решать, что возможно, а что нет? — перебил его Стив. — Откуда вы знаете, что происходит, когда вы закрываете глаза?

— Ну, это очень легко проверить. Если я позову ещё несколько человек, и мы будем моргать попеременно, то сможем увидеть, что происходит, когда другой человек закрывает глаза. В конце концов можно установить кинокамеру. Это называется научным методом. Так что, если вы хотите убедить меня в своей правоте — покажите мне что-нибудь из ваших рассказов или по крайней мере приведите пару человек, подтверждающих ваши слова.

Стив молчал, уставившись в одну точку.

— Ну хорошо, — сказал врач, — давайте я вам объясню. Вы всю жизнь боялись смерти, и раз — приходит некое существо из параллельного мира и предлагает вам вечную жизнь. Вы нигде не были, и раз — оно предлагает вам путешествие в неизведанный мир. У вас не было любимой женщины, и раз — оно создаёт вам девушку из ваших желаний, причём она любит вас искренне и сама строит ваши отношения. Не слишком ли много совпадений, мистер Уэлш? Вы объясняли их особыми способностями вашего «айга», но на самом деле айг — это ваше сознание.

— Я не смогу вам ничего показать, всё было в Нижнем Мире, а дверь в него закрыта, — наконец сказал Стив.

— Ну так откройте её!

— Я не могу, — Стив опустил глаза.

— Почему?

— Я не знаю... — у него на глазах навернулись слёзы.

— А я знаю, мистер Уэлш! — сказал психиатр, — потому что

ничего этого не было! Попробуйте провести параллели между вашими фантазиями и прошлым.

— Вы ничего не понимаете! — Стив закрыл лицо руками и заплакал.

Через час Циммерман был в кабинете у Хэйлиса. Он передал агенту папку с бумагами и аудиокассеты.

— Здесь всё, — сказал он, — записи беседы, заметки к прошлым расшифровкам и моё заключение. Я уверен, что главная причина его поведения в юношеском конфликте с родителями, который он проецирует на окружающий мир.

Некое существо из параллельного мира предлагает ему помощь в решении заведомо нерешаемых проблем, но в последний момент всё идёт наперекосяк, нелепая случайность внезапно рушит его мечты.

Для меня вопрос лишь в том, верил ли он в свой мир или все-го лишь использовал его для оправдания своего поведения.

— Хм, — агент запрокинул голову и уставился в потолок, словно ища на нем одному ему известные надписи. — Прогоним его на полиграфе? — его пытливые глаза снова уставились на врача, который лишь пожал плечами:

— Почему бы и нет.

— Почему бы и нет... — Хэйлис шёпотом повторил его слова. — Почему бы и нет...

Сначала Стив очень нервничал, но когда его усадили за стол и начали подключать электроды, его пульс резко выровнялся, страх исчез, а в сознании наступило полное успокоение.

На противоположной стене висело фальшивое зеркало, за которым стоял Хэйлис. Стив не видел его, но знал, что он там.

Двое в белых халатах — мужчина и женщина — Стив видел их впервые.

— Сейчас мы зададим вам ряд вопросов, отвечайте на них только «да» или «нет». Вам всё ясно?

Стив повернул голову и посмотрел сквозь зеркало прямо в глаза агенту.

— Да, — ответил он.

Хэйлис напрягся.

Стоявший рядом Циммерман лениво зевнул:

— Ставлю доллар, что он провалится рано или поздно.

— Посмотрим...

Женщина проверила провода и взяла список вопросов.

— Хорошо, — сказала она, — в таком случае мы начинаем. — Ваше имя Стивен Уэлш? — Да. — Вам двадцать девять лет? — Да. — Принимали ли вы наркотики в течение этого месяца? — Нет. — Злоупотребляли алкоголем или наркотиками раньше? — Нет. — Наблюдались у психиатра? — Нет...

Стрёкот самописцев, чернильные росчерки на шелестящих бумажных лентах, мерное жужжание бумагопротяжных механизмов и бесконечные монотонные вопросы, и «да» или «нет». Он чувствовал, как погружается в тёплое древнее болото, какое он видел на рисунках в книге по палеонтологии. Вода уже практически сомкнулась над его головой, и Стив уже приготовился разделить судьбу прочих существ, превратившихся через миллионы лет в ископаемый уголь.

— ...вы провели в так называемом Нижнем Море шесть дней?

— Да...

Айги были здесь, рядом с ним, они смотрели на него через зеркальные очки врачей, их помощников и охранников. И конечно, они внимательно следили за ним из глаз агента Хэйлиса. Они прятались за зеркальными очками, ведь Стив сам требовал, чтобы все в его присутствии носили их, иначе у него начиналась истерика.

«А что если айги изначально всё спланировали? Айги смотрят, как человек спрашивает человека об айгах. Всё вокруг — не более чем эксперимент по изучению человечества. Если они управляют нами? Что за бред!»

Стив едва не рассмеялся.

— ...вы видели существо, назвавшееся айгом? — Да. — Вы в этом уверены? — Да. — У вас были раньше галлюцинации? Пауза. — Да — И по вашему мнению он не мог быть галлюцинацией? — Нет...

12

— Надеюсь, вы приготовили мой доллар? — усмехнулся агент.

— Я правда ничего не понимаю, — сказал Циммерман растерянно, — или у парня железные нервы, но я в этом сильно сомневаюсь: не похож он на человека, способного обмануть детектор лжи, или...

— Или? — Хэйлис напрягся и посмотрел ему в глаза.

— Или он так глубоко погрузился в свой выдуманный мир, что сам поверил в него. Так что с его точки зрения он говорил чистую правду.

Агент расслабился и отхлебнул кофе.

— А такое возможно?

— Вполне, Хэйлис, это называется шизофренией, — улыбнулся психиатр, — Правда, его поведение не типично для подобных психических расстройств, и у меня нет никаких оснований ставить ему этот диагноз, — он развёл руками. — Я уже говорил, по всем признакам он вменяем, любая экспертиза это подтвердит, и ни один суд не примет его поведение в качестве смягчающих факторов.

— То есть, вы хотите сказать, что он нормален? — с недоверием спросил агент.

Циммерман снял пальто с вешалки.

— Я не сказал, что он нормален — нормальный человек не станет стрелять в прохожих на улице. Я говорю, что он *вменяем* и полностью осознаёт свои действия. Почувствуйте разницу, Хэйлис.

— И всё же кое-чего я не понимаю: если он смог обмануть детектор лжи, почему он не обманул вас? Он же мог заставить вас считать его невменяемым.

Врач пристально взглянул на агента.

— Надеюсь, вы ему не сочувствуете?

— Я никому не сочувствую, — сказал Хэйлис, — просто не люблю ощущать себя дураком.

— Честно говоря, я тоже, — хмыкнул врач. — Не знаю, — он почесал шею, — причин может быть много. Например, он мог сам желать наказания. Вы ведь не отрицаете такой возможности? Впрочем, всё это не имеет никакого значения. Для нас главное, что в людей он стрелял вполне осознано.

Психиатр надел пальто и начал застёгивать пуговицы.

— Наверное, не очень профессионально с моей стороны говорить такое, — продолжил он, — но, раз уж мы с вами давно знакомы, признаюсь: не нравится мне современная мода оправдывать преступников на основании их психических расстройств. Действительно невменяемых, не осознающих последствия своих действий, среди них мало. Намного меньше числа оправдательных приговоров. Прошу прощения, Хэйлис, но я пойду — у моей внучки день рождения, я обещал быть к ужину.

— Конечно, док, спасибо за работу.

Когда Циммерман уже вышел за дверь, Хэйлис вдруг окликнул его. Психиатр обеспокоенно оглянулся.

— Передайте внучке мои поздравления, — сказал агент.

— Ах, спасибо! — улыбнулся врач, — непременно передам!

Психиатр ушёл, и Хэйлис остался в одиночестве. Он раскрыл лежавшее перед ним дело Стива и начал читать его с самого начала. В конце концов не так уж и важно, был ли Стив вменяем, осознавал ли он последствия своих поступков, или же только притворялся — пусть этим занимаются его адвокаты. Хэйлиса интересовало совсем другое: та феноменальная уверенность, с которой его подопечный рассказывал о мельчайших подробностях своего выдуманного путешествия. Она совершенно не вписывалась в ясную структуру дела, нарушая его безупречную логику.

— Кто же ты такой, мистер Уэлш? Кто же ты такой? — Хэйлис перевернул последнюю страницу и откинулся на спинку кресла.

Кофе в чашке совсем остыл, но агент всё равно его выпил. Вдруг его взгляд упал на синюю папку, её принесли утром

из полицейского управления, но он вспомнил про неё лишь сейчас. Взяв папку в руки он раскрыл её и пролистал содержимое.

«А это ещё что?!»

Внимание Хэйлиса привлекла фотография предмета, изъятого полицией при обыске в квартире у Стива сразу после его ареста.

«Почему его не передали нам? Чёртова полиция, в ней работают одни идиоты.»

Хэйлис встал и хотел было позвонить в управление, но вспомнил, что уже ночь. Закрыв кабинет, он вышел на парковку, сел в машину и поехал прочь, ещё не решив куда именно: домой или в ночной бар.

Утром к Стиву пришёл человек из ФБР и сказал, что следствие завершено, все материалы переданы в суд, который состоится через месяц.

«Хэйлис просил связаться с ним, если вспомнишь ещё что-нибудь», — добавил он.

Стив промолчал, а когда человек ушёл, лёг на кровать и закрыл глаза. Он чувствовал облегчение, что его наконец оставили в покое, пусть всего лишь на месяц. Пожалуй, впервые за последние восемь лет Стиву никуда не нужно было спешить, не нужно было думать на что жить следующий месяц, никто его ни к чему не принуждал. В маленькой одиночной камере он был целиком предоставлен самому себе и своим мыслям. Ему больше не нужно было выбирать и принимать решения — всё было выбрано и решено за него. Лишь солдаты, заключённые и дети могут позволить себе такую роскошь.

После того случая с психиатром у Стива забрали карандаш, сняли зеркало и выдали новую одежду без пуговиц. Поскольку рисовать было не на чем, он просто лежал целыми днями, уставившись в потолок, и мечтал. Больше всего Стив любил вечер, когда, лёжа в постели, он закрывал глаза и представлял себя то успешным бизнесменом, то военным лётчиком, выполняющим опасные миссии, то археологом, изучающим руины древних цивилизаций в девственных лесах Азии, Африки и Южной Аме-

рики. В другие вечера он был рок-музыкантом в яркой блестящей одежде на залитой огнями сцене, а рядом — красивая девушка с рыжими волосами, играющая на бас-гитаре. И конечно, их группа собирала целые стадионы, а альбомы расходились миллионными тиражами. Разве могло быть иначе?

Утро же Стив ненавидел. Он ненавидел просыпаться в своей маленькой одиночной камере, ощущая, как новый день запускает холодные щупальца в его разум, разрушая нежные хрупкие конструкции вечерних фантазий.

Временами ему хотелось умереть, но так, чтобы остаться в живых. Умереть для всех, кроме себя самого. Он бы прогулялся по знакомым улицам, на которых бы его никто не заметил, пришёл бы на свои собственные похороны. Интересно, кто ещё придёт на них? Несколько человек с работы, возможно, сестра, если узнает, конечно. Друзей у него никогда не было. Он бы заглянул им в глаза, всмотрелся в их лица. Что он увидит в них, кроме равнодушия и желания как можно скорее закончить церемонию?

Иногда ему снился отец, он стоял и кричал на забившегося в угол маленького Стива:

«Я выбью из тебя всё эту чушь, маленький ублюдок! Какая музыка, какие клубы? Хочешь сдохнуть на улице от голода? Ну так я это и так устрою, без всякой музыки!»

Реже ему снилась мать.

«Стивен, не обижайся на отца, — говорила она, — он любит тебя и желает добра. Мы все желаем тебе добра.»

Лишь сейчас, когда его перестали всё время таскать на допросы и экспертизы, Стив понял, как же плохо он себя чувствует. Это не было обычной усталостью, нет, его мозгом и телом овладела болезненная апатия. Он сильно похудел и осунулся, щёки впали, а кожа приобрела болезненную бледность. С каждым днём он становился всё слабее, предпочитая всё время лежать, закрыв глаза.

Вскоре ему стало хуже, и Стива перевели в больницу. Его организм больше не принимал никакую пищу. Но и когда он ничего не ел, его всё равно рвало прозрачной горькой слизью.

— Я не знаю что с тобой, — сказал врач в ответ на его немой вопрос. — По неясной причине твой организм вступил на путь саморазрушения. Впрочем... я назначу внутривенные инъекции глюкозы, а если тебе не станет лучше, мы сделаем переливание крови.

Поразмыслив, он добавил:

— Знаешь, мне кажется, что Господь решил наказать тебя, по крайней мере для меня это бы многое объяснило. К сожалению, такой диагноз не запишешь в медицинские бумаги.

Усмехнувшись, он ушёл, оставив Стива наедине со своими мыслями.

Через неделю у Стива были исколотые руки, но ему не стало лучше, и врач назначил переливание крови.

— Вполне возможно, — сказал он, вынимая иглу у Стива из вены, — что кровь эту сдал кто-то из родных твоих жертв. Тебе не кажется, в этом была бы весьма злая ирония?

Ещё он часто шутил, что Стив рискует не дожить до своей казни, на что тот напоминал, что его, вообще говоря, ещё ни к чему не приговорили.

Между ними установилась та странная связь, какая обычно бывает между людьми, против своей воли вынужденными проводить вместе много времени. Стив спокойно воспринимал его юмор, зная, что врачу было совершенно всё равно кто перед ним: святой или маньяк. Он просто делал свою работу, не испытывая никакой личной неприязни к своим пациентам, и ему было плевать, что станет с ними, после выписки обратно в камеры.

После переливания Стив почувствовал облегчение, словно в него ненадолго вдохнули жизнь.

— Пришёл твой друг из ФБР, хочет тебя видеть, — голос врача вырвал его из размышлений. — Я сказал ему, что ты не в лучшем виде, но он был очень настойчив, похоже, что-то срочное. Он будет ждать тебя в комнате для допросов через пятнадцать минут.

Стив был так измучен, что ему уже ничего не хотелось, однако не хотелось ему и умирать. Не любовь к жизни — он ненави-

дел свою жизнь, — но страх смерти удерживал его. Как только поверхность его сознания покрывалась тонким ледяным слоем успокоения, и он начинал принимать свою неизбежную смерть, как чудовища, спавшие на самом дне, внезапно пробуждались и в ярости разрывали хрупкий лёд, превращая его в миллионы ледяных капель. В эти моменты он чувствовал, как в его голове взрывается сверхновая звезда, высвечивая каждый закоулок его разума.

«Интересно, что ему ещё от меня нужно?»

Пока Стив одевался, у него в голове опять зазвучала навязчивая мелодия.

— Вам знакома фраза: *«И лишь в иллюзии ты обретёшь свободу»*? — внезапно спросил Стив.

— Знакома, — к его удивлению сказал врач, — *«Ведь наш мир — не более чем иллюзия, и всякий, осознавший это в полной мере, будет истинно свободным»*.

— Кто её сказал?

— Римский философ, не помню имени, впрочем, возможно, её приписали ему в Средние Века.

— Спасибо.

Стив был так взволнован, что забыв обо всём посмотрел врачу в глаза. К его удивлению в них не было айга, они были так же пусты как и глаза Стива.

— Боже мой, но как! — прошептал он, его сердце бешено забилося.

Открылась дверь и в проём заглянул недовольный охранник:

— Давай скорее, парень! — сказал он. — У меня обед через несколько минут.

Стив ещё раз взглянул на врача.

— Иди, — врач поправил маску.

Уже в коридоре Стив вспомнил, что никогда не видел его лица. Оно всё время было скрыто медицинской маской. И его голос. Почему он показался Стиву знакомым?

«Кто же он, и как это возможно?»

Когда Стив вошёл в знакомую комнату, Хэйлис уже ждал его.

— Здравствуйте, — сказал он, — присаживайтесь.

Агент выглядел также, как в первую их встречу. «Впрочем, — решил Стив, — он, наверное, всегда выглядит одинаково». Идеально скроенный и выглаженный строгий чёрный костюм, накрахмаленная белая рубашка, чёрные матовые туфли, отражающие холодный свет ламп. Лицо, гладкое и невозмутимое, словно восковая маска, тёмные очки, казалось, вмонтированные в него. Но теперь, ко всему прочему добавилось хорошо скрываемое волнение, которое Стив сразу же ощутил.

Когда он сел напротив Хэйлиса, агент положил на стол маленький свёрнутый пакет.

Стив хотел спросить у него про врача, но Хэйлис сразу начал разговор:

— Ваши дела очень плохи, — он размял пальцы, — вам грозит смертная казнь. По секрету скажу, что прокурор настроен очень серьёзно, — он доверительно приглушил голос, слегка наклонившись к Стиву. — Ваше и без того хрупкое положение намного ухудшилось. Во время обыска у вас в квартире обнаружили засохшую кровь между половицами. Судя по всему, её было много. А в прошлом месяце, в разных районах города нашли полностью обескровленные трупы четырёх девушек. Убийства не были спонтанными — похоже, их тщательно планировали, не оставив никаких следов. Просто ювелирная работа! И знаешь, что я думаю: а нет ли между вами связи?

Стив почувствовал, как внутри него всё похолодело. Если на него повесят ещё и их...

Выдержав паузу, агент продолжил:

— И вот мы подошли к самому интересному. Кроме крови у вас нашли кое-что ещё. — Хэйлис сделал ударение на слове «ещё». — С самого начала я не верил ни единому вашему слову, сказкам про параллельные миры и прочей чуши. Я и сейчас им не верю. Однако, я федеральный агент, а не священник и не занимаюсь вопросами веры. Я работаю с фактами.

Первый раз увидев *это* на снимке, я подумал: «Да, парень, наверное, замучил дикобраза!», — но когда я послал её

на экспертизу, они сказали, что никогда в жизни не видели таких игл. Ну и что же *это* такое? — он развернул пакет и подвинул его.

Едва Стив взглянул, у него перехватило дыхание: на столе лежал волос айга. Весь мир вокруг Стива внезапно сузился, и всё, что он видел перед собой, был лишь волос айга — длинная изогнутая игла, заполненная прозрачной жидкостью. Сознание Стива пронзило молнией. Это был его последний шанс.

— Ну что, узнал?

Видимо, во взгляде Стива что-то изменилось, потому что агент внезапно отодвинулся от него. Стив взял волос, рассмотрел его с разных сторон, а затем перевёл взгляд на агента.

— Иногда короткий путь больнее, — сказал он и резким движением проткнул свою щёку.

Брызнула кровь, Стив успел заметить, что она слишком прозрачная для человеческой. Он упал из-за стола на холодный пол, глаза закатились, тело били судороги, изо рта шла белая пена.

Хэйлис вскочил, восковая маска треснула и разлетелась на тысячи осколков, обнажив испуганное человеческое лицо. Он прыгнул к двери.

— Врача, срочно! — крикнул агент, но за дверью никого не было. — Чёртов сукин сын, — вполголоса проговорил он, выскочил наружу и бросился по коридору.

Стив резко вскочил. Голова кружилась, во рту ощущался горький привкус крови. Несколько раз сплюнув и вытерев губы рукавом рубашки, он начал озиаться по сторонам. Увидев на столе волос айга, он схватил его и сунул в карман.

«Ну же, Стив, придумай срочно что-нибудь! Из этого ада *должен* быть выход!»

Далеко в коридоре слышались голоса и топот ног. С каждой секундой они становились всё ближе.

«Дверь! — вспомнил он. — Энжел сказал, что я сам *дверь*, но что это значит?»

Топот ног и голоса охраны были уже у самой двери. Стив изо всех сил сжал руки, так что ногти впились в ладони. Если не сейчас, то уже никогда. Он мысленно представил дверь, какой

помнил её, в отчаянной попытке материализовать свои мысли.

«Дверь! дверь! дверь! Ну же, ну!»

Провернулся ключ в замке, и дверная ручка пошла вниз. Время словно застыло, и Стиву казалось, что она опускается целую вечность.

«Дверь...»

Открылась дверь. Она висела в воздухе прямо перед ним, переливаясь прозрачными перламутровыми разводами, а за ней лежал укутанный туманом знакомый зелёный луг. Стив шагнул в неё, и она мгновенно закрылась у него за спиной. На всякий случай он проверил карман — волос айга был на месте.

А вокруг раскинулся Нижний Мир, необычный, в чем-то прекрасный, а в чем-то уродливый, опасный и населённый ужасными существами. Но при этом честный мир. Мир, где никто не смотрит из твоих глаз.

**Человек, который никуда
не спешил**

Слабый, но уже по-осеннему холодный ветер, приносил с залива свежесть, которой городу так не хватало эти летние месяцы. Он дарил её совершенно бесплатно, в отличие от назойливых торговых агентов с листовками, предлагающих купить что-либо «почти даром».

Даже здесь, на окраине города, все улицы были запружены медленно ползущими, изрыгающими выхлопные газы автомобилями. В последнее время это явление стало происходить всё чаще и чаще. «Куда они все спешат? Неужели каждую минуту у кого-то начинается рабочий день?»

Некоторые водители непрерывно сигналили, очевидно считая всех остальных идиотами, специально стоящими просто так, и не позволяющими им проехать в свои душные офисы, с жёлтыми лампами цвета кошачьей мочи, грязными окнами и дохлыми мухами на пыльных подоконниках.

Оценив бесконечную дымящую вереницу — естественно, звонить в такси не имело смысла, — я решил идти пешком.

До станции я добрался спустя час вместо обычных нескольких минут. Часы на здании вокзала показывали восемь. Мой поезд ушёл, и следующий будет только через полчаса. Хотя это и не имело значения, потому, что я уже опоздал. Что же, по крайней мере у меня есть целых полчаса, чтобы придумать причину.

Это было моё третье опоздание, и, возможно, теперь меня уволят. «Нет, меня *непременно* уволят!» — подумал я, ощутив липкий и противный животный страх потерять нечто пусть и неприятное, но привычное и позволяющее существовать.

Через минуту волна схлынула, и ощущение прошло, уступив место тупому безразличию, как это обычно бывает, когда думаешь о чём-то ужасном и неотвратимом, но пока ещё далёком. Например, о смерти.

Я закрыл глаза и попытался сосредоточиться, но у меня ничего не вышло, и вновь открыв их, сквозь просветы между людьми я увидел своё отражение в стеклянной витрине: одиноко стоящую фигуру, похожую на призрака. Через мгновение оно вновь скрылось за человеческими телами.

«Как! — спросил я себя. — Как я смог докатиться до этой фальшивой иллюзии жизни?».

Чтобы успокоиться и собраться с мыслями я вытащил из кармана сигареты. Когда-то у меня были любимые сигареты, сейчас же почему-то мне кажется, что все они по вкусу напоминают дерьмо, так что марки — это скорее вопрос привычки. Вынув из пачки последнюю, я несколько минут вертел её в руке, никак не решаясь начать. Сигарета, она как человеческая жизнь: можно затушить её сразу, а можно скурить до самого фильтра, но так или иначе итог всё равно один — она закончена и отправлена в мусорную урну. Втопанный в грязь окурочек — что может быть символичнее?

Наконец пламя зажигалки лизнуло её. Я затаился, позволив дыму проникнуть во все уголки моих лёгких, и выдохнул. Обычно мне нравилось смотреть на расплывающееся сизое облако, но в этот раз упрямый ветер вырывал дым чуть ли не изо рта и уносил с собой, так и не позволив насладиться этим зрелищем.

Итак, с чего же всё началось? Как, наверное, у любого ребёнка у меня была мечта, но все говорили мне, что она глупа, бесполезна и ничего не стоит, а у меня не хватило смелости отстоять своё мнение или просто уйти; как я, впрочем, и поступил, много лет спустя, но уже будучи сломленным. Хотя лучше было бы назвать это бегством.

Словно испытывающий безответную любовь и избегающий любых встреч с её объектом, я стал избегать любых мыслей, любого упоминания о своей мечте.

Но это не особо помогло: можно уйти от человека, но нельзя сбежать от своих мыслей, от самого себя, и мои мечты — словно птицы Феникс, возрождающиеся из пепла, — всякий раз всплывали из глубин подсознания, как бы я не пытался их забыть. И если бы я не ощутил это на себе, то ни за что бы не поверил, что мысли могут причинять реальную, вполне осязаемую боль.

И вот однажды, не в силах выносить эту вечную пытку, я сказал себе: «Прошлого не было», — и его не стало, но вместе с ним не стало и будущего, только я не сразу это заметил. Потому

что оно, словно растение с обрубленным корнем, стало тускнеть, меркнуть и вянуть, пока не исчезло, обнажив зияющую пустоту.

Моё будущее.

Так что сейчас я уже не знаю кем я хотел стать и чем заниматься — у меня просто не осталось воспоминаний о своей мечте, но я всё ещё помнил связанные с ней эмоции.

Иногда, впрочем, если я сталкивался с чем-то, что вновь разжигало огонь в моём сердце, мне начинало казаться, что я ещё жив, что всё ещё можно изменить, и прожить свою жизнь снова. Но вскоре иллюзия рассеивалась, и наступало понимание, что я всего лишь призрак, заглянувший в свой родной дом, оказавшийся в знакомой обстановке и вновь ощутивший себя живым, но в конце концов с грустью осознавший, что он уже давно умер, и в его доме живут совсем чужие люди.

Уже много лет я был мёртв, впрочем как и все окружавшие меня живые мертвецы. Интересно, почему дети любят рисовать, петь, сочинять стихи и играть в игры? Может потому, что они *не умеют* заниматься скучными вещами? Жаль, что многие из них умирают, не успев совершить ничего хорошего.

Время от времени я задаюсь вопросом: как бы я воспитывал ребёнка, чтобы он вырос живым? Но я гоню прочь эти мысли, прекрасно понимая их защитный психологический механизм, жалкую попытку вновь обрести смысл жизни. Это было бы прекрасной уловкой: вместо своей, не состоявшейся, прожить чужую жизнь. Мне кажется, что это одна из немногих причин, по которой казалось бы неглупые люди всё ещё заводят детей — чтобы хоть как-то оправдать своё существование. Но кого сможет воспитать мертвец?

Я устроился на работу, чтобы заработать денег и, как мне казалось, стать свободным, но со временем средство подменило собой цель, и я попал в порочный круговорот кредитов и зарплат, став таким же как те, кого в детстве ненавидел.

Это было несложно: в начале ты испытываешь ненависть к своей работе, через некоторое время тебе становится всё равно, и в конце концов ты уже не представляешь себя, занимаю-

щимся чем-либо иным.

Когда-то я верил, что есть грань, за которую я никогда не перейду, но в процессе жизни выяснилось, что она имеет все свойства линии горизонта: её просто невозможно было перейти, потому, что по мере приближения к ней, она удалялась от меня, и вещи, ещё вчера казавшиеся мне совершенно неприемлемыми, становились вполне обычными. Наверное именно так и становятся преступниками, алкоголиками и наркоманами.

Вы уверены, что сможете изменить свою жизнь в любой момент — стоит только захотеть, но в этом-то и проблема: со временем менять уже ничего не хочется. Просыпаясь утром, я мечтаю о том, чтобы скорее наступил вечер, а вечером — чтобы утро не наступило никогда. Но вопреки всем желаниям оно наступает, и всё повторяется сначала.

Это было грустно и в то же время смешно. Словно сочувствуя мне, небо расплакалось мелким дождём. От раскрывшихся зонтов всевозможных оттенков площадь стала похожа на цветочный луг. Все вокруг куда-то спешили, и было похоже, что я один стоял. Перспектива намочнуть меня совсем не привлекала, поэтому я стал оглядываться в поисках места, где не было бы воды и людей, так как с детства не любил ни первое, ни второе.

И тут я увидел его — Человека, Который Никуда Не Спешил, но я, естественно, этого ещё не знал, и считал его обычным человеком, который никуда не спешил. Он сидел на скамейке посреди площади и смотрел сквозь толпу. Больше всего меня поразило то, что капли дождя огибали его, словно он находился под невидимым куполом, и вся его одежда была сухой. Движимый скорее любопытством, нежели иным чувством, я направился к нему, периодически натываясь на прохожих и стараясь не спускать с него глаз.

Он сидел, закутавшись в серый плащ, словно вплавленный в нашу реальность из иного измерения, его длинные волосы и одежда, казалось, не замечали ветра, а в зеркальных очках, скрывавших его глаза, отражались спешащие люди.

Подойдя к нему, я спросил:

— Можно?

Он кивнул, и я сел рядом с ним, с удовольствием заметив через несколько минут, что дождь начал огибать и меня.

Не то чтобы я сильно удивился всему происходящему: после десяти лет офисной работы вообще перестаёшь чему либо удивляться. Просто рядом с ним у меня было чувство, словно мне нечего бояться, если вдруг случится глобальная катастрофа.

Оно было настолько приятным и непривычным, что я никак не мог вспомнить что же это было за чувство — столько времени я его не испытывал — и, наконец, вспомнил: это было ощущение спокойствия и уверенности за свою жизнь, как когда-то в детстве.

Не знаю почему, но я решил рассказать ему всё о себе, во всяком случае то, что я вспомнил, пока стоял на площади. Мне не нужно было ни сочувствия, ни советов, ни чего-либо иного. Мне просто хотелось, чтобы меня выслушали.

И меня выслушали. Молча.

— Неужели это моя жизнь? — вырвалось у меня.

Наверное он был слишком занят своими проблемами, чтобы ответить мне. Вероятно, они были важнее и уж точно интереснее, чем мои. Может именно в этот момент он считал нужное количество водорода, чтобы зажечь очередное солнце в глубине Космосе.

Несколько минут прошли в тишине.

— Почему они не видят тебя? — спросил я, чтобы поддержать разговор: я опасался, что человек уйдёт и унесёт с собой это прекрасное чувство.

— *Потому, что они слишком спешат*, — ответил он.

По его голосу, лишённому эмоций, невозможно было сказать: испытывает ли он тоску, презрение или безразличие.

— Но я тоже спешил... — возразил я, — ... и тем не менее я вижу тебя.

— *Ты уже не спешил*, — ответил он. — *И опоздал ты не случайно, — ты хотел опоздать, чтобы запустить цепь событий, повлиять на которые уже не сможешь.*

— И лишиться всего? Мне не хватило всего лишь немного

времени! — сказал я скорее по инерции, потому что он был прав: я не смог бы признаться в этом самому себе, не то что принять осознанное решение.

— *Время?* — мне показалось — всего лишь показалось — что в его голосе прозвучала ирония. — *Время — всего лишь иллюзия*, — произнёс он. — *Помни об этом.*

После этих слов, видимо, служивших прощанием, человек встал и, хотя на площади уже почти не было людей, словно растворился в воздухе, во всяком случае, я почти сразу потерял его из виду.

И я снова остался в одиночестве, однако, вопреки ожиданию, приятное чувство не исчезло, а дождь по-прежнему огибал меня, словно человек оставил со мной частицу себя.

Наконец дождь закончился, и небо прояснилось, я встал и, вспомнив о поезде, посмотрел на свои часы: «Ничего себе! Неужели мы говорили четыре часа?» Но переведя взгляд на часы на здании вокзала, я удивился не меньше: если верить им, то прошло всего несколько минут — ещё можно было успеть. Но какое же из них верное?

«*Время — всего лишь иллюзия*», — вспомнил я и в этот же миг со всей ясностью осознал, что мне уже никуда не нужно спешить.

В тени ночных городов, мимо неоновых реклам и цветных огней, по бесконечным улицам, то пустынным, то оживлённым, пролегает мой путь. Лишь немногие прохожие замечают меня, но и они, наткнувшись на своё отражение в линзах зеркальных очков, *спешат* отвести глаза, и я сразу же стираюсь из их памяти словно следы на морском берегу.

Время. Я чувствую его как лёгкую ткань, скользящую у меня между пальцев. Могу её смять, могу растянуть, скрутить и снова расправить. Не могу лишь разорвать её.

Я был всегда, ведь время — всего лишь иллюзия, — для меня, но не для них. Рождённые в суете, они не знают, что весь их мир может оказаться миражом, живущим в моём воображении, они сами — теньями моего разума, а их жизни — всего лишь моими

снами.

Но не являюсь ли я сам чьей-либо, быть может, своей собственной иллюзией? Единственный вопрос на который у меня нет ответа. Впрочем, мне не знакомы эмоции, и я ничего не чувствую, незримый свидетель взлётов и падений человеческой цивилизации.

Имя мне...

Кукла

Переделанный из полевой лаборатории, бронированный фургон с замазанной, но всё ещё различимой надписью «Chemical Synthetics Inc» остановился у края шоссе.

Через несколько минут дверь со стороны водителя открылась и из фургона вышел человек в кислородной маске и жёлтом защитном комбинезоне с эмблемой корпорации — стилизованным изображением молекулы бензола. На его теле не было ни одного открытого участка: голову закрывал капюшон, плотно прилегающий к маске, руки защищали перчатки, прижатые манжетами рукавов, брюки были заправлены в высокие армейские ботинки.

Затем открылась дверь пассажирского отсека и на полотно шоссе прыгнули ещё двое: женщина и девочка лет семи. Обе они были в кислородных масках и одеты в серо-голубые комбинезоны химической защиты без эмблем.

— Рэй, мы со Съюзи прогуляемся вдоль берега, я обещала показать ей океан, — сказала женщина и, взяв девочку за руку, повела её вниз по насыпи, в сторону океана.

За десятилетия, прошедшие с последнего ремонта, асфальтовое покрытие растрескалось и размылось, и только огромные бетонные плиты, выступающие из песка словно кости вымерших гигантов мезозойской эры, не позволяли ему окончательно разрушиться.

Много лет назад вокруг шоссе простирались поля; теперь же по одну сторону серела мёртвая равнина с солёным песком, глиной и несколькими высохшими чёрными скелетами деревьев, успевшими вырасти в отсутствие человека. После редких дождей равнина на несколько суток становилась серо-зелёной от бурно развивающихся в избытке углекислого газа сине-зелёных водорослей. По другую — океан из-за таяния полярных шапок планеты откусил значительный кусок суши, образовав мелководный залив, и участок шоссе в сто миль длиной оказался частично затоплен.

Рэй знал это, ещё на станции он смотрел карты спутниковой съёмки, он свернул бы на запад намного раньше, если бы

не желание маленькой девочки, мечтавшей увидеть океан. Он взял бинокль и, отключив бесполезную в этих условиях автофокусировку, поднёс его к глазам. Над поверхностью воды стоял жёлтый, едва различимый туман, состоящий из мелких капелек сернистой кислоты, окрашенных окислами азота.

Подёрнутая мелкой рябью поверхность воды была покрыта тонкой бурой плёнкой углеводов. Накатывавшие на берег волны оставляли на сером песке расплывающиеся радужные пятна. Время от времени на поверхности воды лопались пузырьки газов.

Дженни никогда не видела столько воды сразу, огромное пространство подавляло и одновременно манило её. А на девочки океан, похоже, не произвёл впечатления.

— Какой-то он не живой, — разочарованно сказала она, — не такой как на фотографиях. На них он был голубой, а этот серый.

— Этим фотографиям много лет. В то время он и был голубым, а сейчас он просто очень грязный.

— Ты сможешь помочь ему стать прежним? — спросила Сьюзи.

— Не знаю, — ответила Дженни, — но мы сделаем всё, что в наших силах.

— Ты говоришь совсем как врачи в фильмах умирающему пациенту!

Дженни улыбнулась.

— Ну, наш пациент ещё ... — она запнулась, и улыбку словно смыло с её лица грязной океанской волной.

— Мне нужно взять пробы воды, не хочешь посмотреть?

— Не-а, — Сьюзи отрицательно тряхнула головой, насколько ей позволял защитный костюм. — Можно я прогуляюсь?

— Только не далеко, — ответила женщина, — и будь осторожнее!

Дженни раскрыла взятый с собой лабораторный кейс и достала прибор для взятия проб с телескопической трубкой и коробку с пробирками. Заправив первую пробирку в прибор,

она погрузила тонкую трубку в воду; затем, когда пробирку наполнила мутная жидкость, она проделала тоже самое с остальными, погружая трубку в грунт на разную глубину.

Прибор показал высокое содержание метана, сероводорода и прочих продуктов жизнедеятельности анаэробных бактерий. Остальное, в том числе состав микрофлоры можно будет узнать в лаборатории.

«Хоть какая-то жизнь, если бы можно было организовать полноценную экспедицию...» Несмотря на внутренние протесты в ней снова заговорил учёный.

Дженни как-то подсчитала, что даже того скромного количества кислорода, которое вырабатывали водоросли, обитающие в открытых, наименее загрязнённых участках мирового океана, вполне хватило бы, чтобы поддерживать его концентрацию в атмосфере на уровне не менее четырнадцати процентов, вместо нынешних жалких семи. Но, как оказалось, практически весь он сразу же использовался бактериями на окисление огромного количества органики смываемой с континентов в океан.

«Интересно, — подумала она, — что если где-то в глубине, вдали от океанических течений ещё сохранились оазисы жизни с чистой водой? Жаль, что мы этого уже никогда не узнаем...»

Размышления женщины прервал крик Сьюзи в котором Дженни разобрала лишь своё имя. Бросив всё она резко вскочила, от чего у неё на мгновение потемнело в глазах, и стала осматривать окрестности в поисках девочки.

Сьюзи обнаружилась в нескольких сотнях ярдов к югу, склонившаяся над чем-то. Дженни облегчённо выдохнула. «Похоже с ней всё в порядке, как я могла о ней забыть? Нельзя было отпускать её одну». Мысли мелькали в её голове, словно перепуганные птицы. Заметив, что Дженни на неё смотрит, девочка помахала ей рукой.

Пляж был усеян кучами мусора, по которым можно было изучать человеческую историю двадцатого и двадцать первого веков. Возможно, когда-нибудь, они станут настоящими находками для будущих археологов. Обломки телевизоров, стеклян-

ные бутылки, ржавые консервные банки, пластиковые коробки всевозможных цветов и размеров, рваные тряпки, когда-то бывшие одеждой, разбитые телефоны, карандаши, зеркала в оправе, солнцезащитные очки... Океан любезно вернул человеку его непрошенные подарки.

Когда Дженни подошла ближе, она увидела, что привлекло внимание Сьюзи.

На берегу в грязи лежала азиатская шарнирная кукла, примерно шестнадцати дюймов в длину. Время и агрессивные условия основательно потрепали её: некогда голубое платье и яркие волосы выцвели, полиуретановая кожа набухла и потрескалась, а внутренние тросы ослабили или истлели, из-за чего кукла оказалась в неестественной позе, с вывернутыми конечностями, словно сведёнными судорогой.

— Дженни, возьми её с собой? — спросила девочка. — Я буду звать её Лизой.

— Сью, не прикасайся к ней! — крикнула Дженни. — Смотри какая она грязная, на ней могут быть опасные микробы. Мы не сможем её взять, и, даже если бы и взяли, военные нас с ней не пропустят.

— Но ей же холодно и больно! — всхлипнула Сьюзи, словно это ей, а не кукле предстояло остаться на пустынном пляже.

«Вот же ещё проблема...»

Дженни оглянулась вокруг и заметила торчащие из песка останки какой-то железобетонной конструкции в пятистах ярдах к северу. Возможно, это была одна из опор второго полотна, которое так и не было закончено.

— Хорошо, — сказала она, — мы отнесём её к этим обломкам, они защитят её от дождя и ветра, насколько это возможно.

Дженни вытащила из кармана стерильные салфетки и, осторожно обернув ими куклу, попыталась её поднять. Грязь несколько секунд сопротивлялась, но в конце концов, громко всхлипнув, отпустила её, отчего Дженни едва не потеряла равновесие. В нелёгкую саму по себе куклу набилось много грязи, и от этого она стала ещё тяжелее.

Торчащие из береговых наносов ржавые стальные прутья, словно гигантские окаменевшие щупальца, обвивали и пронзали разломившиеся бетонные плиты.

Оставив девочку на безопасном расстоянии от опоры, Дженни обошла вокруг этого символа былого человеческого величия: ни мхов, ни лишайников, ни даже водорослей не было на нём — лишь серо-зелёные пятна бактериальной плёнки в сырых местах.

— Сюю! — позвала Дженни, — здесь есть щель между плитами, вполне безопасное место, для неё. Как ты считаешь?

Девочка кивнула.

Подойдя вплотную к разрушающимся плитам и стараясь не зацепиться за прутья, женщина осторожно положила куклу в нишу, убрала с неё салфетки и вернулась к Сююзи.

— Ну вот и всё, — сказала она, обрабатывая перчатки антисептическим спреем. — Пошли скорее к фургону, — Рэй должно быть уже волнуется.

Она взяла девочку за руку и они направились в обратную сторону. Через несколько шагов Сююзи внезапно остановилась, повернулась в сторону импровизированного саркофага и крикнула, — Прощай, Лиза, я буду скучать по тебе!

Эта шаблонная фраза, обычно звучащая фальшиво из уст взрослого человека, так задела Дженни своей наивностью и искренностью, что у неё перехватило дыхание.

В голове прозвучала мысль: «Нет, только не сейчас. Я не имею право показывать свою слабость».

Но одна упрямая слеза всё же скатилась по её щеке. Дженни провела свободной рукой по лицу, чтобы незаметно смахнуть её, но рука скользнула по стеклу кислородной маски.

Как назло включилась рация, и в наушнике раздался голос Рэя:

— У вас всё нормально?

Дженни слотнула, собралась с мыслями и твёрдым голосом ответила:

— Всё нормально, мы уже возвращаемся.

Подойдя к тому месту, где она бросила свои инструменты,

Дженни остановилась и ещё раз взглянула на мёртвый океан; её взгляд сначала бесцельно блуждал возле берега, а затем внезапно сорвался и устремился вдаль к утопающей в тумане линии горизонта, где океан встречался с небом, и уже невозможно было разобрать, где заканчивалось одно и начиналось другое, потому что оба они были одинаково серыми и грязными. И даже сгустившиеся в небе за время их прогулки бурые кислотные облака отражались в воде рваными масляными пятнами.

Одно облако было похоже на шатёр её индейских предков, о которых ей рассказывала мать. Дженни казалось, что она слышит звуки тамтамов, и она уже приготовилась увидеть выбегающих индейцев в национальных костюмах и головных уборах с перьями, но вскоре поняла, что это всего лишь кровь стучит в висках.

Эти образы пробуждали в ней древние инстинкты, затерявшиеся в тумане тысячелетий, они сковывали её сознание и вызывали желание немедленно сорвать с себя маску и защитный костюм — эту вторую кожу без которой человеку не выжить в современных условиях, — и вдохнуть, наконец, полной грудью, ощутить запахи окружающего мира и почувствовать прикосновение ветра.

Женщина не заметила, как её рука потянулась к воздушному клапану комбинезона.

— Дженни, что с тобой? — испуганно спросила Сьюзи.

Дженни пришла в себя и отдёргнула руку:

— Ничего... просто немного задумалась... — ответила она, отрывисто дыша, — иди к Рэю, я сейчас...

«Боже, что я делаю!»

По её лицу катился пот, вся спина была мокрой.

«Вдох — выдох, вдох — выдох, вдох — выдох. Так намного лучше».

Восстановив ритм и начав дышать медленнее, Дженни ещё несколько минут стояла и смотрела на океан.

— Прощай, — сказала она, отключив связь, — я буду скучать по тебе, — и улыбнулась.

Затем она достала из кармана комбинезона старую потёртую фотокарточку, взглянула на неё в последний раз и, опустив руку, украдкой, словно стыдясь своего поступка, разжала пальцы, позволив ей упасть на грязный песок.

Они поднялись на шоссе по тому же пологому откосу, по которому спустились ранее к берегу. Открыв дверь фургона, Дженни сначала помогла зайти Сьюзи, затем забралась сама. Вакуумный механизм втянул дверь в пазы и плотно её зафиксировал, после чего прозвучал холодный синтетический женский голос бортового компьютера:

«Внимание! Производится продувка камеры, не снимайте защитные костюмы».

Зашумели воздушные насосы, и сквозь салон потянуло холодом.

После того как шум стих, и на стене загорелись зелёные буквы, Дженни с наслаждением растянула комбинезон, стянула с себя маску и помогла раздеться Сьюзи.

В воздухе ещё несколько минут ощущался свежий запах озона.

— Дженни, — тихо позвала Сьюзи.

— Что, моя милая? — Дженни села рядом с ней.

— Лизе сейчас, наверное, очень грустно одной. Скажи, — она вдруг подняла голову и посмотрела на Дженни своими большими голубыми глазами, — ты не бросишь меня?

— Нет конечно! — Дженни обняла её. — Ты самое дорогое, что у меня есть.

— И мы никогда не расстанемся?

— Никогда! — она погладила девочку по голове. — А теперь немного отдохни, у нас впереди ещё долгий путь.

Она опустила кресло, уложила Сьюзи и укрыла её своей курткой, после чего вышла из салона в кабину и, закрыв за собой дверь, упала в пассажирское кресло. Голова её просто раскалывалась от навязчивых мыслей и ощущений, которые она испытала на берегу.

— Как всё прошло? — спросил Рэй. Он сидел на месте води-

теля, устремив взгляд в пустоту и положив руки на колени, не шелохнувшись, словно античная гипсовая статуя; лишь его глаза время от времени посматривали на экран со спутниковой картой местности и опять возвращались к созерцанию шоссе.

Худощавого телосложения Рэй был одним из тех, кого называют людьми без возраста: если не присматриваться к мелким морщинкам возле глаз, ему с одинаковым успехом можно было дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят.

На его лице застыла вечная неизгладимая печаль, смешанная с равнодушием, словно отпечаток пережитой много лет назад глубокой личной трагедии.

«Интересно, рассказать ли ему о том, как я чуть не покончила с собой?»

— Замечательно, — ответила Дженни.

— По тебе не скажешь.

— Просто голова ужасно разболелась. — Дженни долгое время не могла привыкнуть к его слегка саркастической манере общения, но в конце концов поняла, что иначе он не умеет и научилась не обращать внимания. Тем более если её отец считал Рэя своим другом, не смотря на его потрясающую способность обижать всех вокруг, самому этого не замечая. Хотя сам Рэй, по её мнению, не считал другом никого.

— Ты взяла образцы?

— Да, они в термостате.

— Что-либо интересное?

— Ничего особенного, метан и сероводород в огромном количестве говорят о присутствии анаэробных бактерий, бензина там, наверное, не меньше чем воды, ещё соли тяжёлых металлов — электропроводность просто зашкаливает. Подробный анализ сделаете уже без меня.

На несколько минут в воздухе повисла пауза. Слишком напряжённая, чтобы продлиться дольше.

— Это точка невозврата, — сказал Рэй, в очередной раз взглянув как маленькие зелёные цифры в углу экрана вели обратный отсчёт оставшихся запасов воздуха.

— В смысле? — Дженни не сразу поняла к чему он клонит.
— Сейчас ещё можно вернуться, но если передумаешь позже, кислорода на обратную дорогу хватит лишь на одного, а если включить воздушные фильтры — не хватит топлива.

— Я не передумаю, — сухо ответила Дженни, — я всё решила ещё много лет назад.

— Ты считаешь, что с военными ей будет лучше?

— А мы и не собираемся жить с военными.

— Вот как? — Рэй не выглядел удивлённым. — Значит ты решила остаться в Альбукерке?

— Именно, ты же слышал, военные восстановили несколько небоскрёбов в центре города, загерметизировали их пеной и поставили воздушные фильтры. Там есть оранжереи и бассейн. Они переселили в них часть гражданских семей с детьми, так что у Сьюзи будет с кем играть.

— Всё же глупо с твоей стороны.

— Это ещё почему?

— Между военной базой и городом — сорок миль, если с вами что-либо случится, у военных может не оказаться ни времени ни желания вас спасать.

— Я знаю, — ответила Дженни, — и всё же я хочу жить в уютной квартире, засыпать и просыпаться в постели с любимым человеком, смотреть на Солнце, просто гулять по улице в конце концов! Пусть и в комбинезоне... Я знаю, что это всего лишь иллюзия, но я хочу хотя бы иллюзию нормальной человеческой жизни, — а на вашей Станции в минус четырнадцать этажей из стекла и стали, я чувствую себя словно в тюрьме, и я не хочу, чтобы Сьюзи чувствовала то же самое.

— Но почему ты уверена в том, что ей будет плохо в Убежище?

— Потому, что я вижу как она изменилась, она всё время выглядит печальной. Сьюзи всё чаще обращает внимание на то, что тот мир о котором она узнаёт из ваших занятий и информационной сети совсем не похож на мир на поверхности. Она всякий раз огорчается, когда оказывается, что животное или расте-

ние с фотографии исчезло много лет назад. Совсем как я в своё время. Но у меня были отец с мамой, у меня была сестра, у меня было детство, а у неё не было ничего, кроме бесконечных обследований, анализов, занятий... Чёрт возьми, мне даже видеться с ней толком не давали!

— Мне очень жаль, — в своей характерной манере сказал Рэй, — что лучший исследовательский центр нашей Корпорации оставил у тебя столь негативные воспоминания, но давай посмотрим на это несколько иначе. На Станции она сможет получить великолепное образование, у неё будут прекрасные условия для самореализации, и, что не менее важно, её жизнь будет бы защищена лучше, чем где бы то ни было. Это ваше будущее и будущее всего человечества...

— Рэй, очнись! — взорвалась Дженни, — я всё время пытаюсь тебе сказать, но ты меня не слышишь! Нет у человечества никакого будущего и у нас его нет. Просто оглянись вокруг, чтобы убедиться в этом. Ты, вы все в корпорации, всё ещё живёте прошлым, словно ничего не случилось, пытаетесь сохранить всё это. Зачем Рэй? Не лучше ли всем нам просто исчезнуть? Через миллионы лет планета очистится и вновь станет пригодной для жизни, а бактерии и водоросли эволюционируют в новые разнообразные виды, которые заполнят её, словно так было всегда; только нас там уже не будет, но это и к лучшему — мы не заслужили право жить на Земле, после того, что с ней сделали.

Дженни, сама до конца не понимая почему, считала глубоко неправильной эту странную преданность Рэя интересам Корпорации. В нынешних обстоятельствах, когда время человечества подходило к концу, и уже ничто не могло остановить его окончательное исчезновение, это казалось ей каким-то не правильным против... — она никак не могла подобрать нужных слов, пока её наконец не осенило: против естественного хода истории! Именно! Трилобиты, стегоцефалы и динозавры — все они в конце концов вымерли. Конечно, у них в отличие от людей не было разума, но зато было кое-что получше: инстинкт самосохранения. Они отчаянно сопротивлялись в меру своих способностей, пытаясь

приспособиться к новым условиям жизни, возможной причиной изменения которых были они сами. И всё же они вымерли. Эволюция всегда оставляет за собой последнее слово.

«Лучше уйти самим быстро и безболезненно, чем растягивать агонию на несколько поколений. Иначе наши дети будут проклинать нас, за то что мы родили их в условиях планеты, совершенно непригодной для жизни».

— Знаешь, иногда мне кажется, что ваше руководство давно осознало бессмысленность всей этой мнимой борьбы. Когда они последний раз связывались с вами? Не удивлюсь, если они бросили штаб-квартиру в Осаке, чтобы провести оставшееся время со своими семьями. Может нам всем поступить также? Ах да! У тебя же нет семьи!

Дженни замолчала, она надеялась, что Рэй хоть как-тоотреагирует на эти, как ей казалось, обидные для него слова: повысит голос, влепит пощёчину или утешит её. Но он молчал.

— Нет, у человечества есть будущее, возможно слишком отдалённое, но оно есть, — сказал Рэй через минуту своим обычным спокойным голосом. — Эта маленькая девочка — твоя племянница — и есть будущее. Она первый искусственно выращенный вне женщины ребёнок, она умнее, она быстрее учится, ей нужно меньше кислорода, и она способна перенести большие загрязнения...

— В первую очередь, — прервала его Дженни, — она ребёнок, которому нужна семья, а не ваш подопытный кролик.

— Эксперимент был условием, на которое твоя сестра сама согласилась. Мы ознакомили её со всей информацией, касающейся проекта и участия в нём её будущего ребёнка.

«Наверное легко было торговаться с умирающим человеком», — с обидой подумала Дженни, а вслух сказала:

— Но у неё же не было выбора!

— Выбор есть всегда и у всех, — ответил Рэй, — просто цена его у каждого своя. Твоя сестра сделала свой выбор осознанно, и благодаря ему у тебя сейчас есть эта девочка.

— Рэй, почему ты ни разу не назвал её по имени? Неужели

она для тебя всего лишь эксперимент?

Вместо ответа Рэй вытащил из кармана маленькую серебряную пластинку и положил на кресло рядом с Дженни.

— Что это? — спросила она.

— Её медицинская карта, — ответил Рэй. — Я записал на всякий случай, надеюсь, она вам не понадобится.

Дженни знала, что это была секретная информация, и у Рэя могут быть неприятности, если об этом станет известно. Внезапно она почувствовала себя виноватой. В конце концов Рэй сделал для них намного больше чем обещал, несмотря на то, что после смерти её отца, повлиять на его решение было бы некому.

— Рэй, — прошептала она, — прости...

Она наклонилась, чтобы обнять его, но Рэй уже отвернулся, ничего не ответив, и Дженни, смутившись, вернулась в своё кресло.

Она не знала, чем на самом деле руководствовался Рэй совершая эти рискованные поступки: во-первых, решив лично сопровождать их в этом путешествии, а во-вторых, скопировав секретную информацию, — Рэй всегда был для неё загадкой, — но ей хотелось верить, что главной причиной была забота о Сьюзи, а не желание сохранить важные научные результаты. Прекрасно осознавая всю наивность этой надежды, Дженни, тем не менее, ничего не могла с собой поделать.

«Обниму его на прощание», — пообещала она себе.

Тем временем Рэй приложил палец к сканеру отпечатков на панели управления, и по его глазам пробежал зелёный лазерный луч.

— Рэй Гэлахер, статус: доступ разрешён, режим управления: ручной. Добро пожаловать на борт, Рэй. — раздалось из динамиков.

Дженни невольно съёжилась.

«Опять этот противный механический голос, — подумала она. — Неужели нельзя было записать живого человека или хотя бы сделать его немного естественнее?»

Как бы далеко они не уехали, когда она слышала этот голос,

ей казалось, что она всё ещё на Станции, что голос бортового компьютера — это и есть голос Станции, холодный, подчёркнуто синтетический, лишённых каких-либо эмоций, — он был отражением её атмосферы, от которой Дженни хотела уйти.

Фургон мягко тронулся, плавно вырулил на середину шоссе и стал набирать скорость. Когда он уже скрылся в утреннем тумане, внезапный порыв ветра перевернул брошенную на песке фотокарточку. На ней был запечатлён тропический пляж с белым коралловым песком, зелёными зарослями и океаном с голубой прозрачной водой.

А ещё через несколько часов лучи солнца заглянули в нишу с куклой, осветив её вечно открытые голубые глаза, такого же цвета как у Сьюзи.

Разбитая чашка

Ослепительно белый спортивный «mitsubishi» мчался по ровной и гладкой как бритвенное лезвие трассе в сторону Сан-Диего.

Время от времени я опасливо косился на стрелку спидометра, и, когда она перевалила за сотню миль, мои нервы не выдержали:

— Эми, не гони, — попросил я.

Несмотря на то, что с той ужасной авиакатастрофы, в которой было разрушено моё прежнее — человеческое — тело, прошло уже несколько лет, воспоминания о ней были всё ещё свежи, и напоминали о себе ночными кошмарами, страхом высоты, или, например — скорости. И хотя инженеры заверили меня, что моё нынешнее синтетическое тело намного лучше, мне совсем не хотелось испытывать его на прочность.

— Не беспокойся, мы уже почти приехали, — ответила она, впрочем, немного сбавив скорость. — Не люблю опаздывать.

Всё, что осталось от прежнего меня — это неокортекс, кора головного мозга — слой клеток размером со столовую салфетку и толщиной пластиковой карты. Двадцать миллиардов нейронов, каким-то непостижимым образом вмещающие мою личность, мои воспоминания — всего меня, были аккуратно извлечены из головы, пока я находился в медикаментозной коме, и помещены в искусственное тело. В течение нескольких часов наномашины сплели их с нервной системой. Ещё неделя ушла на калибровку и настройку. Спустя месяц я уже полностью управлял им как своим собственным.

— Похвально... — я вцепился в кресло, когда она свернула налево, на ответвлявшуюся от основной трассы узкую, но не менее ухоженную дорогу, — были бы все такие пунктуальные.

Никто не знал, каким образом, несмотря на все меры предосторожности, они пронесли взрывное устройство в самолёт, и никто не взял на себя ответственность за этот взрыв. Наш самолёт шёл на посадку в аэропорту Линкольн, когда раздался громкий хлопок, и салон наполнился едким дымом. Многотонная

машина рухнула на взлётную полосу, загорелась и разломилась на части; я задыхался, раскалённый воздух обжигал лёгкие, и последнее, что я запомнил, было пламя и боль, охватившая всё тело.

Затем был яркий, обжигающе холодный свет ртутных ламп, призрачные, словно нарисованные акварелью врачи в белых халатах сновали где-то на границе поля зрения. Один из них, японец, наклонился ко мне и спросил меня:

— Что ты чувствуешь?

— Ничего, — ответил я.

Он улыбнулся:

— Сейчас мы это исправим.

За окном проносились залитые полуденным солнцем зелёные холмы с зарослями кустарников. Здесь в Южной Калифорнии очень строго относились к охране природы. Парни из Экоконтроля отлично знали свою работу и могли заставить любого выполнять суровые экологические требования. Но так было не везде: к востоку и югу от Экозоны на тысячи миль простирались выжженные солёные пустоши, изъеденные язвами открытых карьеров, обрамлённых отвалами пустой породы, огромными мусорными свалками и брошенными, засыпанными песком, городами.

Я улыбнулся своему отражению в стекле. За несколько лет это лицо так и не стало мне родным. Мне было пятьдесят семь, и я уже ощущал приближение старости. Я вообще не должен был лететь этим рейсом, но внезапный звонок заставил меня отправиться в Вашингтон. «Теперь тебе всегда будет двадцать семь, — сказал доктор Ишихиро, когда я впервые увидел себя в зеркале, — если ты, конечно, не против». Я, естественно, был не против.

Какая ирония! Случайность, едва не отнявшая у меня жизнь, дала возможность начать её заново.

Десятифутовые стальные ворота начали открываться, хотя до них было ещё добрых треть мили.

— Кажется, нас уже ждут... — сказала Эми.

Едва мы проехали ворота, на лобовом стекле появились зелёные указатели направления движения, и вспыхнула голографическая карта, на которой жёлтой пульсирующей точкой отображался наш митсубиси.

— И, кажется, что не надолго... — закончил я её мысль: в зеркале заднего вида было ясно видно, что ворота остались открытыми. Это был символический жест с его стороны. Вряд ли доктор Вессель знает что-либо важное. Тридцать лет работы в Бюро сделали меня пессимистом. Даже если «Ассоциация» и замешана в этом, Вессель не стал бы рисковать.

Главная дорога уперлась в ансамбль из фонтанов и цветочных клумб необычайной красоты, и распалась на две аллеи, которые, если верить карте, снова сливались вместе перед самым особняком. Зелёная стрелка дополненной реальности изогнулась и свернула налево, Эми последовала за ней.

Стоянка для гостей расположилась под открытым небом в тени деревьев. Она была пуста, и Эми остановилась на ближайшей ячейке, спугнув по пути нескольких похожих на крабов садовых роботов с серыми металлопластиковыми панцирями, убравших со стоянки опавшую листву. Увидев автомобиль, они бросились врассыпную. Я открыл дверь, и горячий воздух с улицы хлынул в салон, словно из печи. Выйдя из автомобиля и захлопнув дверцу, я сразу же почувствовал приятную прохладу — мои сенсорные системы быстро отреагировали на нестерпимую жару и снизили чувствительность до приемлемой. Однако Эми, не обладавшей такой способностью, пришлось не сладко.

Строгие серые костюмы с термоконтролем, сделанные из углеродных нановолокон, должны были поддерживать комфортную температуру, но против такой жары они были бессильны, и это хорошо читалось на лице у моей напарницы.

— Ну и лето! — сказал я, — а ведь оно ещё только началось! Эми вымучено кивнула.

Мы с Эми надели очки с зеркальными линзами, мой палец нащупал маленький переключатель на дужке и скользнул

по нему.

— Есть контакт, — сказала Эми. Теперь она видела мои глаза, как если бы очки были прозрачны, в то время как для стороннего наблюдателя они по-прежнему оставались зеркальными. Эми проделала то же самое со своими очками, и зеркала их линз растворились, оставив лишь чуть заметные радужные ореолы вокруг оправы.

— Есть контакт, — подтвердил я.

Однажды на технологической выставке инженер из «Никон Био Оптикс» пятнадцать минут пытался объяснить мне принцип их работы, но я так ничего и не понял. Единственное, что я запомнил, было слово «метаматериалы».

— Ну что, пошли?

— Сейчас, немного осмотрюсь.

Я переключился на инфракрасное зрение, и мир вокруг окрасился в яркие цветовые эквиваленты температур. В левом нижнем углу поля зрения всплыла полупрозрачная легенда и через мгновение исчезла. Чтобы вновь вызвать её нужно было всего лишь представить ассоциированный с ней визуальный образ. Весь температурный диапазон в моём поле зрения делился на равные промежутки и каждому из них ставился в соответствие один из семи основных цветов. Таким образом самой холодной температуре соответствовал фиолетовый, а самой горячей — красный. А чтобы объекты не выглядели плоскими цветовыми пятнами, информация об их яркости — так называемая карта освещённости — бралась из обычного видимого света.

Привычные цвета изменили свой первоначальный смысл. Митсубиси стал оранжевым, с уходящими в желтизну окнами; лицо Эми стало жёлтым, её костюм пестрил оттенками зелёного. А вот зелёная растительность, так и осталась зелёной, причём зелёными стали даже те части растений, у которых реальный цвет был иным. Незначительные разницы в температуре отражались в изменении цветов от нежно-салатового с уклоном в желтизну до изумрудного и тёмно-зелёного с примесью синевы. Нагретые дорожки и статуи полыхали оранжево-красным,

а в окружении зелёных клумб сверкал и искрился всеми цветами радуги фонтан. Это было бесподобное по красоте зрелище, и жаль, что Эми не могла его оценить. Холодные фиолетовые струи воды устремлялись из мраморных ангельских ртов вверх, быстро сменяя цвет на синий, голубой, в верхней части становясь зелёными, затем падая вниз, желтели, и наконец обрушивались оранжевыми каплями в жёлтый бассейн.

В тех местах, где между растениями проглядывала почва, я видел сквозь неё голубоватые ореолы труб капельного орошения. На всякий случай я осмотрел его особняк, как и ожидалось, он был ярко-оранжевый с жёлтыми проёмами окон.

— Не знаю насчёт прочего, но экологических норм по энергосбережению он, кажется, не нарушает. — Я кивнул в сторону его особняка.

— В смысле?

— В здании наверняка включены кондиционеры, однако снаряды этого практически не видно.

Эми взглянула на меня.

— В наших очках же нет тепловизоров, а... ну как же, ты так похож на человека, что я всё время забываю.

В её последней фразе, казалось, звучало лёгкое разочарование.

— Не желаешь ли установить их себе? — спросил я в шутку, зная, что она ответит. — Хочешь, я напишу заявку? Уверен, Бюро оплатит тебе все расходы.

— Модификация тела? — Эми скривила губы, словно я предложил её что-то неприличное, и это вместе с зеркальными очками придавало её лицу комичное выражение. — Мы же не какие-нибудь киборги!

Технически меня тоже можно было считать киборгом, хотя официально все старались не использовать этого слова; так что пренебрежительное отношение Эми к киборгам я мог бы принять и на свой счёт, однако меня это скорее забавляло. Впрочем, возможно она действительно не считала меня киборгом, или, во всяком случае, старалась не считать.

Когда Эми, выпускница академии, пришла в наш отдел, проект, невольным участником которого я оказался, ещё не был рассекречен, и о моём прошлом знали лишь несколько человек в главном управлении и мой начальник. Для всех остальных я был оптименом.

Но всё когда-нибудь становится явным. Так было и в этот раз. Однажды ночью у нас был срочный вызов: полиция обнаружила группу нелегалов в заброшенной фабрике. Убегая, нелегалы подожгли здание, и, когда мы приехали, оно уже вовсю полыхало. Выскочив из машины, я бросился в горящее здание в надежде найти улики. И действительно, обнаружил пару брошенных в спешке компьютеров. Они были горячие, ещё немного и корпуса бы расплавились. Вынув планки памяти, я выскочил через пожарный выход, сбежал вниз по наружной лестнице и оказался на улице за секунду до обрушения перекрытий.

Эми бросилась ко мне:

— Феликс, зачем! Ты чуть не погиб!

И остановилась в нескольких шагах.

Оказалось, у меня обгорела рука, а заботливая нервная система отключила болевые рецепторы, чтобы я не отвлекался! Я с интересом рассматривал свою руку: ниже локтя искусственная кожа растрескалась, и на поверхность выступила молочно-белая плазма внешнего контура — начался процесс регенерации.

На лице у Эми отобразилась гамма противоречивых эмоций, и не ясно чего же было больше: радости, оттого что я был жив, или разочарования, потому что я оказался совсем не тем, кем она меня считала.

— Значит ты киборг? — холодно спросила она.

— Не совсем...

Пройдя всю аллею, мы вышли на вымощенную гранитной плиткой дорожку, идущую вдоль стены имения, свернули направо, прошли ещё немного и оказались у главного входа.

Вессель расположился прямо на газоне в плетёном ротанговом кресле под огромным тентом, который совершенно не вписывался в классическую архитектуру. Одет он был в серое

кимоно и японские бамбуковые сандалии на босу ногу. На руках у него уютно устроился маленький котёнок.

Когда мы ещё были вдалеке, я тронул Эми за руку и шепнул ей в ухо:

— Эми, прошу тебя, будь с ним повежливее.

— Угу, — без особого энтузиазма ответила она.

Мало того, что это была неформальная встреча, так ещё и за грубость этой девчонки отвечать перед начальством придётся мне.

Вессель поднял на нас глаза и сказал:

— Здравствуйте.

Мы с Эми представились и показали свои карты.

— Агент Эйвел.

— Агент МакГил.

Услышав фамилию Эми, он немного оживился.

— Вы случайно не дочь генерала МакГил?

Эми мельком глянула на меня и неожиданно спокойно ответила:

— Да, генерал МакГил — мой отец.

Вессель кивнул, словно бы делая пометку, но не себе, а Эми, чтобы она не забыла.

Карл Дитрих фон Вессель был живой легендой: учёный, бизнесмен, общественный деятель. Никто в точности не знал, сколько ему лет. Даже в наших архивах, во всяком случае в тех, к которым у нас был доступ, его история начиналась семьдесят лет назад, когда он приехал из Европы.

Крупного телосложения, с грубыми, но абсолютно симметричными чертами лица, он мог бы произвести серьёзное впечатление, если бы не его вечная умиротворённая расслабленность. Несмотря на возраст, его кожа была светлой и гладкой, без морщин и какой либо растительности, за исключением ресниц и бровей. Выглядело это так, словно кожу ребёнка натянули на тело пятидесятилетнего человека.

Сейчас, когда в современный мир вновь пришла мода на всё натуральное, его подчёркнуто искусственная внешность выгляде-

ла несколько старомодно.

Пользуясь случаем, я просканировал его, и был удивлён, как мало в нём осталось живой органики, даже для киборга. Однако он не выглядел дряхлым, скорее наоборот: он буквально излучал жизненную энергию, но не юношескую импульсивность цветущего луга, который увянет меньше чем через месяц, а могучую и спокойную зрелость канадских хвойных лесов, сотни лет невозмутимо смотрящих на жалкие человеческие жизни.

Он мельком взглянул на меня, затем на Эми и снова на меня. Его зрачки расширились.

— Вы не человек, — сказал он голосом, который должен был выражать удивление, — но и не киборг, неужели вы...

— Синтетик, — подсказал я.

— Значит это были вы, — он с интересом рассматривал меня, словно экспонат на выставке.

— Да, это был я.

— И как ваши ощущения?

— Бриться не нужно, — отшутился я.

— Прекрасно! — улыбнулся Вессель, — а вы случайно не знаете, сколько ещё таких как вы?

— Прошу прощения, что перебиваю, — вмешалась Эми, — но мы пришли чтобы задать вам несколько вопросов.

— Конечно, — сказал он, — всего лишь профессиональный интерес. Я вас внимательно слушаю.

— Доктор Вессель, — начал я, — мы расследуем недавние взрывы в Сан-Франциско, и хотели бы задать вам несколько вопросов. Спасибо, что согласились встретиться с нами, я напоминаю, что наша встреча является неформальной, и вы имеете право не отвечать на вопросы, если сочтёте нужным.

— Во всяком случая пока, — добавила Эми.

— Даже не знаю, чем я смогу вам помочь, — сказал Вессель. — Я уже всё рассказал вашим коллегам из полиции и боюсь, что мне больше нечего добавить.

— В борьбе с терроризмом любая мелочь имеет значение. К тому же, по целому ряду причин это не обычное дело. — Эми

выдержала паузу. — Впервые террористами смертниками были киборги, а самое интересное, что кибернетические протезы были произведены в вашей компании «Сенс Технолоджис». Все они были нелегалы, все стали киборгами недавно, и у всех были импланты серии «Эл Джи Ви четыреста семьдесят восемь».

— Эта серия была украдена месяц назад, так что о её судьбе мне ничего не известно.

— Почему же представители компании сразу не обратились в полицию или к нам?

— Не знаю, — Вессель пожал плечами, — мне не сообщают о подобных происшествиях. К тому же я принял решение покинуть «Сенс Технолоджис», и, хотя я всё ещё остаюсь акционером, участия в жизни компании практически не принимаю. Полагаю, они просто хотели избежать скандала, и пытались решить проблему своими силами. Честно говоря, я сам узнал о краже уже после взрывов. Кстати, насколько мне известно, служба безопасности проводит внутреннее расследование, и вам, возможно, будет интересно узнать о его завершении.

— Спасибо за информацию, мы отправим официальный запрос. — Эми сделала пометку в электронном блокноте. — Почему вы решили уйти? У вас были конфликты с руководством?

— Нет, просто компания стала слишком громоздкой и неповоротливой, практически не возможно внедрить новые технологии. Знаете, это всё равно, что смотреть как твой ребёнок стареет, в то время как ты ещё полон сил и энергии.

— Наверное вам было нелегко принять такое решение?

— Вовсе нет, я был с самого начала готов к такому исходу. Это не первое и, надеюсь, не последнее моё начинание. Боюсь, что такова судьба любой крупной компании. По контракту я ещё консультирую их в течение нескольких месяцев, а затем займусь своим новым проектом.

Внезапно я проникся к нему симпатией. Я подумал, что с Весселем у меня намного больше общего, чем с Эми. Мы оба родились обычными людьми, обоим пришлось нелегко в юности, и мы оба добились некоторых успехов. Однако с ним нужно быть

очень осторожным.

Вессель вежливо и подробно отвечал на вопросы Эми, даже на те, которые, возможно, ему не нравились. Он казался доброжелательным и приятным, но это было обманчивое впечатление. И не удивительно, так как он был лишён эмоций в привычном человеческом смысле. Мы с Эми были для него не более чем любопытными зверушками, которых можно изучать и ставить всякие психологические эксперименты. Примерно как учёные пускают мышей в хитроумный лабиринт, а те если и ощущают ловушку, тем не менее надеются ответить на брошенный им вызов.

— Что вы можете сказать об Ассоциации Американских Киборгов? — Я решил вернуть разговор в нужное русло.

— Я был одним из учредителей этой организации и являюсь её почётным членом, но уже много лет не вхожу в Совет и не принимаю участия в собраниях. Также я делаю регулярные пожертвования, в чём вы можете убедиться, запросив мою налоговую декларацию. На мой взгляд Ассоциация вполне справляется со своими функциями и без моего участия.

Вессель взглянул на часы — выделенное для нас время подходило к концу.

— Доктор Вессель, можно задать вам личный вопрос? — спросила Эми.

Я насторожился, не хватало ещё провокаций с её стороны.

— Да, конечно, — ответил Вессель.

— Скажите, какого это — прожить столько лет, неужели вы не чувствуете усталости?

Я взглянул на Эми.

— Всё в порядке, мистер Эйвел, — улыбнулся мне Вессель и, обратившись к Эми, продолжил, — очень хороший вопрос. Нет, я не устал. Вам может показаться это странным, но на самом деле чем дольше живёшь, тем больше ценишь свою жизнь. И если вы проживёте достаточно долго, вы сами это ощутите.

— Я смотрю вы не расстаётесь со своим любимцем, не думала, что киборги вроде вас любят природу и животных, — Эми

явно испытывала его терпение.

— Знаете, — из его глаз, казалось, смотрела сама вечность, — чем меньше человеческого во мне остаётся, тем больше я начинаю ценить то небольшое, что связывает меня с живой природой. И в отсутствие эмоций начинаешь смотреть на мир совершенно иначе.

Эми слушала его со скептическим выражением лица, которое она так и не научилась скрывать: она ему не верила. Вессель был киборгом, а для Эми это уже было основанием для недоверия. Во всяком случае, так её учили.

— Мисс МакГил, если у вас больше нет вопросов, не смогли бы вы оставить нас с мистером Эйвелом наедине? — скорее сказал, чем спросил Вессель.

Эми взглянула на него испепеляющим взглядом, словно собиралась прожечь насквозь, а затем посмотрела мне в глаза, ища поддержки. Но я не стал рисковать. Кто знает, может киборг решил сказать важную информацию именно мне, а не оптимену?

— Эми, оставь нас пожалуйста, — попросил я.

Эми явно не была готова к такому исходу. В её глазах читалась растерянность, она открыла рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого сухо попрощалась с Весселем, развернулась и быстрым шагом пошла в сторону стоянки. Когда Эми скрылась за деревьями, и её шаги стихли, Вессель кивнул в её сторону:

— Горячая штучка, наверное нелегко с ней работать?

— Да, бывает, — уклончиво ответил я, — так что вы хотели мне сказать?

— Я хотел спросить у вас, — он отвёл глаза и посмотрел куда-то вдаль, — мистер Эйвел, как вы считаете, вам повезло оказаться в этом самолёте?

— Эм... — вопрос был несколько необычным и застал меня врасплох. — Сейчас, я, наверное, отвечу — да, но в то время я так не считал.

Вессель кивнул, словно размышляя над моим ответом.

— Спасибо, именно так я и думал.

— К чему вы это спросили?

— Так, простое любопытство, не берите в голову.
— Ещё что-нибудь? — осторожно поинтересовался я, рассчитывая на его откровенность.

— Нет, это всё, — ответил он и улыбнулся, давая понять, что разговор закончен.

Я почувствовал себя обманутым.

— В таком случае, — я протянул ему визитку, — если вы узнаете что-либо важное...

— Я непременно сообщу вам об этом.

— Рад, что мы друг друга поняли, — сказал я, — благодарю вас за встречу, вы нам очень помогли!

— Вы мне тоже, — на его лице играла улыбка, такая же искусственная как и всё его тело.

«Чёртов старый интриган!»

Как я и предполагал, ничего нового мы не узнали. Завидев меня роботы-садовники испуганно юркнули в кусты и наблюдали за мной оттуда своими многочисленными сенсорами.

Я залез в Митсубиси и захлопнул дверцу. Эми молчала, сжав губы, и выражение её лица не предвещало ничего хорошего. Она резко тронулась, вырулила на аллею и помчалась прочь. Наконец, когда ворота закрылись за нами, она спросила:

— Ну и что же он сказал?

— Ничего.

Мне совсем не хотелось объясняться перед ней, как Вессель обвёл меня вокруг пальца и выставил идиотом.

— Неужели? Тебя не было четыре минуты. Феликс, мы же партнёры!

— Ничего серьёзного, личный вопрос о моём прошлом.

— Зачем же он просил меня уйти?

— Эми, это тебя не касается, лучше скажи, зачем ты его провоцировала? — раздражённо ответил я.

— Разве ты не видел, что он лжёт в каждом слове? Как ты можешь доверять ему больше, чем мне? И вообще, это нарушение правил!

— Единственное, что я видел, это то, как ужасно ты себя вела.

И да, к чёрту правила!

— Феликс!

— Нет.

Эми гневно взглянула на меня и сухо сказала:

— Хорошо, я буду вынуждена сообщить об этом в рапорте.

— Валяй, — невозмутимо сказал я, — пиши всё, что считаешь нужным. Тебя же за этим направили в мой отдел, чтобы шпионить за мной.

— Что за чушь!

— Не твоего ли отца это была идея? — продолжил я своё наступление. — Он всё время нас критикует, и вообще, с каких это пор армия сует свой нос в дела ФБР?

— Может с тех пор, как киборгов в Бюро стало столько же сколько оптименов? И честно скажу, я разделяю его опасения.

Я усмехнулся:

— Неужели ты считаешь, что киборги — главная угроза Эко-зоне? Впрочем, я знаю, что он сказал: «Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы киборги получили большинство в Конгрессе и вновь заняли ключевые посты в правительстве».

— А ты считаешь, что киборги не опасны?

— Знаешь, кто наша основная угроза?

— И кто же? — недоверчиво спросила она.

— Обычные люди.

— Натуралы?!

— Да. Натуралы. Три четверти населения страны, живущие в ужасных условиях. Нелегалы, которых мы регулярно ловим и высылаем обратно. Девяносто пять процентов всех преступлений в Экозоне совершают именно они.

«Они». Внезапно я удивился своим словам в отношении тех, кем ещё недавно был сам. Как мало времени прошло, а я уже забыл, что значит быть человеком. Что уж говорить про Весселя.

— Бред какой-то. Нелегалы являются серьёзной проблемой, но чтобы считать всех натуралов в Резервации угрозой? За что им ненавидеть нас?

— Ошибаешься, вы для них ничем не лучше киборгов,

а может быть и хуже. Киборги, по крайней мере, заплатили за свои жизни, перестав быть людьми. А чем заплатили оптимены, за свои вечные жизни? Ничем! Оптименом нельзя стать, им нужно родиться. Чем заплатила ты, Эми, за право ничем не болеть и не стареть? Тем, что родилась в нужной семье? А они умрут в лучшем случае в семьдесят, как их дети и внуки.

— Всё решаемо, Феликс, их дети смогут стать оптименами, а они сами продлить свои жизни или...

— Пройти киборгизацию? Неужели? — рассмеялся я, — геномная оптимизация стоит миллион, биохимическая терапия — семьсот тысяч каждые десять лет, а первый этап киборгизации — не меньше сотни.

— Можно же взять кредит, — пыталась настоять на своём Эми.

— Кто же им его предоставит? — спросил я, — ты, наверное, не представляешь себе жизнь в Резервации. Это в принципе нереально. Ты видела очереди в клиники? А я видел: люди в них умирают от жары. Никаких легальных способов, иначе в Резервации не было бы нужды.

— Я уверена, что правительство делает всё, что в их силах, — похоже у Эми закончились аргументы.

— А я не уверен! Потому что я прекрасно помню, как ещё пятьдесят лет назад Экозону называли временным явлением. Нам обещали, что скоро вся страна превратится в Экозону.

Зря я ввязался в спор, но отступить было уже некуда.

— И что же я вижу? — продолжал я. — Правительство оптименов ничего не сделало за пол века! Кроме строительства новых заграждений и воздушных заслонов. Разумеется, им легче обвинять во всём киборгов, чем решать реальные проблемы, которые скоро приведут к катастрофе. И, между прочим, такие как твой отец принимали непосредственное участие в разделе.

Эми вспыхнула.

— Ты просто симпатизируешь киборгам, потому что сам такой же как они!

Пора было это прекращать.

— Эй, сестрёнка! — резко сказал я, — вообще-то, я всё ещё твой начальник, а если тебе это не нравится, ты можешь написать заявление в любое время. Тебе всё ясно? Уверен, таких как ты охотно примут в армии.

Эми сжала руль так, что костяшки её пальцев побелели.

— Да, сэр! — сказала она, — и в её официальном тоне не было согласия, а слышалось лишь вынужденное подчинение. — Именно так я и поступлю.

— И не гони!

Я откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Ну и чего ты добился, агент Эйвел? Испортил отношения с одним из лучших начинающих агентов? Да, она наивная, вспыльчивая и резкая, но при этом искренняя и честная — качества, редко встречаемые среди сотрудников Бюро. Впрочем, я не сильно переживал из-за Эми. Если бы она видела то же, что и я, если бы она жила там и была частью того мира, она бы знала как опасны люди доведённые до отчаяния. Люди, которым нечего терять, кроме своей жизни, а её они ценностью не считали.

Они были готовы на всё, чтобы проникнуть в Экозону, даже на смерть. И мне приходилось их убивать. Мы с ними были конкуренты: чем меньше людей пересечёт границу нелегально, тем быстрее смогу легально пересечь её я. Жестоко. А разве кто-то говорил, что будет иначе? Агентов было много, и каждый оставленный нелегал увеличивал шанс, что в очередной раз именно мне вручат заветный зелёный паспорт. Во всяком случае, так я считал в самом начале. А в реальности оказалось, что в Экозоне нас никто не ждал. Наёмники были нужны по ту сторону границы, и Бюро намеревалось использовать нас до тех пор, пока мы были способны сносно выполнять свою работу, а когда спустя тридцать — сорок лет ты превращался в старую развалину — если, конечно, ты вообще был ещё жив — тебя в качестве назидания остальным могли пустить в Экозону куда-нибудь на Гавайи доживать свой век.

«Смотрите, ведь можно легально жить в Экозоне! — говорили они. — Вот, например, человек честно заработал своё граждан-

ство. Нужно просто усердно работать!»

Разумеется, ты по-прежнему работал в Бюро, в меру своих возможностей. Отказаться было невозможно — это являлось обязательным условием натурализации, да и ничего иного ты не умел. В некотором смысле мне чертовски повезло.

«Интересно, какой рисунок оставляют на дороге шины митсубиси?» — внезапно подумал я. Следы от протекторов японской машины — почему-то сейчас именно это волновало меня больше всего.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Взгляд	5
1	8
2	15
3	26
4	37
5	43
7	59
8	71
9	80
10	91
11	99
12	113
Человек, который никуда не спешил	123
Кукла	133
Разбитая чашка	149

Ариэль Файнерман

Взгляд
Рассказы